Через все испытания

Борис Ильич Мутовин

SHOUT
SHARE
IT

- Мутовин Борис Ильич

Мутовин Борис Ильич
Через все испытания

Мутовин Борис Ильич

Через все испытания

Аннотация издательства: Фронтовой политработник, большую часть Великой Отечественной войны - начальник политотдела 204-й (78-й гвардейской) стрелковой дивизии, повествует о славном боевом пути соединения, участвовавшего в битве под Сталинградом, на Курской дуге и на Днепре, в Висло-Одерской. Берлинской и других операциях, о мужестве и героизме воинов-гвардейцев, их подвигах. Особый интерес представляет рассказ Б. И. Мутовина о его участии в пленении командующего войсками 6-й немецкой армии генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. Рассчитана на массового читателя.

Содержание

Глава первая. "Особое" задание
Глава вторая. ...От меча и погибнет
Глава третья. Конец армии Паулюса
Глава четвертая. Гвардейцам салютует Родина
Глава пятая. От Харькова до Днепра
Глава шестая. У истоков героизма
Глава седьмая. На кировоградском направлении
Глава восьмая. Покой нам и не снился
Глава девятая. За рубежом
Глава десятая. Политотдельцы
Глава одиннадцатая. Час расплаты
Примечания

Глава первая
"Особое" задание

В самолете было темновато, но тепло и уютно - по крайней мере, так мне казалось после холодных ночей, проведенных в окопах. Пассажиры - оперативная группа штаба 64-й армии (два офицера оперативного отдела, начальник разведотдела, командующий артиллерией и я, комиссар штаба армии) - сидели молча, каждый погрузившись в свои мысли. Знали, что летим на участок фронта, который приобрел особое значение. Под Сталинград! Всем нам, штабным работникам, было хорошо известно, какое огромное значение придавали ЦК ВКП(б) и Государственный Комитет Обороны защите города на Волге, какие решительные меры принимались в связи с этим. Переброска 64-й армии из-под Тулы в район Сталинграда входила

в общий замысел создания там устойчивой обороны, чтобы как можно больше обескровить врага, остановить его продвижение на Восток, не дать выйти к Волге.

Исподволь наблюдаю за товарищами. Лица их спокойны. О чем они думают в эти минуты? Забот у каждого хватает. А сколько их еще впереди! Бои за Сталинград конечно же будут чрезвычайно жестокими - это каждому ясно. Город в планах гитлеровского командования занимает большое место как стратегически важный пункт, связывающий центр страны с Кавказом, бакинской нефтью. Враг сосредоточил здесь огромные силы. 6-я немецкая армия под командованием генерал-полковника Паулюса, усиленная 17-м и 11-м корпусами, снятая с кавказского направления и нацеленная с юго-запада на Сталинград вдоль железной дороги, идущей из Ростова танковая армия генерала Гота, основные силы 4-го воздушного флота, 8-я итальянская армия и соединения 3-й и 4-й румынских армий - вот силы, которые должны были по планам гитлеровского командования сокрушить нашу оборону. Сталинградское направление становилось самым решающим на всем советско-германском фронте.

...17 июля 1942 года передовые отряды 64-й армии уже "вели бои с авангардными частями противника в большой излучине Дона на рубеже рек Чир и Цимла и остановили Продвижение фашистов. Но не надолго. Рубеж обороны проходил по открытой степной местности, растянувшись на 120 километров. Это давало возможность врагу в полную силу использовать танковые соединения. Авиация гитлеровцев, не встречая достаточно сильного сопротивления, безнаказанно вела разведку, массированно бомбила наши подходящие к фронту силы, места их сосредоточения. Части, прибывшие в район боевых действий, вступали в сражение, еще не имея хорошо подготовленных позиций. Все это, видимо, очень беспокоило исполнявшего обязанности командующего 64-й армией генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова.

Прибыв в штаб армии, мы знали, чем будем заниматься. Офицеры оперативного отдела должны были встречать прибывающие соединения, определять им соответствующие ? участки обороны. Начальнику разведки майору И. Рыжову предстояло, используя самолет и другие средства, уточнить расположение противника, места сосредоточения его войск, движение вражеских колонн. Командующий артиллерией генерал Т. Броуд получил задание встретить артиллерийские части, поставить перед ними задачи и обеспечить их переправу через Дон в районе Калача. Мне было приказано выехать за Дон в район

Суровикино и создать там армейский командный пункт, где держали оборону несколько дивизий, 66-я морская стрелковая, 121-я танковая бригады и два армейских артполка. Необходимо было наладить связь по радио и телефону с командирами соединений - это главная задача. Но четкого представления, как ее решать, я не имел. Успокаивал себя тем, что сориентируюсь на месте, буду активно использовать помощь связистов, саперов, офицеров частей и соединений. Именно так и произошло. Я подобрал наиболее опытных саперов, связистов и поставил перед ними задачу. Узнав, что им предстоит оборудовать армейский командный пункт, все работали с большим энтузиазмом, хотя зачастую и под затяжными артиллерийскими обстрелами. Их заслуга в том, что буквально через день командный пункт был оборудован. Это понравилось Василию Ивановичу Чуйкову. В те дни, исполняя обязанности командующего армией, он побывал на всех участках обороны, в дивизиях, полках, беседовал с командирами, бойцами, ставил им задачи. Прибыв на КП и узнав, что уже можно связаться с командирами всех соединений и некоторых частей, Чуйков сперва удивился, потом заметил:

- Молодцы! Ценю за оперативность...

Об этой похвале генерала я сразу же сообщил всем, кто участвовал в оборудовании пункта управления.

В.. И. Чуйков, воспользовавшись связью, тут же вызвал майора Рыжова. В каком месте сосредоточивается противник? Каковы его силы и намерения? Эти и многие другие вопросы интересовали генерала. Ответы разведчика он слушал молча, глядя на дощатый стол и поглаживая пальцами плохо оструганные доски. Затем сухо приказал:

- Мне нужны самые подробные сведения. И самые точные... Следите за противником днем и ночью, добывайте данные любым путем.

Вскоре В. И. Чуйкову доложили, что основная вражеская группировка сосредоточивается на стыке 62-й и 64-й армий. Развернувшиеся затем события полностью подтвердили эти данные. 25 июля в полосе обороны правофланговой 229-й стрелковой дивизии завязались ожесточенные бои. Враг атаковал крупными силами танков и авиации. К исходу дня создалась тяжелая обстановка: противник глубоко вклинился в наши боевые порядки и продолжал вводить в образовавшийся прорыв новые силы.

26 июля фашистское командование ввело в сражение против 229, 214 и 29-й стрелковых дивизий правого фланга нашей армии 24-й танковый и 51-й армейский корпуса. Одновременно более ста танков атаковали наши части, потеснили их и вышли к Дону в

районе Нижне-Чирской, южнее Кадада. Это был кратчайший путь к Сталинграду. Возникла опасность обхода города с юга и проникновения гитлеровцев в тыл фронта.

В эти дни на должность командующего 64-й армией прибыл генерал-майор Михаил Степанович Шумилов. Он принял срочные меры для укрепления обороны на левом фланге, создав оперативную группу из 29, 138, 157 и 208-й стрелковых дивизий, 154-й морской стрелковой бригады, 6-й гвардейской танковой бригады и двух полков реактивной артиллерии. Эту группу возглавил генерал В. И. Чуйков. Но все дивизии, за исключением 29-й, были малочисленны, слабо вооружены и не могли долго удерживать оборону. А немецкое командование делало все, чтобы пробиться к Волге, к Сталинграду. Оно направило 4-ю танковую армию вдоль железной дороги Котельниково - Сталинград.

6 августа она при поддержке крупных сил авиации перешла в наступление. Ей удалось прорвать нашу оборону на участке шириной в девять километров, занять железнодорожный разъезд "74-й километр", станции Тингута и Абганерово.

С этого времени основная тяжесть усилий 64-й армии по отражению натиска врага переместилась на ее левый фланг. Учитывая сложившуюся обстановку, штаб Юго-Восточного фронта направил в распоряжение командарма 13-й танковый корпус, 204-ю стрелковую дивизию, 133-ю отдельную тяжелую танковую бригаду, несколько артиллерийских и гвардейских минометных полков. Он потребовал нанести контрудар по вклинившейся в нашу оборону группировке противника и оттеснить ее, восстановить прежнее положение.

Нас, работников штаба и политотдела армии, пригласили к себе члены Военного совета З. Т. Сердюк и К. К. Абрамов. В небольшом блиндаже собралось человек двадцать. Почти всех я хорошо знал, с каждым не раз приходилось и встречаться, и беседовать. К сожалению, среди присутствовавших не увидел некоторых политработников, хорошо знакомых мне по совместной службе - война есть война.

Ожидая членов Военного совета, мы вполголоса разговаривали, коротко обменивались мнениями о положении дел на порученных каждому участках, о перспективах, о предстоящих боях. Из обрывочных фраз, небольших сообщений можно было сделать вывод, что обстановка повсюду в полосе армии складывается напряженная, и воинам предстоят серьезнейшие испытания.

Об этом сказал собравшимся и бригадный комиссар З. Т. Сердюк. Он пришел в блиндаж вместе с Абрамовым. Все эти дни и Сердюк, и Абрамов, и работники политотдела армии постоянно

находились в частях и подразделениях, на самых передовых позициях, беседовали с командирами и политработниками, бойцами, разъясняли обстановку, ее сложность, задачи, которые предстоит решить всей армии, призывали драться смело, с полной уверенностью в победе.

- Каждый боец, - сказал З. Т. Сердюк, обведя взглядом собравшихся, подчеркиваю: каждый боец, на каком бы участке ни находился, должен сердцем понять, что отступать ему больше некуда, что, есть только два выхода победа или смерть. И еще: каждый должен твердо усвоить, быть совершенно уверенным, что мы не только выдержим натиск фашистских войск, но и в самое ближайшее время погоним их прочь от Сталинграда. Объяснить это бойцу, убедить его в этом, помочь почувствовать свою силу, воспитать готовность биться мужественно, стойко - ваша задача. Сейчас нет ничего важнее ее...

После совещания дивизионный комиссар попросил меня задержаться.

- Вот какое дело: всем руководящим работникам штаба и политотдела рекомендуется установить, если можно так сказать, шефство над отдельными крупными соединениями. Это позволит нам лучше знать положение дел в них, осуществлять там более оперативное и конкретное руководство, - сказал З. Т. Сердюк, медленно прохаживаясь по блиндажу. - Вам поручается двести четвертая дивизия. Она недавно вошла в состав армии, и вам придется в самый короткий срок изучить обстановку в ней, людей. Короче говоря, будьте там своим человеком, хотя вы и представитель штаба армии. Это для вас, если можно так сказать, особое задание.

В тот момент я еще не знал, что вся моя военная судьба будет связана с этой дивизией, что вместе с ее воинами пройду тысячи километров огненных военных дорог, вместе с ними буду делить и радость побед, и горечь неудач, утрат.

Что представляла собой 204-я стрелковая дивизия? Она была сформирована 'в годы Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке. В течение восьми месяцев личный состав усиленно занимался боевой и политической подготовкой в условиях, приближенных к фронтовой действительности. Бойцы я командиры всех степеней изучали оружие, боевую технику, современную тактику ведения боя. Последние тактические учения, проведенные командующим Дальневосточным фронтом генералом И. Р. Апанасенко в июне 1942 года, показали высокую боевую выучку частей.

10 июля 1942 года соединение было отправлено на фронт, 25 июля выгрузилось на станции Орловка северо-западнее

Сталинграда и вошло в состав 1-й танковой армии Юго-Восточного фронта, преобразованного затем в Сталинградский фронт. Дивизия совершила 100-километровый марш и 28 июля сосредоточилась в районе города Калач на левом берегу Дона. Марш проходил в трудных условиях открытой стенной местности, при июльской жаре, под непрерывными бомбежками. Во время марша и переправы через Дон погибли командир 657-го артполка майор Т. Т. Лысиков, командир 1-го дивизиона капитан П. А. Ануфриев, начальник разведки штаба дивизии капитан С. Д. Андрианов и другие командиры и красноармейцы.

В период, когда дивизия переправлялась на правый берег Дона, тяжелая обстановка сложилась на левом фланге фронта в полосе обороны 64-й армии вдоль железной дороги Тихорецкая - Сталинград. Здесь началось наступление 4-й танковой армии немецко-фашистских войск под командованием генерала Гота. В связи с этим 204-я дивизия и была переподчинена 64-й армии. И в ночь на 30 июля командир дивизии полковник Александр Васильевич Скворцов получил приказ занять рубеж обороны Тузово, Старомаксимовский, Новомаксимовский, Дубовский. Соединению была поставлена задача во что бы то ни стало остановить продвижение фашистских войск. В этот период я и приехал в дивизию.

Александр Васильевич Скворцов, когда я доложил ему о цели своего прибытия, сначала недоуменно пожал плечами - дескать, если прислали, то добро пожаловать, только в дивизии есть и свои политработники. В этот момент в блиндаж вошел начальник политотдела старший батальонный комиссар Анатолий Ермолаевич Светлов.

- Вот узнал о вашем появлении и решил зайти, - дружелюбно, приветливо улыбнулся он. - Будем работать вместе. Ваша помощь нам будет очень кстати.

А. В. Скворцов не разделял оптимизма и радости начальника политотдела дивизии, смотрел на нас из-под нависших бровей, хмурился, явно чем-то недовольный. Быть может, усматривал какое-то недоверие ему - трудно сказать, но вел он себя по отношению ко мне как-то настороженно. Позже мы со Скворцовым стали хорошими друзьями, во всем доверяли друг другу и многие вопросы решали сообща. А отношения со Светловым с первого дня моего пребывания в дивизии установились самые дружеские, теплые, и работали мы, как говорится, душа в душу.

Конечно, основными моими обязанностями по-прежнему оставались те, которые были возложены на меня как комиссара штаба армии, но много времени я проводил в 204-й дивизии.

Анатолий Ермолаевич охотно вводил меня в курс дела, знакомил с обстановкой, тактическими замыслами, различными документами, содействовал тому, чтобы я глубоко и всесторонне знал положение в каждом полку, и всегда внимательно прислушивался к моим советам, рекомендациям, которыми я, естественно, не злоупотреблял, а если требовалось, то стремился высказать их ненавязчиво, тактично. Светлов был опытным, знающим политработником, пользовался большим уважением у личного состава - "того нельзя было не заметить и не учитывать. Люди самых различных рангов, должностей шли к нему с открытым сердцем и всегда находили понимание, отклик. Человеком он слыл душевным, но строгим и взыскательным к подчиненным, смелым и решительным в бою...

Получив разрешение командира дивизии, Анатолий Ермолаевич повел меня в свой блиндаж. Шли неглубокими траншеями - он впереди, я за ним. У блиндажа Светлов поравнялся со мной, смущенно и как-то виновато улыбнулся:

- На комдива не обижайтесь. И командир, и человек он хороший, но иногда бывает несколько самолюбив. Разберется во всем и поймет.

Мы вошли в уютный, но душный блиндаж, сели за самодельный стол. Анатолий Ермолаевич тут же разложил кое-какие съестные припасы, извинившись за скромность угощения, предложил подкрепиться. Я был голоден и охотно принял приглашение. Начальник политотдела сообщил мне, что в ночь на 5 августа дивизия по приказу командующего армией должна переправиться через Дон в район Ляпигова и к утру 7 августа сосредоточиться на левом берегу. Участок обороны примет 112-я стрелковая дивизия.

- Чем это вызвано? - поинтересовался я и высказал предположение: Четвертая танковая?

- Она, - согласился Светлов.

- Боевое крещение уже состоялось. По всем данным, воины проявили себя в боях хорошо, показали, что драться умеют. Так что фашисты встретятся уже с опытными бойцами, - высказал я свое мнение.

- Да, конечно... Но немало мы людей потеряли, - с болью произнес начальник политотдела. - И каких людей! Вчера похоронили комбата Панова и комиссара Топчина...

Он замолчал, крепко сжав зубы - так, что на скулах заиграли желваки. Мне уже было известно об этом. Знал я и об обстоятельствах, при которых эти люди погибли. Произошло это так.

Выполняя приказ командующего занять оборону в полосе

Тузово, Дубовский, 730-й стрелковый полк 204-й дивизии первым вышел на определенный ему участок и закрепился. Однако с самолетов противника были обнаружены его позиции, и в тот же день он подвергся артобстрелу и бомбежке.

Ночь выдалась беспокойной. С вражеской стороны то и дело взвивались в воздух ракеты, освещая все вокруг, беспрерывно строчили пулеметы, трещали автоматы, гулко ухали орудия. Ожидалось, что с рассветом гитлеровцы начнут наступление.

В эту тревожную ночь никто из командиров не спал. Не сомкнул глаз и комбат-3 капитан Андрей Егорович Панов. Он сидел у телефона, уточнял обстановку, отдавал распоряжения, требовал от ротных и взводных быть начеку, выставить дополнительные секреты, при малейшем движении на стороне противника открывать огонь. Чуть забрезжил рассвет, командир 7-й роты Т. И. Логачев доложил о том, что гитлеровцы пошли в атаку. Панов приказал держаться, ни в коем случае не допускать прорыва обороны, открыть огонь из всех видов оружия. А сам решил попросить помощи у артиллеристов.

Через некоторое время в блиндаж пришел комиссар батальона старший политрук Ф. И. Топчин и сообщил, что 7-я рота ведет бой почти в полном окружении. Имея перевес в живой силе и технике, противник в нескольких местах вклинился в оборону батальона.

Чтобы восстановить положение в отбросить фашистов, Панов приказал ввести в бой 8-ю роту. Затем вместе с Топчиным он направился в боевые порядки рот - туда, где шел бой и решалась судьба обороны батальона. Личным примером командир и комиссар вдохновили бойцов, повели их в контратаку. В этом первом для них бою они сделали все, чтобы враг не прошел, но погибли и сами...

- Пойдемте, Анатолий Ермолаевич, посмотрим, как идет подготовка к выполнению задачи, - предложил я, когда закончилась беседа.

Светлов быстро поднялся, и мы пошли в траншеи. Всюду шла усиленная подготовка к предстоящей переправе через Дон. Маскировалась техника, укладывались ящики со снарядами, снаряжались плавсредства. Люди работали молча, настойчиво, с азартом.

Возле одной из групп, маскирующей "катюшу", Светлов остановился.

- Как работает эта игрушка? - опросил он высокого широкоплечего сержанта.

Тот широко улыбнулся, обнажив крепкие белые зубы.

- От этой игрушки фашистам тошно становится, - ответил он

густым басом. - Побольше бы только их...

- Верно, надо бы побольше, - согласился Анатолий Ермолаевич. - И они будут со временем. Сколько потребуется, столько и будет, - добавил он уверенно, будто шел получать уже обещанные гвардейские минометы. - А пока придется воевать с тем, что имеем. И хорошо воевать!

- Стараемся, товарищ старший батальонный комиссар! - отчеканил сержант.

- Трудные дни пережили бойцы. Очень трудные, а духом не пали, - с удовлетворением ответил начальник политотдела, когда мы пошли дальше. - И вообще настрой у людей боевой. Сколько их переживет этот ад? Слышал, что соединения, которые стоят на пути четвертой танковой, очень поредели.

- Устоят! - без промедления и почему-то твердо ответил я. - Обязательно устоят...

Части, сдерживавшие натиск 4-й танковой армии противника, поддержанной крупными силами авиации, наносили удар за ударом вдоль железной дороги Тихорецкая - Сталинград. Оказывая упорное сопротивление врагу, измотанные еще и в прежних боях, наши части действительно потеряли много людей и боевой техники.

6 августа, предприняв очередное наступление, войска 4-й армии на некоторых участках прорвали оборону, но развить успех не смогли: сильный артиллерийский огонь истребительно-противотанковых полков, настойчивые контратаки наших воинов заставили врага остановиться и запять оборону.

7 августа 204-я дивизия, переправившись через Дон сосредоточилась в районе совхоза имени Юркина и Зеты, готовая вступить в бой. А 9 августа рано утром наша артиллерия ударяла по врагу. Участвовали в артподготовке и гвардейские минометы. Такой силы удар "катюш" все мы видели впервые. Затем пошла в атаку ударная группировка армии. Противник был ошеломлен внезапностью действий наших частей, дерзкой атакой воинов 204-й стрелковой дивизии, танкистов 254-й танковой бригады, а также яичного состава курсантского Краснодарского полка. Он не выдержал стремительного натиска и стал отходить.

Двое суток в районе разъезда "74-й километр" продолжались ожесточенные, кровопролитные бои с частями трех вражеских дивизий. Контратакуя противника, советские ?бойцы, отрезав от танков пехоту, отбросили ее на 14-16 километров и штурмом овладели разъездом.

Восстановив прежний оборонительный рубеж по реке Мышкова, дивизия прочно закрепилась и перешла к обороне. Но трудные оборонительные бои на этом рубеже продолжались

круглосуточно. Враг непрерывно атаковал, пытаясь прорваться к Сталинграду. Гром канонады не стихал ни днем ни ночью.

В эти дни, как, впрочем, и в другие, работники политотдела дивизии постоянно находились в подразделениях, на батареях, страстным партийным словом вдохновляли людей, вместе с ними участвовали в боях. Особое внимание обращалось на пропаганду ярких примеров стойкости, мужества бойцов. А за примерами, как говорится, не надо было далеко ходить: подвиги совершались повсеместно. Ежедневно, ежечасно мы, политработники, становились свидетелями героизма как отдельных бойцов, так и целых подразделений.

Второй батальон 706-го стрелкового полка оказался в сложной обстановке. Его командир капитан И. А. Мацокин, когда на батальон двинулись немецкие танки, решил попросить у артиллеристов дать "огонька". Однако связь с батарейцами оказалась поврежденной. Сержант И. Ф. Корпев, оставив у аппарата рядового А. И. Сумака, пополз искать обрыв. Под огненным ливнем он пробирался от кустика к кустику, от воронки к воронке и нашел повреждение линии. Связь была восстановлена. Артиллерия ударила по врагу вовремя, четыре немецких танка запылали на подступах к району обороны батальона, а остальные отошли.

Вызывали восхищение действия бойцов 193-го истребительно-противотанкового дивизиона лейтенанта Г. Т. Гриппа. Хорошо замаскировавшись, они огнем пяти пушек отбили атаку 52 вражеских танков, уничтожив девять из них.

В эти жаркие дни вели упорные бои и артиллеристы 657-го полка. Однажды командир 4-й батареи старший лейтенант Л. И. Логвиновский решил сверить карту с местностью. Он вглядывался в предрассветную дымку и вдруг заметил подозрительные предметы. Стоявший рядом более остроглазый лейтенант В. Д. Киселев оказал, что это немецкая колонна, которая, видимо, подошла ночью к переднему краю. Логвиновский приказал вывести батарею на прямую наводку. Снявшись с огневых позиций, батарея на рысях выскочила на пригорок. Стрельбой руководил комбат. До противника было менее километра. Снаряды ложились в центре колонны. Она была разгромлена, и лишь немногим гитлеровцам удалось выйти из-под огня. Разбитые машины горели весь день. Там же дымилось и несколько вражеских танков.

Однажды после мощной бомбежки нашего переднего края противник одновременно бросил в атаку десятки танков с десантами автоматчиков на них. За танками двигалась пехота. Атака была очень мощная. Но воины 700-го, 706-го стрелковых

полков и артиллеристы 657-го артполка и 193-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона не дрогнули. Они сражались мужественно, стойко. Врагу не удалось расчленить наши боевые порядки. Фашистские танки были встречены организованным огнем артиллеристов и специально сформированными группами истребителей танков. Враг понес значительные потери и был вынужден приостановить атаку, а затем и отойти в исходное положение.

В период небольшого затишья я встретился с комиссаром полка батальонным комиссаром В. М. Сысоевым. Владимира Михайловича я знал давно, уважал, как можно уважать человека, в котором сочетались все замечательные качества коммуниста: выдержка, смелость, эрудиция, знание военного дела и удивительная способность располагать к себе людей. Он участвовал в гражданской войне, с первых дней Великой Отечественной находился на фронте. Бойцы и командиры любили его. О нем часто говорили: "Наш комиссар не только знает каждого в лицо, фамилию, кто где родился и как жил, но и о чем боец думает".

"Наш комиссар" - так обычно говорили о тех политработниках, которых безгранично и глубоко любили, которым доверяли, в которых верили. Сысоев был таким.

- Куда это ты принарядился? Не на свидание ли? - пошутил я, оглядывая опрятно одетого, чисто выбритого Сысоева.

- Я комиссар, и с меня берут пример. Бои боями, а человек должен следить за собой.

- Трудновато тут у вас, - посочувствовал я.

Сысоев усмехнулся:

- Может, подскажешь, где легко?

- Верно, всюду жарко, всюду трудно. Наслышан о прошедшем бое. Молодцы!

- Ничего особенного. Бой как бой. Сколько еще будет таких. Но люди, конечно, держались прекрасно.

А произошло все так: как всегда, перед боем комиссар сходил на батареи, побеседовал с людьми, встретился на наблюдательном пункте с командиром полка, обсудил с ним возможные варианты боя и возвратился на командный пункт. Вскоре гитлеровцы начали атаку. Через пять минут на командный пункт прибежал запыхавшийся солдат и сообщил, что появились танки, прорвались через передний край.

По приказу комиссара бойцы быстро выкатили три орудия на гребень высотки, где находились запасные огневые позиции для стрельбы прямой наводкой. Расчеты орудий приготовились к бою, а комиссар е остальными солдатами, вооруженными винтовками,

гранатами и бутылками с зажигательной смесью, залег в траншее впереди пушек.

Тяжело переваливаясь на ухабах и ведя огонь, танки противника шли на батарею. И вот ударили противотанковые орудия. Однако поначалу взрывы снарядов взметнулись в стороне от танков. Но вот еще залп, и шедший впереди танк замер на месте и над его башней заклубился сизый дым. Остальные машины, не прекращая огня, устремились к батарее. Прямым попаданием снаряда был уничтожен один наш расчет и орудие. Но остальные пушки продолжают бить по врагу. Был подбит еще один танк. Однако и на батарее умолкло еще одно орудие. А другие машины все ближе и ближе.

Комиссар, подбадривая бойцов, приказал им вести огонь по смотровым щелям, приготовить гранаты и бутылки с зажигательной смесью. В это время впереди раздался оглушительной силы взрыв и вспыхнуло пламя: после удачного попадания в фашистском танке взорвался боезапас.

Четвертый вражеский танк с короткой остановки ударил по последнему орудию батареи и вывел его из строя. Он медленно приближался к огневой позиции батареи. 'В каждой руке комиссар держал по бутылке с зажигательной смесью. Танк приближался, до него оставалось полсотни метров. И в это время рядом раздался выстрел. Это вновь заговорило орудие коммуниста сержанта П. Н. Ненашева. Раненный, он собрал всех, кто мог еще держаться на ногах, и вместе с ними встал у пушки.

Снаряд угодил в ходовую часть крестоносной машины, растерзал его гусеницу. Танк развернулся на месте. Раненые солдаты на батарее стали оказывать друг другу помощь. Ненашев тоже был ранен, но не тяжело. Он остался в строю.

Вообще-то Сысоев был прав: обыкновенный бой! Но именно в них, в этих боях, проявлялся характер советских людей, их воля к победе, ненависть к врагу. Плечом к плечу навстречу смертельной опасности шли русский и украинец, белорус и узбек, татарин и таджик - люди разных национальностей, но все одинаково любящие Родину, грудью вставшие на ее защиту, готовые к подвигам и совершавшие их.

В разных батальонах 730-го стрелкового полка дивизии воевали казахи отец и сын. Отец - коммунист Умиржан Джанбырбаев, младший сержант, командир отделения, ставший затем командиром взвода, сын - комсомолец Абдрахман Умиржанов, сержант, тоже командир отделения. Оба героически сражались с врагом, но не знали, что воюют в одной части. Джанбырбаев так и не узнал об этом. А Абдрахману стало известно, что его отец был совсем рядом, только тогда, когда тот

в одном из боев пал смертью храбрых.

...Бои в районе совхоза имени Юркина продолжались. Противник подтягивал новые силы. Нужно было срочно раздобыть "языка", чтобы уточнить силы врага. Командир батальона приказал Абдрахману Умиржанову возглавить группу разведчиков. Ночью они, действуя смело и осторожно, проникли в расположение врага, внезапно напали на спящих гитлеровцев. Немало гитлеровцев было уничтожено. Разведчики вернулись в часть с "языком".

На следующую ночь фашисты под покровом темноты попытались выбить с занимаемых позиций воинов 730-го полка. Но сделать это им не удалось. Начавшийся бой принял затяжной характер. Вскоре противник открыл мощный артиллерийско-минометный огонь и атаковал боевые порядки рот пехотой в сопровождении танков. Все на участке полка было перепахано, изрыто, искорежено, В этом бою снова отличилось отделение сержанта Абдрахмана Умиржанова. Он сам не раз проявлял находчивость, мужество и смелость. В одном из боев он заменил тяжело раненного командира взвода, подразделение проникло в тыл врага, разгромило штаб батальона и захватило важные документы. За этот подвиг сержант Умиржанов был награжден орденом Красной Звезды, а бойцы Николай Ганов, Кадырбай Биркенов, Марзажан Рахимбердиев получили медаль "За отвагу".

В одной из атак Умиржанов получил второе ранение и был отправлен в госпиталь. Как стало известно, после выздоровления он был направлен на Ленинградский фронт.

Героически воевал и отец Абдрахмана, младший сержант Умиржан Джанбырбаев. В боях в районе железнодорожного разъезда "74-й километр" два взвода под покровом темноты обошли один хутор с северо-запада, и воины, выждав, когда в небо взлетела красная ракета, атаковали гитлеровцев с тыла, ворвались в хутор и завязали уличный бой. В одном из домов засела большая группа фашистов. Пламя от загоревшихся деревянных строений освещало подступ к дому. Джанбырбаев, получив разрешение командира роты, по теневой стороне улицы незаметно подобрался к зданию и бросил в окно несколько гранат. Когда из разбитых окон повалил густой дым, бойцы отделения Джанбырбаева ворвались в дом и вступили в рукопашную схватку с уцелевшими гитлеровцами. К рассвету хутор был полностью очищен от противника. К Умиржану подошел командир батальона, поблагодарил его за мужество, инициативу, за личный пример в бою.

Вскоре командир дивизии полковник А. В. Скворцов вручил Умиржану Джанбырбаеву его первую награду - орден Красной

Звезды.

Бои не утихали ни днем ни ночью. В одном из них командир взвода лейтенант В. П. Павлов был тяжело ранен. На какой-то миг он потерял сознание, а едва придя в себя, спросил у сержанта, кто командует взводом. Джанбырбаев доложил, что он принял командование на себя и что отбита еще одна вражеская атака.

Но лейтенант уже не слышал его. Он вновь потерял сознание. Джанбырбаев сделал командиру перевязку, взвалил его на плечи, доставил в санроту и немедленно вернулся к взводу.

Двое суток сержант командовал подразделением, двое суток шел непрерывный бой с гитлеровцами. За это время солдаты отбили не одну вражескую атаку, уничтожили два танка.

И вот поступил приказ: взводу занять новый рубеж обороны, где противник атаковал еще настойчивее. Едва воины оборудовали опорный пункт, как снова пришлось вступить в бой. В течение дня они отбили у противника небольшой клочок земли. Сержант приказал всем окопаться, без команды не стрелять, беречь каждый патрон, каждую гранату.

Этот день был самым боевым и жарким в жизни Джанбырбаева. Двенадцать атак предприняли гитлеровцы. Столько же раз Джанбырбаев поднимал своих бойцов в контратаку.

Во второй половине дня противник усилил артиллерийско-минометный огонь по району обороны 2-го батальона. Земля, и без того уже вся перепаханная снарядами и бомбами, изъязвилась новыми воронками. Гул взрывов и свист осколков мин и снарядов заставили бойцов затаиться в окопах и траншеях. Через несколько минут гитлеровцы перенесли огонь артиллерии и минометов в глубину нашей обороны. Сержант предупредил подчиненных, что сейчас фашисты пойдут в атаку.

Действительно, вскоре из-за высотки показались вражеские автоматчики. Стреляя на ходу, они быстро приближались к траншеям. Впереди быстро шел офицер. Он что-то кричал, подбадривал солдат, размахивал пистолетом.

Бойцы взвода организованно открыли огонь. И все же немцы рвались вперед, хотели проскочить опасный участок и навязать ближний бой. Но не тут-то было: в лоб и с флангов ударили наши станковые пулеметы, открыли огонь минометчики. Гитлеровцы остановились, а затем побежали назад, оставив на поле боя убитых и раненых. На мгновение установилась настораживающая тишина.

Обозленные неудачей, немцы вызвали авиацию и танки. Вражеские бомбардировщики заново перепахали весь район обороны батальона. Тонны металла сбросили самолеты на наших

бойцов. А в это время из-за высотки выползли четыре танка. За ними шла пехота. Когда танки приблизились, по ним открыли огонь артиллеристы. От первых же выстрелов две машины загорелись, две другие повернули назад. Вражеские автоматчики стали развертываться в цепь. Но роты дружно контратаковали противника.

Понеся большие потери, гитлеровцы отступили. И только теперь Джанбырбаев заметил, что он ранен, левый рукав гимнастерки в крови. Идти в санроту отказался категорически, тем более что фашисты опять пошли в атаку.

На третий раз противник добился некоторого временного успеха, смяв оборону соседней роты. Видя это, Джанбырбаев вновь поднял своих бойцов, а вместе с ними и всю роту в контратаку. Фашисты не выдержали рукопашного боя и, отстреливаясь, отступили.

В самый разгар рукопашной схватки Джанбырбаев получил второе ранение и вскоре скончался. Когда стих бой, к бойцам взвода пришел комиссар дивизии старший батальонный комиссар А. П. Колесник. Долго стоял он у могилы Умиржана Джанбырбаева. А когда уходил, ему отдали вынутое из кармана сержанта письмо. Вот строки из него: "Сын мой! Скоро снова бой. В бой за Советскую власть, которая сделала нашу жизнь по-настоящему прекрасной. Быть может, я погибну, как погибли многие мои друзья. Но уверен, жизнь твоя будет радостной и счастливой, такой, о какой я мечтал. Хочу, чтобы ты был достоин тех, кто отдал жизнь за Родину".

Несколько позже это письмо было прочитано всем воинам дивизии. Они поклялись драться с врагом так, как дрался сын казахского народа - Умиржан Джанбырбаев.

Этот и подобные ему примеры политработники дивизии оперативно доводили до воинов. В перерывах между боями они рассказывали им о мужестве и стойкости тех, кто отдал жизнь за свободу и счастье Родины, призывали брать с них пример.

Естественно, о фактах героизма мы оперативно сообщали и в политотдел армии. Обычно использовали для этого короткие совещания, на которые собирались, чтобы обменяться мнениями, обсудить обстановку в частях, подвести итоги партийно-политической работы. Обычно возвращались с таких летучек в свои дивизии с твердым желанием работать и работать. Сразу же информировали о совещании политработников дивизии, полков, батальонов и рот, рассказывали им о задачах, которые предстоит решить, о делах в соседних соединениях, армии.

Обстановка менялась ежедневно. Получив отпор на левом фланге 64-й армии, противник попытался прорваться к

Сталинграду на других направлениях. Но и там потерпел неудачу и тогда вновь сосредоточил основные усилия вдоль участка железной дороги Ксаельниково - Сталинград, то есть там, где занимали оборону 126, 204 и 38-я стрелковые дивизии.

Перегруппировав войска и создав большое превосходство сил и техники на небольшом участке фронта, гитлеровцы рано утром 17 августа перешли в наступление. Против 204-й дивизии в районе совхоз имени Юркина, Тингута враг бросил 297-ю пехотную дивизию, 20-ю пехотную дивизию румын и более 100 танков.

Наиболее сильные и яростные атаки начались на 15-километровом участке железной дороги между Абганерово и Тингутой. Здесь действовало более четырех дивизий, не менее 300 танков и авиация противника.

В течение десяти дней шли бои на подступах к городу. Гром канонады не стихал ни днем ни ночью. Земля содрогалась, и казалось, она стонет. И все же противнику не удалось прорвать оборону дивизии. Лишь на небольшом участке на правом фланге он смог вклиниться в ее порядки.

Все началось с того, что с рассветом 17 августа в небе появились фашистские бомбардировщики и начали непрерывно группами по 40-60 штук бомбить боевые порядки наших полков. Они делали заход за заходом, с бреющего полета вели пулеметный огонь. Когда авиация переносила бомбовые удары в глубь обороны, по вторым эшелонам и штабам, по переднему краю вели массированный огонь артиллерия и минометы противника, началась атака танков с десантниками. За ними шла пехота.

Создалось впечатление, что не осталось ничего живого в траншеях и окопах переднего края. Но стоило противнику приблизиться к ним, как оборона оживала. Били пулеметы, автоматы, минометы и пушки, противотанковые ружья. Наши воины стояли насмерть.

В эти дни мы узнали о подвиге бойцов стрелкового батальона 706-го полка и его командира коммуниста капитана С. А. Муратова. Их осталось немногим более двадцати на всем оборонительном районе батальона. А враг наращивал и наращивал удары, бомбил, обстреливал с самолетов, вел непрерывный артиллерийско-минометный огонь. И уже в шестой раз началась атака танков и пехоты.

Муратов посчитал танки - двадцать. Задержать их нечем: орудия, стоявшие в боевых порядках, разбиты. Часть людей погибла, многие ранены. И Муратов решает: "Пропустим танки, а с пехотой будем драться до последнего патрона". О своем

решении он тут же доложил по телефону командиру полка майору А. А. Зеленкову:

- Товарищ майор! На боевые порядки батальона идет двадцать танков с пехотой. Атаку отбить нечем. Все орудия вышли из строя. Танки пропустим к вам. Пехоту отрежем от танков и будем вести с ней бой.

- Понял. Держись, Муратов. Ни шагу назад! - ответил майор Зеленков. Поддержать тебя нечем. Противник атакует по всему участку обороны полка. Танки... Ну что ж, пропускай, мы им организуем "встречу".

Положив телефонную трубку, Муратов скомандовал:

- Передать по цепи - всем укрыться в траншеях и окопах! Пропустить танки врага и сразу же открыть огонь по пехоте, отрезать ее от танков и уничтожить.

Лязг и скрежет танков все ближе. Делая короткие остановки, они вели огонь по траншеям. Пройдя их, вражеские машины двинулись в глубь обороны полка.

- К бою! - скомандовал Муратов.

И казавшаяся врагу мертвой оборона ожила. Застрочили ручные пулеметы, автоматы, полетели на врага гранаты, прибереженные для отражения пехоты. Били гитлеровцев в упор, во фланг, всеми силами стремились отрезать их от танков. Но противник все наседал. Бой принимал затяжной характер. Редели ряды батальона, некоторые командиры рот и взводов погибли. Майор Муратов был тяжело ранен, по продолжал командовать батальоном, вел огонь из пулемета.

- Товарищ комбат, вы ранены. Разрешите вас перевязать? - обратился к нему сержант Зинченко.

- Позже. Отобьем атаку - потом... Крикни всем, кто остался еще жив, усилить огонь! Да заложи-ка мне новый диск.

К исходу дня бой стих. Враг не прошел. Пехота противника была отсечена от танков и уничтожена.

- Зинченко, Топорков, - приказал сержантам Муратов, - проверьте, сколько осталось в строю бойцов и командиров, и доложите.

Через тридцать минут И. С. Зинченко доложил майору:

- Нас осталось только трое, товарищ комбат. Вы да мы с Топорковым... Разрешите помочь вам добраться до санроты или медсанбата. Мы с Топорковым донесем вас.

- Нет, батальон жив! Это мы с вами. Пока мы живы, будем драться, твердо ответил Муратов. - Достань-ка мне из планшетки бумагу и карандаш напишу донесение командиру полка.

- Сержант Зинченко! Донесение доставить лично командиру полка, - сказал Муратов, закончив писать. - Мы с Топорковым

останемся держать оборону...

Они погибли, и скоро об их героизме узнала вся дивизия.

В этих же боях пал смертью героя командир 730-го стрелкового полка подполковник П. И. Стыцюк и был тяжело ранен комиссар полка батальонный комиссар С. А. Матюхин. В критическую минуту боя они лично повели подразделения в контратаку. Смело, мужественно дрались командир и политработник с врагом, подавая пример своим подчиненным. И гитлеровцы не только были остановлены, но и отброшены. Тяжело раненного комиссара Матюхина бойцы на руках вынесли с поля боя и эвакуировали в медсанбат. На могиле командира полка они поклялись беспощадно бить гитлеровцев.

Многие бойцы и командиры полка показали отличную боевую выучку и беззаветную преданность Родине. Так, командир огневого взвода 76-миллиметровой полковой батареи старший лейтенант Андрей Иванович Колоколенко первым семью выстрелами подбил четыре вражеских танка. Потеряв один расчет и орудие, он продолжал вести огонь по вражеским машинам из двух остальных орудий. Позицию удержал, танки врага не пропустил. Командующий армией генерал М. С. Шумилов вручил офицеру прямо на поле боя орден Красного Знамени.

Бронебойщик сержант Михаил Белянкин лежал в укрытии, ожидая приближения вражеских танков. Но никак не думал, что их будет более тридцати. Приблизившись к траншеям, они открыли огонь из пушек и пулеметов. Сержант подпустил головной танк поближе и ударил из противотанкового ружья в моторную часть. Танк неподвижно застыл на месте. Немцы заметили сержанта. Вторая машина пошла прямо на него. Белянкин перебежал по траншее на запасную огневую позицию. Выстрел, другой - и танк загорелся.

Мощный огонь всех противотанковых средств полка остановил стальную лавину врага, а когда танки, перегруппировавшись, вновь пошли в атаку, Белянкин подбил еще один из них.

Накал боев все нарастал. Ценой больших потерь гитлеровцам удалось на стыке со 126-й дивизией прорвать передовые позиции и вклиниться в оборону соединения на правом фланге на глубину 4-5 километров. Они подошли к противотанковому рву. В двухстах метрах восточнее находилась батарея старшего лейтенанта Л. И. Логвиновского. Она стояла в боевых порядках пехоты на прямой наводке. На исходе дня Логвиновский получил приказ командира полка сменить огневые позиции. Но в это время немецкие танки колонной пошли мимо батареи по кромке противотанкового рва в поисках прохода через него. Приказав

батарее приготовиться к бою, Логвиновский пропустил колонну до правого орудия. Батарейцы одновременно открыли огонь и подбили одиннадцать танков. Остальные отошли. Батарея потерь не имела и своевременно заняла новые огневые позиции в районе юго-западнее Тингутинского лесничества.

Учитывая, что наиболее сильные удары следует ожидать в стыке 126-й и 204-й дивизий, где у фашистов обозначился некоторый успех, командующий армией для усиления обороны передовой линии на этом направлении ввел 29-ю стрелковую дивизию, усиленную двумя истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками и танками. 22 августа танки Гота вновь атаковали части дивизии, оборонявшие непосредственно подступы к станции Тингута. Вечером гитлеровцам удалось овладеть станцией. Теперь и левый фланг соединения оказался в опасности. Но командарм и здесь ввел в бой истребительно-противотанковые полки, и враг был вскоре остановлен.

Утром 23 августа бой разгорелся с новой силой. Он шел непрерывно двое суток. Фашисты бросили на Сталинград сотни бомбардировщиков. Их смертоносный груз сыпался на город. Ударная танковая группировка генерала Гота снова ринулась в наступление.

24 августа фашисты нанесли мощный танковый удар по правому флангу дивизии на ее стыке с 29-й стрелковой а продвинулись на 3-4 километра. Но наши части, усиленные армейскими противотанковыми средствами, не только остановили гитлеровцев, но и восстановили оборону в своей полосе. Врагу был нанесен большой урон в танках и живой силе.

Противник в этих боях оставил на поле боя убитыми множество солдат и офицеров, сожженных и подбитых танков, автомашин, уничтоженных орудий и минометов. Понесли значительные потери и мы. В некоторых стрелковых батальонах оставалось только по 20-40 человек.

А генерал Гот, непрерывно маневрируя танковыми соединениями, искал слабое место в нашей обороне. 25 августа он нанес мощный удар по 38-й дивизии и правому флангу 57-й армии, но, хотя и потеснил их, был все-таки остановлен. Два дня врагу потребовалось на перегруппировку сил. Теперь фашисты сосредоточили усилия 48-го танкового корпуса и двух пехотных дивизий справа от нас против 126-й стрелковой дивизии. Рано утром 29 августа, после мощной бомбежки и артиллерийско-минометного обстрела боевых порядков, ее одновременно атаковало около 200 танков. Силы были явно неравные. Во второй половине дня противнику удалось прорвать оборону и захватить Зеты.

Этот прорыв и выход противника в Зеты реально угрожал полным окружением 204-й дивизии. Учитывая это обстоятельство, командующий армией генерал М. С. Шумилов приказал в ночь на 30 августа отвести части на новый оборонительный рубеж юго-западнее Елхи: высота 116,5, высота 116,2. Они, совершив по узкому коридору ночной марш, заняли новую полосу обороны.

Отход на новый оборонительный рубеж совершали и другие соединения армии. Трудное это было дело. Танки врага преследовали отходящие части. Непрерывно шли тяжелые арьергардные бои. Чтобы облегчить отход соединений на рубеж Басаргино, Ивановка, командование армии организовало контрудар из района Ивановки в направлении Варваровки, вдоль северо-западного берега реки Червленая. В этом контрударе принимала непосредственное участие вместе с 36-й гвардейской дивизией и 13-м танковым корпусом и 204-я дивизия. В результате контрудара она оказалась на правом фланге армии, где враг сосредоточил группировку из пяти дивизий, в том числе двух танковых и одной моторизованной. Этими силами при поддержке авиации фашисты 1 сентября нанесли сильный удар по 204-й и 29-й стрелковым дивизиям, еще не успевшим полностью занять и укрепить оборону, и потеснили их. 24-я немецкая танковая дивизия прорвалась в Басаргино.

Это было серьезной угрозой возможного прорыва врага к Сталинграду в стыке с 62-й армией. И командующий армией генерал Шумилов приказал в течение ночи на 2 сентября укрепить оборону на линии Песчанка, Елхи, Ивановка, остановить наступление противника и, уничтожая его живую силу и боевую технику, прочно удерживать этот рубеж.

В приказе отмечалось, что рубеж является линией, дальше которой противник не должен быть допущен: "За нами Волга и Родина! Ни шагу назад! Лучше славная смерть, чем позор отхода!"

В ту же ночь приказ командарма, его требования были доведены до всего личного состава частей. Согласно этому приказу дивизия заняла оборону на рубеже Песчанка, совхоз Горная Поляна, Стародубовка. Ее выход сюда оказался очень своевременным. Противник, планируя захватить южную окраину Сталинграда, при мощной авиационной поддержке 5 сентября перешел в наступление. Из района Басаргино и Елхи он бросил в стык между 204-й и 126-й дивизиями две пехотные дивизии и около ста танков. Смело и мужественно дрались в эти дни бойцы батальона, которым командовал старший лейтенант Григорий Степанович Сизоненко. Они отбили все атаки врага и истребили

более 250 гитлеровцев.

В то время стрелковый батальон под командованием коммуниста капитана С. Т. Моргунова, поддержанный огнем артдивизиона, организовал контратаку. Враг не выдержал натиска и в панике бежал. На поле боя осталось пять подбитых танков и более двухсот трупов.

На правом фланге дивизии, на стыке с 62-й армией, оборонялся 730-й полк, которым командовал опытный и боевой командир подполковник Г. Т. Митин. Враг непрерывно бомбил и атаковал полк танками и пехотой. Воины полка стояли насмерть. Пал смертью храбрых младший политрук 8-й стрелковой роты Фарад Ракшиев, не раз водивший в контратаки бойцов роты. Была окружена противником и полностью погибла 1-я минометная рота во главе с ее командиром младшим политруком К. С. Овсянниковым. На предложение врага сдаться в плен воины ответили: "Сталинградцы не сдаются!" Они вели бой с гитлеровцами до последнего патрона.

Каждый захваченный метр советской земли дорого обходился фашистам. Они рассчитывали взять Сталинград 25 июля. Однако наступил сентябрь, а Сталинград был неприступен. В эти дни жестоких и кровопролитных боев Военный совет Юго-Восточного фронта обратился к бойцам и командирам с призывом проявлять больше организованности, упорства и инициативы в бою. Он требовал использовать каждую щель боевого порядка противника, проникать в его глубину, уничтожать врага беспощадно всюду, дальше не отступать, стоять насмерть. Обращение Военного совета фронта было обсуждено на собраниях партийного и комсомольского актива полков. Решения принимались короткие: "Оставлять врагу советскую территорию больше нельзя. Отступать некуда, позади Сталинград и Волга! Или выстоять перед напором врага, или погибнуть!"

В батальонах и в батареях прошли и открытые партийные собрания. Их решения были еще лаконичнее: "Стоять насмерть!" И они претворялись в жизнь.

С утра и до позднего вечера я находился на позициях, в блиндажах, беседовал с командирами, политработниками, бойцами, интересовался их настроением и, естественно, отвечал на многочисленные вопросы, которые нередко ставили меня в тупик.

На шестой батарее ко мне подошел лейтенант В. С. Захаров и попросил разъяснить один вопрос.

- В обращении Военного совета говорится о том, чтобы уничтожать врага повсюду, - сказал он. - Правильное, думаю, требование. Как говорится, кто с мечом к нам пришел, тот от

меча и погибнет, собаке собачья смерть. А как у нас получается? На днях схватили батарейцы двух фрицев. Ну одному из них сержант сгоряча фонарь подвесил. И вот ему до сих пор покоя не дают: как да почему, разве можно на пленного руку поднимать? А у того сержанта, между прочим, сестру в Германию увезли, и знает он, как фашисты над нашими людьми измываются...

Честно говоря, Захарова я понимал - ненависть к гитлеровцам была у всех яростной. Священная ненависть. И все мы, командиры и политработники, стремились поднять это чувство у бойцов до высшего предела. Именно с этой целью рассказывали им о зверствах, творимых гитлеровцами на оккупированных территориях, о гибели тысяч людей в концлагерях, об издевательствах над советскими военнопленными. Ненависть к фашистам удесятеряла наши силы, помогала нам сражаться с ними. И все-таки...

- С врагом надо драться в открытом бою, и так бить его, чтобы ни единого фашиста не осталось в живых. А ударить пленного - дело не хитрое. Не можем же мы уподобляться гитлеровцам? Пленный - это уже не вояка. К тому же и пленные бывают разные. Мы бьемся не только за то, чтобы отстоять свободу своей Родины, но и за то, чтобы избавить другие народы от фашизма. А это важное дело нельзя делать со слепой ненавистью ко всем.

- Выходит, эти гитлеровцы, которых мы захватили, не враги?

- Сегодня враги. А завтра... А завтра могут стать и друзьями. Среди немцев немало обманутых.

- Ну уж...

Не знаю, насколько удалось мне убедить лейтенанта, но это нерешительное "ну уж..." давало повод думать, что беседа наша не пройдет бесследно. Да и мне она дала повод для размышлений. И прежде всего о том, что есть необходимость побеседовать с политработниками о том, как эффективнее, целеустремленнее воспитывать личный состав в духе ненависти к врагу, к фашизму, подчеркивая при этом, что в традиции советских людей было и остается проявлять гуманность к тем, кто нами обезоружен или сложил оружие сам.

Рано утром 9 сентября на рубеже Песчанка, Стародубовка после сильной артподготовки и бомбардировки с воздуха противник перешел в атаку. Его танки вклинились в наши боевые порядки, отрезали от них наблюдательные пункты, окружили их и штаб полка. Разведчики, связисты и командный состав штаба полка бились с врагом до последнего вздоха.

Танки подошли к 6-й батарее, пытаясь раздавить ее. Командир орудия С. Т. Мурзин уничтожил один из них. Старший

на батарее лейтенант В. С. Захаров противотанковой гранатой подбил второй танк. Потерпев неудачу, противник временно прекратил атаки. Но и полк имел большие потери. Погибли командиры двух батарей, все командование полка вместе со штабом и штабной батареей. Тяжело было сознавать, что перестало биться сердце комиссара полка В. М. Сысоева.

В эти дни на весь Советский Союз, на всю Красную Армию прозвучали суровые слова мужественной клятвы бойцов, командиров и политработников Юго-Восточного фронта - защитников Сталинграда: "Перед лицом наших отцов поседевших героев царицынской обороны, перед полками товарищей других фронтов, перед нашими боевыми знаменами, перед всей Советской страной мы клянемся, что не посрамим славы русского оружия, будем биться до последней возможности!"

Эту клятву бойцы и командиры 204-й дивизии свято выполняли. Трое суток - с 9 по 12 сентября они вели тяжелейшие, ожесточенные бои с врагом за каждую пядь сталинградской земли. Гитлеровцы непрерывно бомбили их боевые порядки, вели массированный артиллерийский и минометный огонь. Атака следовала за атакой, надвигалось до ста танков. Поле боя скрылось в пыли, едком дыме. Стоял сплошной грохот от разрывов бомб и снарядов.

Но когда я прибыл на батарею 120-миллиметровых минометов, здесь наступило кратковременное затишье. Политрук беседовал с бойцами.

- Мы находимся в окопах, вырытых двадцать четыре года назад нашими отцами, рабочими Царицына, - говорил он. - Земля эта обагрена их кровью. Эту землю нам доверено защищать. Это высокая честь. Надо быть достойными ее...

Его речь прервала команда "К минометам!".

Противник предпринял новую атаку. Бойцы открыли ураганный огонь. Оставив десятки трупов на поле боя, гитлеровцы отступили. Но вскоре повторили атаку. На этот раз впереди шли танки, а за ними пехота. Прикрываясь броней, фашисты вели бесприцельный автоматный огонь.

"Задержать продвижение гитлеровцев" - такую задачу получили минометчики. Словно слаженный часовой механизм заработали они. Старший на батарее лейтенант С. К. Бондарчук четко руководил огнем. Без промаха били по врагу расчеты. Гитлеровцы заметались, стали отходить, оставив на поле боя более сорока трупов и несколько танков.

Сильнейший натиск фашистов выдержал огневой взвод 9-й батареи 657-го артполка под командованием И. Н. Лаврика. Эта батарея огнем уничтожала танки и артиллерию врага,

преграждала путь к городу. Бойцы не имели ни минуты для отдыха. Земля вздрагивала и стонала от разрывов снарядов и бомб. Только за один день боя 9 сентября батарея подбила четыре танка, три орудия, пять пулеметов и уничтожила до сорока фашистов. Особо отличился расчет сержанта Н. С. Белозерова, уничтоживший два танка, одно орудие, два пулемета и машину с боеприпасами.

Три дня и три ночи шли кровавые бои. Часть подразделений, рот и батальонов оказалась отрезанной от своих войск, но продолжала драться. И все-таки противнику удалось захватить Воропаново. Отсюда он нанес удар по 730-му полку дивизии, оборонявшему северную окраину Песчанки. Атакуя полк значительно превосходящими силами авиации,

танков и пехоты, фашисты окружили его с целью полностью уничтожить. К середине дня 9 сентября в полку осталось лишь одно противотанковое ружье, два ротных миномета, один станковый пулемет и сто человек бойцов и командиров. Но воины продолжали вести бой в окружении до позднего вечера. Израсходовав все боеприпасы, они решили пробиться к своим. Подготовив оставшиеся ручные гранаты и личное оружие, бойцы во главе с опытным и мужественным командиром полка подполковником Г. Т. Митиным ночью пошли в атаку. Не ожидавшие таких дерзких и решительных действий, гитлеровцы растерялись. Смельчаки, воспользовавшись нерешительностью противника, вышли из окружения.

Врагу удалось потеснить дивизию. Личный состав изрядно потрепанного 730-го полка занял оборону у балки Купоросная, непосредственно у Волги.

В то же время сильным атакам врага подвергся 700-й стрелковый полк, которым командовал майор В. К. Некрасов. Пехота противника под прикрытием 16 танков двинулась на его командный пункт. Более двух часов длился неравный бой комендантского взвода и охраны штаба с танками и пехотой противника. И все же атака была отбита. Умело громила врага батарея 120-миллиметровых минометов этого полка. В одном из боев она уничтожила пять автомашин с пехотой противника, шесть раз огнем преграждала путь наступающей пехоте врага. Но силы были неравными. Шесть вражеских танков ворвались на огневые позиции батареи. Геройски сражаясь, погибли все командиры взводов и комбат. В самый критический момент командир расчета сержант П. А. Алиткин и наводчик И. Т. Авдеев связками гранат подбили два танка, затем бутылками с зажигательной смесью подожгли еще два. Увидев горящие танки, батарейцы усилили огонь из винтовок и автоматов по пехоте и

заставили ее поспешно отступить. Оставшиеся две машины попятились и скрылись за бугром.

...Пусть читателю не покажется странным, что я веду речь прежде всего о боях. В этот период мне действительно редко доводилось бывать в штабе и политотделе армии - разве только когда это было крайне необходимо. В основном же находился в окопах, блиндажах, на батареях, вместе с воинами дивизии участвовал в боях, используя каждую минуту передышки для бесед, в которых разъяснял обстановку в армии, дивизии, ободрял людей, вселял в них уверенность в победе. Тогда я был убежден, что именно на передовых рубежах мое место, что именно там я принесу больше пользы.

Но однажды член Военного совета мягко напомнил, что у меня немало дел и в штабе армии, что даже в тяжелой обстановке, в которой находится армия, о них забывать не следует. Это надо было понимать как приказание. Разговор состоялся после того, как члену Военного совета стало известно об одном из боев, в котором я чудом остался жив.

На исходе дня танки противника прорвались к нашим траншеям, стали давить людей гусеницами, а пехотинцы-десантники в упор, с остервенением расстреливали раненых бойцов и командиров. Осколком снаряда был ранен и я. Когда пришел в себя, увидел над собой политрука минометной роты С. Т. Макарова.

- Жив! Пошли, - сказал он.

Макаров провел меня и еще несколько бойцов по балке в обход танков в расположение своей части. По дороге он рассказал, что жив я остался только потому, что был засыпан землей и немецкие автоматчики не заметили меня.

Дивизия несла тяжелые потери, но выполняла приказ стоять насмерть. Каждый ее солдат и командир бился с врагом самоотверженно, храбро. Примеров тому не счесть.

Группа воинов во главе с политруком К. М. Левишановым, оказавшись в окружении, не оставила позицию. Она вела упорный бой, отбила несколько атак танков и пехоты противника, сожгла тринадцать танков и уничтожила несколько десятков фашистов. Им удалось захватить позицию, когда там уже никого не осталось в живых.

В те дни ко мне попало представление к награде первого номера станкового пулемета сержанта Алексея Павловича Харитонова. На счету бойца было более 100 уничтоженных врагов. Харитонов - участник боев с фашистами под станцией Тидгута, селами Ягодное, Песчанка, балкой Купоросная. Во всех случаях боя показал себя как стойкий боец-комсомолец, готовый

пожертвовать всем ради выполнения задачи, поставленной перед его расчетом. Под станцией Тингута, когда многочисленная колонна танков противника атаковала наши позиции, он с расчетом станкового пулемета стойко отражал продвижение автоматчиков, идущих за танками. Когда весь его расчет был выведен из строя, он продолжал вести отсечный огонь по фашистам до тех пор, пока атака не была отражена. После чего он вынес с поля боя раненого красноармейца и выкатил свой пулемет на новую огневую позицию.

В итоге затяжных боев противник хотя и несколько потеснил части дивизии, но прорвать ее оборону и ворваться в Сталинград не смог. Только 13 сентября армия Паулюса начала штурм города. Главный удар она наносила против войск 62-й армии в направлении Мамаева кургана. Второй - в стык между 62-й и 64-й армиями, где противнику удалось потеснить значительно ослабленные в прошедших боях части 42-й и 92-й стрелковых бригад 62-й армии и 204-й стрелковой дивизии 64-й армии, захватить балку Купоросная и выйти и более.

После ожесточенных боев 15 сентября 204-я стрелковая дивизия по приказу командующего армией была выведена во второй эшелон и заняла оборону в районе высоты 115,9.

С выходом гитлеровцев непосредственно к Сталинграду начался самый тяжелый этап оборонительных боев наших войск.

Глава вторая

...От меча и погибнет

В середине сентября бои развернулись уже в самом городе. Переправы через Вешу оказались под постоянным огнем противника. Обстреливался и штаб 64-й армии. Каждый день мы недосчитывались товарищей.

В те дни мне как комиссару штаба армии почти ежедневно доводилось встречаться с ее командующим - генералом Михаилом Степановичем Шумиловым. К нему я испытывал особо теплые чувства, он нравился мне не только как грамотный, волевой военачальник, но и как обаятельный, чуткий человек, умеющий найти подход к подчиненному, повлиять на него.

Участник гражданской войны Шумилов рано проявил свои способности организатора, умелого командира. В боях против Колчака, Врангеля, Махно он командовал ротой, затем полком, в предвоенные годы стоял во главе дивизии, корпуса. В нашу армию Михаил Степанович прибыл в тяжелый период сталинградских боев, сразу же познакомился со всеми работниками штаба. Он глубоко вникал в деятельность каждого отделения, отдела штаба.

Однажды после партийного собрания, на котором

обсуждалось письмо Военного совета и политуправления фронта ко всем коммунистам, М. С. Шумилов пригласил меня в свой блиндаж. Я подумал, что командующий хочет обсудить некоторые вопросы в спокойной "домашней" обстановке и мысленно стал готовиться ответить на многие вопросы. Но Михаил Степанович, когда мы сели за стол и нам подали чай, спросил только об одном: кто из коммунистов работников штаба имеет опыт боев. Я постарался дать подробную характеристику каждому. Шумилов молча слушал.

- Хорошо, - сказал он, когда я закончил говорить.

И было не ясно, что означает это "хорошо" - или одобрение моего доклада, или удовлетворение подготовкой работников штаба.

- Пойдемте на воздух, - предложил вдруг Шумилов. - Подышим немного...

Мы вышли на крутой берег Волги. Внизу в сполохах пламени - там, юго-западнее Бекетовки, грохотали взрывы, свинцом отливали воды могучей реки. Изредка недалеко от штаба армии падали бомбы, и тогда поверхность воды моментально становилась как будто в оспинках - тысячи осколков, камней, комьев земли сыпались вокруг.

- Вот она, Волга, - задумчиво сказал командующий. - За ней для нас земли нет. Будем стоять насмерть. - И повернувшись ко мне, спросил: - Не начали ли в войсках забывать понемногу приказ наркома?

- Нет, товарищ командующий... Мало того что он зачитывался перед строем и на всех партийных собраниях, приняты решения: "Ни шагу назад". Пропагандисты, агитаторы активно разъясняют требования приказа по сей день.

Я не удивился тому, что командующий спросил о том, как в войсках изучается приказ Народного комиссара обороны СССР № 227. В этом приказе указывалось, что немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду и Волге, хотят любой ценой захватить Северный Кавказ с его нефтью и другими богатствами, что отступать дальше - значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину, что немцы не так сильны, как это кажется некоторым. Поэтому, требовал приказ, надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр Советской земли. Ни шагу назад!

В связи с этим приказом сразу же развернулась широчайшая партийно-политическая работа. Цель ее: каждый боец и командир должны были проникнуться глубоким пониманием сложившейся обстановки, сознанием личной ответственности за судьбу Родины.

- Хорошо. Коммунисты несут особую ответственность за его выполнение. Их личный пример - огромная сила, - напомнил Шумилов.

Долго молчали. Недалеко снова раздался взрыв. Командующий не пошевельнулся. Я мучительно искал предлог, чтобы увести его в блиндаж.

- Здесь небезопасно, товарищ командующий, - не найдя ничего лучшего, сказал я.

Шумилов не ответил. Через минуту он заговорил совсем о другом:

- Надо очистить весь правый берег Волги в районе штаба армии и войск от переправочных средств через Волгу. Пусть никто не сомневается в том, что драться будем до конца. Нелишне усилить охрану штаба армии, подготовить его к круговой обороне. Ее разбить на сектора, назначить командиров каждого сектора и немедленно провести тренировки. Необходимо установить строжайший порядок на КП армии. Чтобы не было ни одного болтающегося без дела человека. Все должны быть в укрытиях. Весь транспорт убрать с территории. Позаботьтесь об этом...

Командующий будто бы размышлял вслух, и было совершенно ясно, что все сказанное им - программа на самое ближайшее время для всех в штабе.

- Как вы относитесь к начальнику штаба? - без всякого логического перехода спросил Михаил Степанович и медленно пошел к блиндажу. Почувствовав мое замешательство, он поправился. - Я хотел сказать, как оцениваете его работу?

- Полковник Новиков, на мой взгляд, добросовестный работник, - ответил я, мысленно отметив, что судьба начальника штаба решена.

Я не раз был свидетелем бесед командующего с Н. М. Новиковым. Шумилов часто высказывал ему неудовлетворение качеством подготовки штабных документов. Делал это сдержанно, тактично, чувствовалось, что это дается ему самому нелегко.

- Быть может, ему не хватает опыта, - сказал я. - Не мешало бы поддержать его, помочь ему.

Генерал ничего не ответил. У блиндажа он остановился, повернулся ко мне, холодно бросил:

- С полковником Новиковым нам придется расстаться. Вы свободны...

Вместо полковника Н. М. Новикова начальником штаба армии был назначен полковник Иван Андреевич Ласкин, несколько позже получивший звание генерал-майора. Уже вскоре

всем стало ясно, что это грамотный, умелый штабной работник, имеющий огромный боевой опыт. Он командовал дивизией в период всей обороны Севастополя. Но по сложившейся привычке, Михаил Степанович продолжал на доклад чаще вызывать начальника оперативного отдела полковника Лукина, а не Ласкина. Иван Андреевич был явно расстроен. По этому поводу у меня состоялся разговор с М. С. Шумиловым. Тот, выслушав, сказал:

- Вы правы. Допущена ошибка. Обещаю - исправим ее.

Позже довольно продолжительное время Иван Андреевич Ласкин работал с Михаилом Степановичем, и всегда они действовали согласованно, с большим уважением относились друг к другу...

Разговор с Шумиловым настроил на размышления. Думалось не только о настоящем, но и о прошлом. Жизнь не баловала меня. Все было: и голод, и непосильный труд.

Детство мое прошло в глухой сибирской деревушке Денисово Южно-Енисейского района Красноярского края в семье моего деда, крестьянина-бедняка. Отец мой был ссыльным и по царским законам не имел права на официальный брак с моей матерью. Когда мне было одиннадцать месяцев, он бежал из ссылки. Я был усыновлен дедом и записан на его фамилию. В 1918 году дед умер. Мать, Ксения Ильинична, до революции находилась в прислугах, а в годы гражданской войны партизанила.

В 1924 году я вступил в комсомол. Вскоре вместе со своим другом детства Сергеем Медовым ушел в мехмастерские золотых приисков.

В конце 1927 года мы организовали в селе Рыбное коммуну "Верный путь". В нее вошло двенадцать коммунистов и комсомольцев. Когда же в 30-х годах началась сплошная коллективизация, коммуна стала ядром большого и довольно богатого колхоза. Я же был избран председателем соседнего колхоза в деревне Зайцево. А весной 1930 года меня направили в двухгодичную совпартшколу. В том году я вступил в партию.

После досрочного окончания совпартшколы не довелось мне попасть в родные места. Семь лет проработал секретарем райкома, затем горкома комсомола, в политотделе совхоза, а с 1937 по сентябрь 1939 года был секретарем горкома партии города Миллеровск

Все эти годы рядом со мной были настоящие друзья, опытные партийные работники. Это Иван Симонов - секретарь Красноярского горкома комсомола, в прошлом рабочий-литейщик, Александр Каштымов - заведующий отделом пропаганды и агитации Бодайбинского райкома партии,

Александр Шибаев, с которым вместе работал в Миллеровском горкоме ВКП (б). Чувство благодарности пронес я через все годы и к Михаилу Андреевичу Суслову. Он был в то время секретарем Северо-Кавказского крайкома партии я всегда помогал нам в решении любых вопросов.

Затем служба в армии, в Северо-Кавказском военном округе. Был секретарем парткомиссии, членом окружной парткомиссии, заместителем начальника политотдела дивизии и затем начальником политотдела 147-го отдельного танкового полка этой же дивизии. Накануне войны с фашистской Германией наш 26-й танковый корпус, в том числе и 103-я мотострелковая дивизия, были направлены в Смоленскую область. Там и застала нас война.

В июле - августе 1941 года противник сосредоточил мощную группировку на ельнинском направлении. Он захватил город Ельню и деревню Ушакове. Отсюда, именно с этого направления, противник готовился нанести главный и решающий удар по .Москве. Но на пути врага наряду с другими войсками встали воины 24-й армии, в составе которой была и 103-я дивизия.

Жаркий июльский день. Получаем приказ командующего 24-й армией генерала К. И. Ракутина с ходу атаковать противника и выбить его из села Ушакове. Первым вышел в исходное положение и атаковал врага 688-й мотострелковый полк. Я прибыл на наблюдательный пункт командира полка подполковника С. Г. Голикова, чтобы помочь обеспечить ввод танкового батальона в бой. Здесь находились командующий 24-й армией генерал К. И. Ракутин и начальник политотдела армии дивизионный комиссар К. К. Абрамов.

Враг открыл ураганный огонь из всех видов оружия.

Батальоны, неся потери, пошли вперед. Местами начался рукопашный бой в первой траншее противника. Но в это время в небе появились вражеские самолеты. Началась бомбежка и обстрел из пулеметов наших позиций.

Через несколько минут до двадцати танков противника вышли из укрытий, открыли огонь по нашим танкам и боевым порядкам атакующих батальонов. Бойцы залегли. Продвижение остановилось. Настала критическая минута. Командир полка подполковник Голиков, увлекая бойцов личным примером, снова поднял их в атаку. Начался штурм Ушакове. И вдруг Голиков упал. Полк остался без командира. Я получил у комдива разрешение взять командование полком на себя, сел в танк, и мы на полном ходу "вписались" в боевые порядки атакующих. Выскочив из танка, я оказался в первой цепи бойцов. Воины бросились вперед, овладели селом и закрепились. Враг вынужден

был отступить.

В бою он потерял восемь подбитых и сожженных танков, шесть орудий, десять пулеметов.

Но фашисты не могли смириться с потерей господствующей высоты в Ушаково. Больше месяца шли бои за это село. Оно не раз переходило из рук в руки.

Будучи командиром, а затем комиссаром полка, я тринадцать раз водил отважных воинов на штурм Ушаково. Но 14 августа 1941 года был ранен. В Можайском эвакогоспитале пробыл недолго. 31 августа 1941 года с забинтованной головой и ногой вернулся в 24-ю армию и был назначен начальником политотдела в свою 103-ю мотострелковую дивизию. Здесь узнал радостную весть: представлен к ордену Красного Знамени и к присвоению звания "батальонный комиссар".

Больше месяца длились здесь бои. В первых числах сентября 1941 года они закончились сокрушительным разгромом армейской группировки противника, освобождением Ельни, многих других населенных пунктов.

Мощный удар по немецко-фашистским захватчикам, нанесенный нашими войсками севернее и южнее Ельни, застал их врасплох, поставил в невыгодное положение. Враг оказался в полукольце. В узкую горловину панически бросились остатки разбитых дивизий противника. Враг потерял тысячи своих солдат и офицеров.

Дивизия заняла оборону на главном направлении предполагаемых контратак противника юго-западнее Ельни, перерезала участок железной дороги Смоленск Ельня и шоссейные дороги, идущие с обеих сторон железнодорожного полотна. Справа оборонялась 303-я, а слева 19-я стрелковые дивизии. Двенадцать последних дней сентября противник непрерывно вел атаки против 24-й армии, в том числе и в полосе обороны нашей 103-й, но прорвать ее так и не смог. Тогда, сосредоточив основные силы против левофланговой 43-й армии на рославльском направлении, 2 октября 1941 года немецко-фашистские войска прорвали ее оборону, и 5 октября их танковые части захватили город Вязьму. В этот день дивизия получила приказ командующего 24-й армией генерала Н. И. Ракутина прикрыть отход армии в направлении Дорогобуж, Вязьма.

Выполняя приказ, дивизия вела непрерывные арьергардные бои с противником. В одном из этих боев был тяжело ранен комиссар дивизии старший батальонный комиссар А. Малинин. Случилось это так. Вместе с ним мы попали под обстрел немецких танков. Упали в неглубокий ровик, и я, оказавшись сверху, как бы невольно прикрыл комиссара телом. И все-таки

пуля по какой-то случайности задела не меня, а его.

К утру 7 октября дивизия сосредоточилась в 10-12 километрах западнее Вязьмы. "В этот период передовые соединения армии пытались освободить город. Получила приказ командующего армией прорвать оборону противника южнее Вязьмы и наша дивизия.

Командир дивизии генерал И. И. Биричев приказал оборудовать наблюдательный пункт в деревне Подрезово, куда сразу же выехал вместе со штабом. Мне и командующему артиллерией дивизии подполковнику С. К. Граннику было приказано собрать командиров и комиссаров и прибыть в Подрезово для обсуждения дальнейших действий.

Мы ехали на нескольких машинах. В первой кроме меня и подполковника Гранника были командир артиллерийского полка майор С. К. Грачев и командир 583-го мотострелкового полка капитан И. В. Лукин. Пересекли лес и стали подъезжать к деревне. Вдруг по машине ударили автоматные очереди. Водитель замертво упал на сиденье. Машина остановилась. Мы выскочили из нее и увидели неподалеку фашистских солдат. Они снова открыли огонь. Майор Грачев был убит. Пуля попала и в подполковника Гранника. Лежа, он начал стрелять по врагам из пистолета. Капитан Лукин тоже был легко ранен. Машины, шедшие за нами, повернули назад. За ними мы велели идти и Лукину.

Положение создалось критическое. Я понял, что штаб дивизии подвергся нападению и вынужден был передислоцироваться в другое место. Подрезово было занято гитлеровцами.

Несколько фашистов сгруппировались рядом у небольшого сарайчика. Надо было что-то предпринимать, иначе - плен. Вынув из кармана гранату, вложил запал и швырнул ее в фашистов. Раздался взрыв. Затем я бросил другую гранату. Снова взрыв. В этот момент со стороны ударила автоматная очередь. Я почувствовал, что ранен. Слышу голос Гранника: "Ложись! Ползем!" Упал рядом с ним. Поползли. Но через несколько метров Гранник выдохнул: "Больше не могу". Это были его последние слова. Склонившись над товарищем, я понял, что он мертв. "Пока не потерял сознание, - подумал я о себе, - надо уходить". Встал и в открытую пошел. Фашисты, опомнившись, открыли по мне огонь. Еще несколько пуль попало в меня. К счастью, ни одно из ранений не оказалось смертельным. Гитлеровцы не стали преследовать меня, считая, видимо, что со мной все кончено. Вскоре я оказался в руках наших санитаров.

До 12 октября части дивизии вели бои, будучи в полном

окружении. Кончились боеприпасы, продовольствие. Автомашины, артиллерийские тягачи и бронемашины остались без горючего. Более пятисот человек тяжело ранены. Предложение комдива прорваться севернее Вязьмы командующий армией генерал К. И. Ракутин не поддержал. Южнее же Вязьмы оказались сплошные ельники и болота, не проходимые для техники. Выход один: привести все транспортные средства и боевую технику в негодность, а личному составу частей и подразделений организованно выйти из окружения.

Все тяжело раненные бойцы и командиры, в том числе и я, были оставлены в глухой лесной деревушке Михайловке. Рядом со мной был и редактор дивизионной газеты старший политрук Николай Виссарионович Фастов. У него было тяжелое пулевое ранение, но он еще мог передвигаться. Он-то и поставил меня, как говорится, на ноги.

Местное население помогало тяжело раненным бойцам и командирам добираться в госпитали в Вязьму. 6 ноября 1941 года и мы тронулись в путь. Нас было более 250 человек. Ориентиром для движения был участок железной дороги Вязьма - Брянск, проходящий по Брянским лесам. В то время движения поездов по нему не было. Избрали мы этот путь не случайно: в лесах не было фашистов.

Три дня нам потребовалось для того, чтобы пройти первые 50 километров и достичь деревни Валь. Погода нас не баловала - то мороз, то оттепель, то снег с дождем, то пронизывающий ветер. Мы же все были в летнем обмундировании. Сооружали что-то вроде палаток, чтобы согреться, из солдатских одеял. Шли больше ночами, а дневали в лесу. Костры развести, чтоб согреть воды, обогреться и обсушиться, было нельзя - где-то поблизости рыскали гестаповские ищейки и полицаи. В каждом населенном пункте висели фашистские объявления и приказы с угрозами расстрела советских людей за малейшее неповиновение гитлеровским властям или помощь красноармейцам и командирам Красной Армии, выходящим из окружения.

И все же местное население встречало нас дружественно, стремилось обогреть, накормить, дать одежду. Я с благодарностью вспоминаю Евдокию Константиновну Иванову из деревни Валь Всходского района Смоленской области. Как родных, приняла она меня и Николая Фастова. Хотя и сама жила впроголодь, три дня нас кормила, чем могла, постирала белье, починила изодранную одежду, истопила для нас баню. Из своих скудных запасов женщина дала нам продуктов на дорогу, а провожая нас, приговаривала: "Доброго вам пути и скорого возвращения. Будем ждать вас с победой".

Не могу не вспомнить еще об одной семье. Когда мы выходили к деревне Пилыцина Выгонического района Орловской области, на опушке леса нас встретили мальчишки и сообщили, что в деревне немцев нет, что староста свой человек. Все это подтвердилось. Так с Николаем Фастовым мы попали к Егору Григорьевичу и Прасковье Исаевне Новиковым. Были они немолоды. Четыре их сына-коммуниста были на фронте. Дочь, тоже член партии, работала машинистом паровоза. До войны они жили отлично: держали коров, свиней, гусей, кур. Перед приходом фашистов Егор Григорьевич забил всю домашнюю живность, мясо засолил и спрятал не в погреб, который легко могли обнаружить фашисты, а в специально вырытую яму и хорошо ее замаскировал.

Теперь все это пригодилось. Мясо и картошка предназначались тем, кто выходил из окружения. Прасковья Исаевна день и ночь хлопотала у печи - пекла хлеб, варила и жарила мясо, картошку, мыла посуду и снова накрывала на стол. Откуда только брались силы у этой старушки!

Трое суток мы отдыхали и набирались сил в деревне Пильщина. Дальше предстоял нелегкий путь по открытой местности через Орловскую и Курскую области. К этому времени разгорелись бои в районе маленького городка Тим. Туда мы и направились, надеясь, что наши войска прорвут фронт противника, и мы выйдем в расположение своих войск. Наши предположения оправдались. 6 января 1942 года наши войска смяли противника под Тимом, и советские танкисты устремились к Курску. В деревне Выползово Солнцевского района мы и соединились с ними.

Месяц и десять дней я пробыл в госпитале в Воронеже. Врачи были неумолимы, настаивая на моей демобилизации по инвалидности. Но я не соглашался. Тогда мне предложили уехать в отпуск, а вопрос о дальнейшей службе в армии решить с военно-врачебной комиссией военкомата. Я вновь отказался и потребовал дать мне направление в распоряжение политуправления Западного фронта, где, как я думал, по-другому решат мою дальнейшую судьбу.

Своего добился. Вскоре был в политуправлении Западного фронта. Во время беседы с начальником политуправления попросил соединить меня с членом Военного совета 24-й армии К. К. Абрамовым. Состоялся короткий разговор. В тот же день Абрамов прибыл в политуправление, и вместе с ним я уехал в 24-ю армию. Некоторое время был инспектором политотдела, а затем - комиссаром штаба армии...

Мне была понятна тревога генерала М. С. Шумилова -

обстановка под Сталинградом действительно все больше осложнялась. Не было сомнения, что враг предпримет решительный штурм города.

Мои размышления прервал посыльный - меня приглашал к себе член Военного совета армии К. К. Абрамов.

- К нам гость, - сообщил он, когда я доложил о прибытии. - Член ЦК партии Дмитрий Захарович Мануильский. Завтра поедем встречать на ту сторону Волги. Позаботьтесь о транспорте.

Рано утром вместе с Абрамовым мы сели в моторную лодку и в сопровождении охраны выехали встречать гостя. На берегу остались командующий, ответственные работники штаба. Сплошной лед, плывший по реке, затруднял движение лодки. Шестами раздвигали льды, протискивались между ними. Но вот, наконец, и берег. Д. З. Мануильский и с ним несколько товарищей уже поджидали нас. Тепло поздоровались и двинулись в обратный путь. Так же с трудом пробирались между льдами, рискуя быть затертыми ими. Но никто не подавал даже виду, что опасается за успех переправы.

На берегу М. С. Шумилов и Д. З. Мануильский встретились как старые друзья.

13 октября на специальном совещании командиров, комиссаров, ответственных работников управления армии выступил Д. З. Мануильский. Речь его произвела на всех неизгладимое впечатление. Он говорил просто, ясно, убедительно, каждое его слово доходило до глубины души. Он говорил о тяжелом положении, создавшемся под Сталинградом, о том, что враг на этом участке проводит наиболее активные наступательные действия и для этого стянул сюда множество техники. Убедительно и четко он показал, в чем сила и слабость немцев, подчеркнул авантюризм гитлеровского командования, высказал от имени Центрального Комитета партии благодарность защитникам Сталинграда за их мужество, героизм, высказал уверенность, что врагу не удастся поколебать стойкость советских войск.

Командарм генерал М. С. Шумилов от имени личного состава 64-й армии заверил Центральный Комитет ВКП(б) в том, что бойцы и командиры - защитники города на Волге выполнят клятву народу, отстоят Сталинград.

...Личный состав дивизии совершенствовал оборону, отрабатывал контрудары на случай прорыва противника, вел боевую и политическую подготовку. В части поступало пополнение, вооружение, боевая техника. Воины соединения готовились к боям, к разгрому врага под Сталинградом.

В центре воспитательной работы был по-прежнему приказ

Родины, его требование - ни шагу назад! В это время каждому воину был вручен "Фронтовой товарищ" - небольшая карманная книжка, изданная в сентябре 1942 года Воениздатом. "Фронтовой товарищ" был рассчитан на красноармейские массы, широкий круг агитаторов и пропагандистов. В этой книжке кратко излагались основные требования воинской дисциплины в бою:

"Первое - стойкость... Не имеешь права покинуть свой окоп без приказа, какая бы сила не двигалась на тебя... Стой и бей, бей и стой!

Второе - ...Приказ непреклонен. Приказ отдается один раз. Приказ выполняется точно. Кто не выполнит приказа - будет беспощадно наказан.

Третье - жесткая кара трусам и паникерам".

Затем напоминались ленинские слова: "Чтобы победить, нужна величайшая борьба, нужна железная военная дисциплина".

И далее: "Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойкими до конца, победа недалека! Победа будет за нами!"

"Фронтовой товарищ" обращался к воинам:

"Защищая Сталинград, ты защищаешь свою Родину, ее богатства, ее честь, ее независимость. Ты спасаешь свою семью - мать, детей, жену, братьев и сестер от рабства, поругания и лютой смерти. Ты приближаешь победу над врагом. Судьба Родины в твоих руках...

...Нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души, - говорилось далее во "Фронтовом товарище". - Хочешь спасти Родину, себя, свою семью - бей фашистских зверей беспощадно. На острие штыка неси святую месть. Кровь за кровь! Смерть за смерть! Священная ненависть к проклятому врагу жжет твое сердце".

В эти тревожные дни вся страна, весь советский народ переживали за исход Сталинградской битвы. Не только отцы и матери, но и целые заводские коллективы посылали участникам боев за Сталинград письма с призывом - ни шагу назад, бойцы, стоять насмерть! Многие из этих писем приводились во "Фронтовом товарище". Давались советы, как лучше бить фашистских автоматчиков, танки и десанты на них, сбивать самолеты. Рекомендовалось умело использовать окопы, траншеи, запасные огневые позиции, саперные лопатки, каски, уметь маскироваться, создавать ложные позиции.

Особо был разработан раздел о смелой и решительной борьбе с танками и авиацией противника.

Вошло во "Фронтовой товарищ" немало метких афоризмов и высказываний выдающихся русских полководцев, напоминающих

бойцам, что "Русские прусских всегда бивали", "Когда мне говорят - вперед, то я не знаю, что такое усталость, голод и холод", "Сам погибай, а товарища выручай!" (А. В. Суворов), "Ни шагу назад, стоять насмерть!" (М. И. Кутузов), "Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет земля русская!" (Александр Невский).

Заканчивался же он замечательными словами Н. В. Гоголя: "Нету силы на свете, которая бы поборола русскую силу".

Эта маленькая карманная книжечка сыграла огромную роль. Разосланная не только в войска 64-й армии, но и по многие другие, она была добрым спутником бойцов. Ее советы основывались на боевом опыте первых полутора лет Великой Отечественной войны и имели практическое значение при обучении и воспитании личного состава частей и подразделений.

В ходе тяжелых оборонительных сталинградских боев личный состав дивизии окреп и возмужал, обрел боевой опыт, мастерство, уверенность в своей силе и мощи своего оружия. Цементировали боевые коллективы коммунисты. Им подражали, с них брали пример. Свою преданность Родине и партии воины выражали тем, что, идя в бой, писали или устно заявляли: "Если погибну в бою, считайте меня коммунистом!"

В это время было опубликовано в газетах и пользовалось большой популярностью у бойцов и командиров стихотворение Семена Кирсанова "В битве за Сталинград". Его знали наизусть многие солдаты, командиры, читали в окопах, траншеях и блиндажах, на концертах дивизионной и армейской самодеятельности. Его строки до сих пор сохранились в памяти:

...Лозунг наш - довольно отступленья! Побежавшему - позор и стыд! Родина такого преступленья никому вовеки не простит!

Смерть тому,
кто убежал, кто сдался!
Дезертиру
порцию свинца!
Если даже
ты один остался,
все равно
сражайся до конца!

Для нас, сталинградцев, остановивших наступление фашистской армии Паулюса и измотавших ее в оборонительных боях, все яснее становилось, что недалек день решительного наступления и разгрома врага под Сталинградом. Командиры и политработники дивизии понимали, что наряду с обороной надо готовить людей к наступлению, к полному разгрому гитлеровцев в будущих боях. Необходимо было научить их решительно

атаковать и прорывать оборону противника, сокрушать доты, дзоты и отдельные укрепленные здания в городе. На этих вопросах и было сосредоточено все внимание в боевой и политической подготовке личного состава в оставшееся перед наступлением время. Учитывалось и то, что бойцам и командирам не раз придется вести с фашистами рукопашные схватки. Вот почему главная забота командиров и политработников состояла в том, чтобы суметь подготовить молодое пополнение в подразделениях смело идти в атаку, решительно сближаться с врагом, вступать с ним в рукопашную схватку и штыковой бой.

14 ноября политотдел дивизии получил письмо Военного совета Сталинградского фронта к коммунистам. В нем говорилось о том, что мы, сталинградцы, познавшие горечь отступления и проявившие огромное упорство в обороне, теперь должны громить врага и гнать его с нашей земли. Это письмо было немедленно доведено до всех коммунистов дивизии.

19 ноября Юго-Западный и Донской фронты перешли в наступление. В этот же день было получено обращение Военного совета Сталинградского фронта, где говорилось: "Настал час грозной, но справедливой расплаты с подлым врагом немецко-фашистскими оккупантами. Мы отстояли Сталинград. Теперь на нашу долю выпала честь начать мощное наступление".

Командующий армией генерал М. С. Шумилов поставил перед офицерами штаба и политотдела задачу довести приказ, его требования до каждого бойца и командира, еще раз проверить боевую готовность войск к наступательным боям, обеспечить точное соблюдение времени начала стремительной атаки переднего края обороны противника всеми подразделениями частей одновременно, контролировать ход боевых действий соединений и своевременно докладывать об их действиях штабу армии.

Через час я уже был в 204-й дивизии. Во всех ротах и батареях были проведены митинги, на которых зачитывался приказ. В своих коротких выступлениях бойцы клялись смело идти на штурм врага. На одном из митингов выступил красноармеец Николай Карпухин. Он в 1918 году защищал Царицын. Тогда ему было 18 лет.

- В 1942 году, - говорил он, - мне выпала честь снова стать на защиту волжской твердыни - Сталинграда. Не посрамлю славных традиций защитников Царицына, буду бить врага, как двадцать четыре года назад.

В ночь на 20 ноября командиры и политработники всех звеньев находились среди бойцов в окопах и траншеях, доводили

боевую задачу до каждого красноармейца и проверяли готовность людей к наступлению. В 13 часов 30 минут после мощной артиллерийской подготовки и массового залпа РС, под непрерывный грохот артиллерии, перенесшей огонь в глубину обороны противника, в полосе наступления 64-й армии двинулись вперед наши танки, а за ними пехота. Не успели развеяться дым и пыль, как бойцы частей дивизии, наступавшие на левом фланге армии в составе ее ударной группировки, ворвались в окопы и блиндажи врага. Так началось наступление.

Трехдневные бои увенчались полным успехом наших войск. 204-я дивизия, прорвав вражескую оборону, продвинулась вперед на 15 километров и 22 ноября захватила балку Ягодная и поселок Ягодный.

О том, какой ожесточенный характер носили бои с первого же дня прорыва обороны противника, говорят такие примеры. 730-й полк под командованием подполковника Г. М. Митина получил приказ выбить немцев из поселка Ягодный. В установленный срок батальоны поднялись в атаку. Гитлеровцы открыли ожесточенный огонь. Завязался жаркий бой. Полк трижды пытался ворваться в траншеи врага, но каждый раз безуспешно. В четвертый раз бойцам наконец удалось приблизиться вплотную к позициям гитлеровцев, но под ураганным пулеметным огнем они были вынуждены залечь. Полк тем не менее нес большие потери. Дальше медлить нельзя, надо действовать решительно. О своем решении продолжать атаку Митин доложил командиру дивизии генералу А. В. Скворцову. Тот дал "добро", и подполковник снова поднял бойцов: "Вперед!" Завязалась рукопашная схватка. Она длилась всего около семи минут. Но какие это были минуты! Немцы не выдержали, отступили. Полк захватил богатые трофеи.

После боя мы вместе с Митиным пошли по траншеям. Солдаты чистили оружие, приводили себя в порядок. Многие были перевязаны. Командир полка остановился возле раненого солдата, спросил, почему тот не идет в санбат.

- Так ведь в наступление пошли, товарищ подполковник, - бодро ответил тот. - Кому же охота от своих отставать! А рана - пустяки. До свадьбы заживет... - И он стал крепче натягивать шапку-ушанку. Но как ни старался боец спрятать окровавленный бинт под шапку, так ему это и не удалось. Кончилось тем, что воин махнул рукой, улыбнулся и сказал:

- Таи ведь только трошки осколком зацепило. По коже чиркнуло. Уже небось подживает.

Вечером в расположение полка прибыл генерал Скворцов. Вместе с командиром полка он поехал на место, где несколько часов назад кипел рукопашный бой. В траншеях, окопах, на земле

валялись трупы гитлеровцев. Наших воинов, павших в бою, с почестями похоронили. Комдив внимательно осмотрел поле боя.

- Хорошо поработали. Молодцы! - удовлетворенно сказал он и тут же приказал подготовить на особо отличившихся воинов наградные листы.

Успеху пехотинцев активно содействовали артиллеристы, которыми командовал майор М. И. Счетчиков. Поддерживая атакующих огнем, они уничтожили до двух батальонов пехоты противника, пять артиллерийских в одну зенитную батареи, шесть танков, подавили десятки вражеских блиндажей, дзотов и пулеметных точек.

Оборона противника была прорвана как северо-западнее, так и южнее Сталинграда. 23 ноября наши войска соединились. 6-я армия Паулюса с приданными ей соединениями и частями оказалась полностью окруженной. Начались бои по уничтожению уже окруженных, но отказавшихся сдаться немецких войск. Противник отчаянно сопротивлялся, надеясь вырваться ив кольца окружения. О характере этих боев в отчаянном сопротивлении противника говорит тот факт, что только через трое суток непрерывного штурма дивизия совместно с 36-й гвардейской смогла взять один из сильно укрепленных районов врага - балку Караваткa. Через два дня дивизия взломала второй мощный оборонительный рубеж гитлеровцев - балку Западная.

На всех участках воины проявляли массовый героизм, В те дни дивизионная газета "Боевая красноармейская" сообщала, что гроза фашистов снайпер дивизии Гергель уничтожил в наступательных боях 67 фашистов. Лейтенант П. К. Мележиков и красноармеец С. Панин внезапно напали на врага, гранатами уничтожили расчеты трех пулеметов и принудили сдаться в плен группу фашистских солдат. Боец-киргиз А. Ешкоджаев истребил восемь гитлеровцев и захватил их пулемет. Красноармеец Л. Кряквин за день боя уничтожил двенадцать фашистов, а Ф. Вазгалов - девять. Пехотинец С. Смольников первым ворвался в немецкий блиндаж и автоматной очередью сразил четырех фашистов, а остальные шесть сдались в плен. Красноармеец Г. Гараев уничтожил восемь немецких солдат и офицеров. Отличились в этих боях рядовые М. Жарков, И. Михайлов, сержант-минометчик В. Мещеряков и сотни других.

Из окопа в окоп передавалась весть о героизме комсомольца командира стрелкового отделения А. Кузнецова. Ведя бойцов в атаку, он первым ворвался на позиции противника, ручными гранатами уничтожил расчет одной пушки и три пулеметных расчета. Но вскоре вражеская пуля сразила героя.

В одном из боев, оценив обстановку, командир роты

коммунист К. Романов решил штурмом взять вражеские укрепления. Фашисты открыли ураганный огонь, но бойцы уже ворвались в окопы противника и навязали ему рукопашный бой. В ход пошли не только гранаты и штыки, но и финки. Во время боя Романов был ранен, но продолжал командовать ротой. Вскоре его ранило еще раз. Но и на этот раз он не ушел с поля боя. Ночью Романов снова повел роту в атаку, но здесь вражеская пуля оборвала его жизнь. "Его подвиг служит примером мужества и отваги для бойцов и командиров", - писала о герое-коммунисте газета "Соевая красноармейская".

Таких примеров не счесть! Шаг за шагом бойцы освобождали родную землю, сжимали кольцо окруженного противника. В результате успешного наступления частями дивизии 22 января был занят овраг Талопый, а 24 - Стародубовка. Затем они атаковали два сильно укрепленных узла сопротивления противника на рубеже высота 120,0 и Водокачка, прикрывавшие западную окраину южной части Сталинграда. В течение дня эти узлы были полностью и подавлены.

При этом наши воины захватили в плен более трехсот вражеских солдат и офицеров. К исходу дня дивизия и другие соединения армии овладели юго-западной частью города, вокзалом и лесопильным заводом.

Первым из 730-го полка ворвался в город батальон старшего лейтенанта Виктора Осиса. Он с ходу захватил шесть укрепленных зданий. Пять немецких контратак пришлось отбивать воинам батальона, чтобы удержать занятую позицию. К исходу дня нужно было овладеть еще одним домом, откуда вели огонь пулеметы и автоматчики. Комбат вызвал двух солдат и поставил перед ними задачу с наступлением темноты подползти к зданию и пустить в подвалы ракеты. Так и сделали. Ракеты ослепительным светом залили подземелье. Бойцы, воспользовавшись замешательством гитлеровцев, внезапно ворвались в здание и после короткого боя захватили в плен около 50 солдат и три офицера. За умелое руководство боем и проявленный при этом героизм Виктор Осис был награжден орденом Красного Знамени.

Приведу еще один пример из боевой жизни этого подразделения. Фашисты засели в дзоте с круговым обстрелом и не давали продвигаться батальону. Комбат В. Т. Осис и его замполит старший лейтенант С. К. Ремизов вызвали командира стрелковой роты лейтенанта Г. Ф. Усикова и приказали ему сформировать из коммунистов и комсомольцев штурмовую группу из девяти человек, чтобы уничтожить дзот и его гарнизон. Днем подойти к этой точке было невозможно. Усиков выделил

четырех самых отважных и смелых бойцов во главе с коммунистом младшим сержантом И. И. Дулькиным. Перед ним была поставлена задача в сумерках подойти к дзоту с тыла, снять огнем автоматов наружную охрану и через вентиляционную трубу и амбразуру забросать его гранатами. Остальные пять бойцов во главе с Усиковым демонстрировали в это время ложную атаку с фронта, отвлекая огонь на себя.

Минут через 30-40 раздались взрывы и огонь из дзота прекратился. Усиков и бойцы устремились к нему. Вскакивают в него, а Дулькин там уже. Докладывает, что четыре фашиста убиты, два ранены, шестеро сидят в углу... Там действительно сидели немцы с поднятыми вверх руками. На столе лежал огромный открытый портфель, до отказа набитый советскими деньгами. Оставшихся в живых гитлеровцев пленили и отправили в штаб полка, а деньги передали в штаб батальона. Боевая задача была успешно выполнена. Штурмовая группа не потеряла ни одного бойца. Батальон вновь начал продвижение к центру города.

...25 января бои шли уже на улицах Сталинграда. К исходу дня части дивизии выполнили задачу, поставленную командующим армией, - прорвались к Волге на южной окраине Сталинграда. Первыми вышли к Волге воины 700-го полка. В этот день полностью были разгромлены остатки 371-й пехотной дивизии немцев, 82-й пехотный полк румын - многие офицеры этого полка и 433 солдата были взяты в плен.

26 января, осуществляя задачу полного уничтожения группировки противника в южной части Сталинграда, дивизия повернула на север и успешно продолжала уличные бои. Жаркие схватки не утихали ни днем ни ночью, непрерывно гремела артиллерийская канонада. В небе все еще шли воздушные бои. Обстановка иной раз складывалась так, что трудно было понять, где свои, где враг. Но бойцы знали главное: фашистам приходит конец. И они со все возрастающей силой наносили по ним удары.

Город превратился в руины, полуподвальные помещения гитлеровцы приспособили к долговременной обороне, улицы, переулки заминировали. Все это создавало для наших воинов дополнительные трудности. Полки несли большие потери. Часто обрывалась телефонная связь. Отдельные штурмовые группы решали задачи самостоятельно. Случалось даже, что наиболее ловкие и смелые солдаты в одиночку проникали в расположение гитлеровцев, решительно нападали на них, разрушали оборонительные сооружения врага, нарушали его связь. В ход шла главным образом "карманная артиллерия" - гранаты. Нередко исход боя решала штыковая атака.

К исходу 30 января вся южная часть города была очищена от противника. Соединения армии заняли Рабоче-Крестьянскую и Козловскую улицы, вокзал Сталинград-Кавказский, элеватор.

В тот же день был взят в плен командир 20-й пехотной дивизии румын генерал Дмитриу, которого пленил и привел в штаб дивизии младший лейтенант Георгий Ротов, награжденный позже орденом Ленина.

Об этом эпизоде, я думаю, следует рассказать несколько подробнее. Рано утром 30 января, когда еще было темно, на одном из участков 204-й дивизии перешел линию фронта и сдался в плен адъютант командира 20-й румынской дивизии. Он заявил командиру дивизии генералу А. В. Скворцову, что бригадный генерал Дмитриу со своим штабом находится на элеваторе и хотел бы сдаться в плен, но колеблется, не знает условий, к тому же боится немецких автоматчиков, которые охраняют его. Румынский офицер сообщил, что генерал направил его выяснить обстановку и условия сдачи в плен. Об этом Скворцов немедленно доложил командующему армией генералу М. С. Шумилову. Тут же Шумилов и член Военного совета З. Т. Сердюк вызвали меня и дали указание немедленно выехать в 204-ю дивизию и вместе с ее командованием принять практические меры для ведения переговоров и пленения частей 20-й румынской дивизии, ее штаба и командира.

К моему приезду в дивизию румынскому офицеру была оказана медицинская помощь - сделана перевязка пулевого ранения, которое он получил при переходе линии фронта. Мы побеседовали с ним. Я предупредил, что с наступлением сумерек он пойдет с нашим представителем обратно через линию фронта в свою дивизию.

К концу дня полоса наступления дивизии значительно сузилась, плотность насыщенности пулеметами, минометами, артиллерией, РС и танками настолько увеличилась, что они, находясь непосредственно в боевых порядках пехоты, стояли почти вплотную друг к другу. Мы провели румына по переднему краю, показали ему мощь нашего оружия и предупредили, что если их дивизия не сдастся, то вся масса огня будет направлена на нее и произойдет напрасное кровопролитие.

С наступлением темноты румынский офицер и наш представитель младший лейтенант Ротов в сопровождении двух автоматчиков-связистов (они сразу же тянули связь в штаб румынской дивизии) благополучно перешли линию фронта и вскоре доложили по телефону, что находятся в штабе 20-й румынской дивизии и ведут переговоры с бригадным генералом Дмитриу.

Мы с комиссаром дивизии А. П. Колесниковым все это время находились у телефона и сразу же предупредили бригадного генерала Дмитриу, что даем ему на размышление 30 минут. Если за это время он не отдаст приказа частям и штабу дивизии о сдаче в плен, то по ним будет открыт огонь из всех видов оружия. Это ускорило решение вопроса. Генерал Дмитриу вскоре сообщил, что он отдал всем приказ прекратить огонь, сложить оружие и сдаться в плен советским войскам и что сам он со штабом дивизии в сопровождении нашего представителя следует в наше расположение.

К 21 часу 30 января 20-я румынская дивизия была полностью пленена нашими войсками, а ее командира генерала Дмитриу я доставил в штаб 64-й армии.

Глава третья

Конец армии Паулюса

Ночь на 31 января 1942 года была для меня особенно тревожной, беспокойной. До самого утра не удалось сомкнуть глаз, хотя пытался заставить себя хоть немного поспать. Только в полночь закончил составлять обстоятельную докладную записку члену Военного совета З. Т. Сердюку, в которой в деталях нарисовал картину пленения командира румынской стрелковой дивизии генерала Дмитриу. Но и после этого заснуть не смог. Думалось о многом. Прожитые дни были насыщены событиями, и некоторые из них с удивительной подробностью восстанавливались в памяти.

Сомнений не оставалось: армия Паулюса стояла на грани катастрофы, и дни, возможно, и часы ее сочтены. В ноябре более чем 300-тысячная фашистская группировка была окружена нашими войсками. Тогда стало известно из данных разведки, что генерал-полковник Паулюс принял решение попытаться прорвать кольцо окружения на юго-западном направлении, вывести армию в район Котельниково и за Дон и организовать там оборону. Однако в штабе нашей армии считали, что Паулюсу не позволят осуществить свой маневр и подчиненные ему войска, оставшись на месте, будут ждать помощи. Так и произошло. Разорвать кольцо окружения фашистское командование поручило танковым дивизиям генерала Гота. Они начали продвижение из района Котельниково вдоль железной дороги, но, потеряв в боях более 200 танков, остановились и заняли оборону.

Командование Сталинградским фронтом приняло решение развернуть широкое наступление на этом участке. 28 декабря сопротивление войск генерала Гота было сломлено, и советские воины овладели городом Котельниково. Таким образом, возможность облегчить участь окруженных фашистских войск,

помочь им разорвать кольцо, в котором они очутились, была начисто ликвидирована. Понимало ли это верховное командование фашистской армии? Думаю, что понимало. Но отдало Паулюсу приказ держаться до конца. Было ясно, что этим оно стремилось удержать, сковать у Сталинграда крупные силы Красной Армии.

Казалось бы, не так много времени прошло с тех пор, как более чем 300-тысячная группировка фашистских войск была полностью окружена, но какие это были дни! Сколько самых различных событий произошло в моей жизни и в жизни моих товарищей! А скольких из них потерял навсегда!

64-я армия многие месяцы вела ожесточенные, кровопролитные бои, и ряды ее заметно поредели. Вопрос о пополнении вставал с особой остротой. Командующий, начальник штаба, члены Военного совета не раз обсуждали эту проблему, высказывали различные предложения. Оставалась одна надежда - на помощь командующего Донским фронтом генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, приезд которого в нашу армию ожидался со дня на день.

О Рокоссовском я был много наслышан, но встречаться с ним не приходилось. Естественно, встречи с ним ждал с особым волнением. Однако все произошло просто, обыденно. Рокоссовский поздоровался с работниками штаба, крепко пожав каждому руку. Он был весел, шутил - чувствовалось, что командующий в хорошем настроении. У меня почему-то сразу мелькнула мысль, что просьба командующего армией будет удовлетворена. Однако я ошибся. М. С. Шумилов в узком кругу работников штаба высказал Рокоссовскому просьбу о пополнении.

- Что бы вы хотели? - спросил генерал-лейтенант, прервав доклад и глядя в лицо командарму.

- Нужно пополнение людьми. Необходимо усилить артиллерийские подразделения техникой.

- Согласен, необходимо и то, и другое, - ответил командующий фронтом. Но не будет ни того, ни другого. Есть участки, где нужда в людях, в артиллерии значительно острее, есть соединения, где потери в людях и технике значительнее. Так что пока обходитесь тем, что имеете. А главную задачу как можно активнее истреблять врага, сковывать его действия, держать в постоянном напряжении, добиваться, чтобы он бросил на ваш участок и часть резервов, - решать необходимо. Уверен, вы ее решите!

На этом разговор, собственно, и закончился.

Проводив К. К. Рокоссовского, Михаил Степанович сразу пригласил к себе некоторых работников штаба, объяснил им

положение дел, сказал о разговоре с командующим фронтом.

- Так что, товарищи, на пополнение рассчитывать не приходится, - сказал он в заключение. - Будем рассчитывать только по свои силы. Больше организованности, дисциплины, умения использовать внутренние резервы... Выход только в этом.

Буквально на другой день меня пригласил к себе член Военного совета дивизионный комиссар К. К. Абрамов. Предложив сесть, он долю в задумчивости ходил по блиндажу, оборудованному под кабинет, наконец остановился напротив, спросил:

- Сравнительно недавно вы были тесно связаны с комсомольскими руководителями области. С секретарем Сталинградского обкома комсомола товарищем Левкиным знакомы?

- Знаком, - ответил я, мысленно стараясь угадать, куда клонит Константин Кирикович.

- Очень хорошо. Поезжайте к нему, поговорите с ним, объясните, в каком мы положении находимся. Пусть обком обратится к молодежи области с призывом добровольно вступать в ряды армии. Уверен, призыв будет услышан.

Заметив, что я собираюсь что-то уточнить, Абрамов жестом остановил меня и пошел к столу.

- С секретарем обкома партии товарищем Чуяновым мы договоримся, сказал он. - Думаю, что он нас тоже поддержит. Пусть это вас не тревожит.

Левкин принял меня приветливо, даже радостно, но слушал то, что я ему толковал, казалось, невнимательно, вроде бы думал о чем-то совершенно другом. В душе шевельнулась обида: речь идет о деле, связанном с судьбой Сталинграда, а он... Разве может быть что-нибудь важнее?

- Вечером состоится заседание бюро обкома, - сказал Левкин, когда я замолчал. - Все предупреждены, обо всем уже знают, обком партии одобряет ваше предложение.

Теперь только я понял, что секретарь обкома комсомола уже знал о цели моего прихода, что член Военного совета К. К. Абрамов успел поговорить с обкомом ВКП(б) и заручился его поддержкой.

Заседание бюро, обкома комсомола проходило без особых дискуссий. И хотя для обсуждения было намечено несколько вопросов, мое сообщение слушалось первым. Единогласно приняли решение обратиться к комсомольцам и молодежи области с призывом добровольно вступать в ряды Красной Армии, помочь наголову разгромить окруженные фашистские войска, заставить их капитулировать.

Прощаясь со мной, Левкин с грустной улыбкой спросил:

- Ты, надеюсь, доволен? А мне еще придется выдержать бой: многие члены обкома давно просятся на фронт, и теперь у них большой козырь в руках.

Искренне посочувствовав ему, я от души поблагодарил секретаря за активное участие в решении вопроса и сразу же поехал на доклад к члену Военного совета. Тот принял меня без промедления и сразу же поинтересовался, как прошло заседание обкома комсомола. Узнав, что наше предложение одобрено, он сдержанно высказал свое удовлетворение и, словно забыв обо мне, обратился к находившимся, у него офицерам:

- Жаль только, что никак не удается избежать кровопролитной схватки. Сколько людей еще может погибнуть! Паулюс снова отверг наш ультиматум...

Член Военного совета имел в виду ультиматум с требованием о капитуляции, подписанный представителем Ставки Н. Н. Вороновым и командующим фронтом К. К. Рокоссовским.

Текст ультиматума был размножен, и отпечатанные листовки с самолетов разбросаны на территории, занятой противником. Кроме того, к Паулюсу были направлены парламентеры. Естественно, зная повадки фашистов, я сразу же подумал о судьбе наших товарищей. Дело в том, что и раньше Паулюсу не раз предъявлялись ультиматумы с требованием прекратить сопротивление и капитулировать, не раз и расположение фашистских войск направлялись и парламентеры. Но к Паулюсу их просто-напросто не допускали, а ультиматумы оставались без ответа.

- Паулюс отдал приказ не принимать парламентеров и в случае их появления открывать по ним огонь без предупреждения. Вот каков ответ на наши предложения! - сказал К. К. Абрамов. - И все-таки мы будем принимать все меры к тому, чтобы избежать кровопролития. Политорганам надо более активно использовать все средства, и особенно звукоусилительные установки, для пропагандистской работы среди немецких солдат. Надо настойчиво разъяснять, в каком безвыходном положении они находятся, призывать их сдаваться в плен. Повернувшись ко мне, он сказал: - Военный совет принял решение выделить для этой цели двадцать установок. Ответственность за организацию передач возлагается на вас...

Собственно, дело это было для меня не новым, занимался им и раньше, но масштабы работы явно возрастали. И как я понял, Военный совет придавал ей все большее значение. За дело следовало браться без промедления и, как говорится, засучив рукава.

Возвращаясь от члена Военного совета, заглянул в разведотдел армии. Начальник разведки армии, давнишний мой добрый знакомый, внимательно выслушал о том, какая у меня миссия, и сказал, что готов ответить на любые вопросы, дать сведения, необходимые мне в работе.

- Какая там в целом обстановка? - спросил я, зная, что сведения об обстановке в войсках противника в разведотделе самые свежие и наиболее достоверные. Здесь нередко можно было узнать и о том, что пишут фашистские солдаты в письмах домой, какие настроения высказывают, как ведут себя офицеры, как относятся к предложениям советского командования о капитуляции.

- Самое главное, - ответил он, - все больше немцев начинают понимать, что им пришел конец и выход один - капитулировать. По трупам ходят - как тут не поймешь. Раненые лежат без медицинской помощи. Голод. Листовки наши читают и, естественно, задумываются, что лучше - плен или смерть. Несколько генералов Паулюс отстранил от командования только за то, что те не верили в возможность разорвать наше кольцо окружения. Да он и сам не верит. Но дисциплина! Есть приказ, который гласит примерно так: "Каждый, кто пожелает капитулировать, будет расстрелян! Каждый, кто выбросит белый флаг, будет расстрелян! Каждый, кто поднимет сброшенный с самолета хлеб или колбасу и не сдаст их, будет расстрелян!" Раненым и больным почти не выдают хлеба - все только тем, кто держит оружие. Ну как, интересно?

- Скорее ужасно. Ну что же, во всем они виноваты сами.

В блиндаже, куда я возвратился из штаба, находился Вальтер Ульбрихт. Он приветливо улыбался, но лицо у него было бледное, усталое.

- Вы и сегодня, наверное, забыли отдохнуть? - спросил я, снимая шинель. - Могу вас обрадовать: для пропагандистской работы среди немецких солдат Военный совет выделил еще двадцать звукоусилительных установок.

Ульбрихт положил мне руки на плечи и, заглядывая в глаза, строго сказал:

- Когда-нибудь и они, - он кивнул в сторону, где находились окруженные войска Паулюса, - поймут, сколько подлинного, настоящего гуманизма в ответ на варварство проявлено русскими, поймут и оценят. Чтобы это произошло быстрее, будем работать...

Мы с Ульбрихтом, кстати, уже несколько дней жили в одном блиндаже. Я имел возможность наблюдать этого общительного, остроумного, разносторонне образованного человека и в работе, и в короткие минуты отдыха, в беседах с офицерами штаба и

политотдела армии. Нетрудно было заметить, что все, кто хоть раз беседовал о Ульбрихтом или просто слушал его выступление, уносили в сердце огромное уважение к этому человеку, были покорены и его глубокими знаниями в самых различных областях, и силой логики, и умением говорить увлекательно, убедительно, просто. Он очаровывал собеседника, слушателя искренностью суждений, доверительностью, откровенностью. К тому же все мы знали, что Ульбрихт - бывший рабочий - прошел и большой путь профессионального революционера, много лет участвовал в подпольной работе, занимал руководящие должности в Компартии Германии. И каждое слово этого человека, неутомимого борца за дело рабочего класса и крестьянства, коммуниста-антифашиста было наполнено правдой, основанной на жизненных наблюдениях, фактах, многие из которых нам не были известны.

Ульбрихт вместе со своими товарищами - немецкими коммунистами Вилли Бределем, Эрихом Вайнертом и сыном Вильгельма Пика Артуром писали листовки-воззвания, готовили звукопередачи, обращения к немецким солдатам и офицерам. А вечером или ночью мы вместе организовывали передачи. Ульбрихт, Бредель, Вайнерт начинали их со знакомства с теми, для кого предназначалась передача, рассказывали о себе, откуда родом, чем занимались ранее, как оказались в Советском Союзе, и только затем обрисовывали обстановку, в которой оказались окруженные фашистские войска, призывали прекратить сопротивление и сдаться в плен, чтобы потом вернуться на родину, в свой дом. Такие "беседы" были наиболее доходчивыми, задевали немецких солдат за живое, заставляли их задуматься о своей судьбе.

Вальтер Ульбрихт постоянно интересовался, как воспринимаются передачи в окруженных войсках, с любопытством изучал любую информацию об этом. С особым интересом он читал добытые разведкой письма солдат и офицеров, в которых были хоть какие-то характеристики передач.

Однажды мне довелось застать его за чтением письма. Долго наблюдал за выражением его лица. По блуждающей, едва заметной улыбке Ульбрихта можно было судить, что письмо ему нравится. Наконец, откинувшись спиной к стене, он посидел несколько секунд с закрытыми глазами и подал мне письмо. Это было письмо офицера к своему другу, в котором он делился впечатлениями о прожитых днях, письмо, которое, если бы оно попало в руки командования, не сулило, мягко говоря, ничего хорошего автору. Вот лишь некоторые строки из письма.

"...С рождества в котле зазвучало нечто новое. Это голоса

самих немцев, обращающихся к нам через линию фронта, голоса офицеров, которые вот уже несколько месяцев считаются пропавшими без вести, голоса немецких писателей и даже одного депутата рейхстага. Его зовут Ульбрихт... То, что говорит он нам, что повторяется ночь за ночью, находит своих слушателей. Словам его во всяком случае внимают гораздо сильнее, чем тем пластинкам, которые русские крутят нам последние недели. Это немецкий голос, это настоящий немецкий язык... Этого немца с той стороны слушают. И у него есть убедительные аргументы, когда он говорит о безвыходности нашего положения и о том, что каждый из нас еще понадобится после войны... Русские ненавидят только гитлеровское государство и его заправил, а не немецкий народ. Кажется, это в самом деле так: иначе выступающие вслед за тем немецкие офицеры не стали бы тоже утверждать это. Наш невидимый собеседник умеет немногими словами обрисовать бедствия каждого из нас в отдельности и показать их во всей взаимосвязи событий, поставив таким образом солдата-фронтовика перед решением: или бессмысленно продолжать сопротивление, или капитулировать. А если этого не хотят офицеры, то капитулировать на собственный страх и риск..."

- Такое признание неспроста, - сказал Ульбрихт, когда я возвратил ему письмо. - За него можно жизнью поплатиться. Выходит, труд наш не пропадает даром. Кстати, мы подготовили несколько листовок. Хотите почитать?

"Мы, немцы, обращаемся к вам, немцам! - говорилось в листовке. ...Гитлеровская пропаганда скрывает от вас тот факт, что в этой войне наступил решительный поворот. Красная Армия перешла в наступление. Война, затеянная Гитлером и фашистскими империалистами, проиграна. Ради отсрочки на короткое время гибели Гитлера и его клики бессмысленно приносятся в жертву ваши жизни. Под Сталинградом вы находитесь в безнадежном состоянии, вы окружены. Если будете продолжать борьбу - все погибнете.

...В то время когда мы пишем эти слова, мы сидим рядом с немецкими военнопленными: если бы вы там, у себя, знали, как здесь по-человечески обращаются с ними, вы бы больше не сделали ни одного выстрела.

Соотечественники! Единственные ворота для вашего спасения открыты! Договоритесь между собой и пошлите к нам одного из ваших товарищей, чтобы переговорить обо всей остальном. Но там, где Красная Армия будет наступать, - не стрелять! Оставаться в окопах! Если вы сдадитесь, каждый командир Красной Армии даст вам возможность поговорить с нами.

Соотечественники! Представьте себе радость ваших родных,

если они получат от вас известие, что вы находитесь в безопасности и по окончании войны вернетесь к себе домой.

Вальтер Ульбрихт - избранный народом депутат рейхстага, Берлин,

Эрих Вайнерт - писатель, Берлин,

Вилли Бредель - писатель, Гамбург".

Во второй листовке давался экономический и политический анализ состояния дел в гитлеровской Германии.

Прочитав, я несколько секунд сидел в раздумье: как воспримут там, в окружении, эти слова, призыв, с которым обращаются к обреченным на гибель людям их соотечественники? Неужели не увидят в них выход из создавшегося положения?

Молчал и Ульбрихт: он, видимо, ждал, когда я выскажу свое мнение.

- Все правильно и убедительно. Интересно бы узнать, какое впечатление произведут эти листовки на самого Паулюса.

Ульбрихт улыбнулся: дескать, этого не узнаешь. Мы узнали об этом много лет спустя, когда вышла книга первого адъютанта армии Паулюса полковника В. Адама "Трудное решение". Вот о чем он свидетельствует:

"Паулюс сидел за письменным столом, подперев голову, правой рукой поглаживая лоб. Я уже знал эту его привычку. Почти всегда в это время его лицо особенно сильно подергивалось.

"Что случилось?" - подумал я. Перед Паулюсом лежала какая-то бумага. Молча он протянул ее мне.

Это была листовка, адресованная непосредственно Паулюсу и подписанная Вальтером Ульбрихтом, депутатом германского рейхстага. Внимательно прочел я ее, слово за словом. Ясными, логическими аргументами Ульбрихт доказывал, что Паулюс, подчиняясь приказам Гитлера, действует не в интересах Германии и немецкого народа... Я вопросительно посмотрел на командующего армией и возвратил ему листовку.

- Конечно, - задумчиво сказал Паулюс, - автор этого послания, если смотреть с его колокольни, прав. Все события он рассматривает как политик. Как человек штатский, он не может понять, что значит для солдата повиновение, не понять ему и тех соображений, которыми я руководствовался, приняв решение... Скажем так, Адам: они видят все в ином свете, чем мы. Я ни в коем случав не отказываю этим людям в добрых намерениях. Но для меня это подрыв солдатской дисциплины, и с этим согласиться не могу"{1}.

- Ведь когда-нибудь узнаем. Наверняка узнаем! - сказал я.

- Возможно, возможно, - все еще улыбаясь, согласился Ульбрихт. В эти минуты лицо его было удивительно похожим на то, которое мне запомнилось еще в те годы, когда проходил 7-й

конгресс Коминтерна.

Именно тогда, в 1935 году, я впервые увидел Вальтера Ульбрихта, Вильгельма Пика, Мориса Тореза, Пальмиро Тольятти и других руководителей братских коммунистических партий. Мы, молодежь, находились в те дни в Москве, в ЦК ВЛКСМ, и нам была предоставлена возможность присутствовать на конгрессе. Тогда я, конечно, не мог и подумать, что жизнь так близко сведет меня с этим человеком.

Через несколько дней мы прощались с В. Ульбрихтом и его товарищами.

- До встречи в Берлине! - услышал я от Ульбрихта. И снова, как в тридцать пятом, не допускал мысли о

том, что его слова могут сбыться. А они ведь сбылись. Мы встретились в 1950 году в Берлине на приеме у главнокомандующего Группой советских войск в Германии. Вальтер Ульбрихт узнал меня, тепло поздоровался, обнял на виду у всех и, улыбнувшись, спросил:

- А ты ведь тогда, наверное, не поверил, что встретимся в Берлине? Вот видишь, встретились.

Но это, как говорится, небольшое отступление.

...После отказа Паулюса принять ультиматум советского командования и капитулировать Ставка приказала Донскому фронту нанести решающий удар по окруженным войскам и добиться их полного разгрома.

Военный совет Донского фронта обратился к воинам с призывом. В нем говорилось:

"Товарищи бойцы, командиры и политработники! Вы блестяще справились с задачей героической защиты Сталинграда... Своей стойкостью и героизмом вы прославили свое имя в веках.

Но это только одна половина решения большой задачи... Ведь наш советский народ с нетерпением ждет от нас радостного известия о ликвидации окруженных войск, полном освобождении из кровавых рук подлого врага родного героического города Сталинграда.

В победный, решительный бой, дорогие товарищи!.."

Политработники армии во главе с членами Военного совета З. Т. Сердюком и К. К. Абрамовым направились с письмом в войска, в окопы и траншеи, проводили беседы с бойцами, которые были готовы идти на последний штурм обороны противника и только ждали сигнала. Зов "В победный, решительный бой, дорогие товарищи!" вызывал у них прилив новых сил и энергии. Повсюду состоялись короткие партийные и комсомольские собрания, митинги. Воины давали клятву добить фашистских

извергов на сталинградской земле.

...Настало утро 10 января. В 8 часов 05 минут началась мощная артиллерийская подготовка по всему кольцу окруженных войск Паулюса. В 9 часов войска Красной Армии перешли в наступление. По всему фронту прокатилось мощное "Ура!". Начались завершающие бои по ликвидации окруженной группировки. Они шли днем и ночью, не давая покоя врагу, изматывая и окончательно ослабляя его. В этот период я снова находился в 204-й стрелковой дивизии, действовавшей на левом фланге армии.

Залп за залпом, разрыв за разрывом, и там, где ударит снаряд, взметаются вверх куски дерева, осколки, ледяные глыбы, части оружия, клочья одежды. Между разрывами - доли секунды. Ухо не в состоянии различить отдельные орудийные выстрелы. Залпы сливаются воедино, по вражеским позициям перекатывается жуткий огненный вал, вокруг один сплошной грохот и вой. Все сотрясается и дрожит так, что кажется: вот-вот не будешь в силах держаться на ногах...

Поток смертоносного металла не утихал. Наоборот, казалось, что вступают в действие все новые и новые батареи - на севере и юге, на востоке и западе. Со всех сторон в котел рвались смерть и разрушение, и не было нигде ни одного укромного уголка, не было у врага защиты, не было больше ни одной непростреливаемой во вражеской обороне точки. А огненная волна все нарастала и катилась вперед... Пошла вперед и пехота с танками.

Враг упорно сопротивлялся и, используя населенные пункты по берегам рек Червленая и Россошка, пытался приостановить наше наступление. Части Донского фронта, несколько перегруппировав силы, 17 января начали решительное наступление на всех направлениях. Враг не выдержал ударов наших войск и стал откатываться в сторону Сталинграда. Кольцо окружения продолжало неумолимо сжиматься.

Как стало потом известно, 20 января Паулюс попросил Гитлера предоставить ему полную свободу действий. Гитлер ответил немедленно:

"Капитуляция исключена. 6-я армия до конца выполнит свою историческую миссию. Благодаря своему упорному сопротивлению, она позволит создать новый фронт, к северу от Ростова, и обеспечить отход группы армий с Кавказа".

Паулюс продолжал покорно выполнять требования Гитлера, хотя хорошо знал, что конец может наступить в любой момент и что ему уже никто не сможет помочь. Утром 24 января он вновь сообщил в гитлеровскую ставку, что войска не имеют

боеприпасов и продовольствия, связь поддерживается только с частями шести дивизий, единое командование невозможно, что катастрофа неизбежна, и просил разрешения на капитуляцию.

Гитлер и на этот раз ответил:

"Запрещаю капитулировать. 6-я армия выполняет свою историческую миссию и должна удерживать свои позиции до последнего человека и до последнего патрона".

Советские войска подходили к стенам Сталинграда. 26 января мощным ударом они расчленили окруженную группировку на две части - южную и северную. Части 21-й армии генерала И. М. Чистякова соединились с героической 13-й гвардейской дивизией генерала А. И. Родимцева. Днем раньше соединения 64-й армии прорвали укрепленную линию городского обвода, заняли Купоросное, Ельшанку, западную часть пригорода Минино и завязали бои на улицах города.

Паулюс назначил командующим северной группой войск командира 11-го армейского корпуса генерала Штреккера, а командующим южной группой войск командира 71-й пехотной дивизии генерал-майора Росске. Сам же отправился к городской тюрьме, где в подвалах находилась группа генералов со своими штабами и остатками разгромленных войск, и лично предупредил их, что капитуляция недопустима.

28 января, когда наши войска вышли на северный берег реки Царица, а затем в ночь на 29 января в район вокзала и в юго-западную часть города, Паулюс доложил в ставку Гитлера, что, по расчетам его штаба, "6-я армия продержится не дольше, чем до 1 февраля".

В ответ на это Гитлер послал Паулюсу радиограмму, массу орденов и медалей и приказал повысить в званиях умирающих от голода, ран и холода солдат и офицеров.

В эти дни штаб Донского фронта и командование 64 и армии непрерывно требовали от соединений и частей точно установить, где находится штаб 6-й немецкой армии и ее командующий Паулюс. Ни пленные, ни разведчики не могли ответить на этот вопрос. Но вот 29 января при захвате бойцами 7-го стрелкового корпуса одного из опорных пунктов была взята в плен группа офицеров штаба 6-й армия. От них удалось узнать, что Паулюс и его штаб находятся в подвалах универмага.

А бои не прекращались. Наши соединения уже обстреливали универмаг. Получив сведения о местонахождении штаба 6-й армии и Паулюса, штаб фронта и командующий К. К. Рокоссовский потребовали от командующего армией М. С. Шумилова усилить штурм противника и пленить Паулюса и офицеров его штаба.

Универмаг находился на площади имени Павших Борцов. В направлении ее действовали 29-я и 36-я гвардейские стрелковые дивизии. Генерал М. С. Шумилов усилил их последним резервом - 38-й морской стрелковой бригадой полковника И. Д. Бурмакова и 329-м армейским саперным батальоном, поставив им задачу прорваться к универмагу, блокировать его и захватить штаб 6-й армии.

С этого момента события стали развиваться с нарастающей быстротой. Решительно атакуя, уничтожая основные опорные пункты обороны противника, стрелковые батальоны бригады и армейский саперный батальон 30 января прорвались к центру города - к железнодорожному вокзалу и площади Павших Борцов и к 6 часам утра 31 января почти полностью окружили их.

Как стало известно позднее, Паулюс вечером 30 января собрал ближайших своих помощников и вновь предупредил, что за действия войск северной и южной групп несут всю ответственность генералы Штреккер и Росске, а в штабе армии все вопросы решает начальник штаба генерал-лейтенант Шмидт. Этим актом Паулюс как бы отстранил себя от командования армией, от участия в возможных переговорах с советским командованием о капитуляции, хотя фактически продолжал командовать южной группой армии, и без его ведома Росске не принимал ни одного решения.

30 января исполнилось десять лет со дня прихода к власти Гитлера. И Паулюс послал ему две радиограммы, подготовленные Шмидтом. Первая гласила: "6-я армия, верная присяге Германии, сознавая свою высокую и важную задачу, до последнего человека и до последнего патрона удерживает позиции за фюрера и отечество". Вторая радиограмма торжественно провозглашала: "По случаю годовщины взятия власти 6-я армия приветствует своего фюрера! Над Сталинградом еще развевается флаг со свастикой. Пусть наша борьба будет нынешним и будущим поколениям в пример того, что не следует капитулировать даже в безнадежном положении, тогда Германия победит".

Через несколько часов Гитлер присвоил Паулюсу чин генерал-фельдмаршала, явно рассчитывая на его "героическую" смерть во главе остатков 6-й армии. Уже не дни, а часы и минуты решали судьбу южной группы войск Паулюса. Массированный огонь, непрерывные атаки воинов 38-й бригады заставили Росске, Шмидта и Паулюса 31 января принять решение о необходимости капитулировать.

У развалин универмага со стороны улицы Ломоносова появился офицер с белым флагом, направленный начальником штаба генерал-лейтенантом Шмидтом и генералом Росске.

Первым, кто начал переговоры с этим офицером с нашей стороны, был начальник оперативного отделения штаба 38-й бригады старший лейтенант Ф. М. Ильченко. Он же первым прошел в подвал универмага, где находился штаб 6-й армии. Ильченко уточнил у Шмидта и Росске, намерены ли они прекратить огонь и приступить к переговорам. Те ответили, что официально переговоры о капитуляции будут вести только с представителями Донского фронта. Об этом Ильченко немедленно доложил командиру бригады полковнику И. Д. Бурмакову, а тот в свою очередь - командующему 64-й армией генералу М. С. Шумилову.

Теперь, когда окруженные войска 6-й армии были на грани окончательного разгрома, исчерпали все силы и возможности к сопротивлению, а сам Паулюс получил от Гитлера "приглашение к самоубийству", новоиспеченный генерал-фельдмаршал согласился капитулировать.

Рано утром 31 января начальника штаба генерал-майора И. А. Ласкина и меня вызвал к себе командующий армией генерал М. С. Шумилов. В его домике в Бекетовке в. это время находился член Военного совета З. Т. Сердюк. Командарм ознакомил нас с донесением командира 38-й бригады полковника И. Д. Бурмакова.

- Капитуляции немцев командование Донского фронта и Военный совет армии придают очень важное значение, - сказал Шумилов, обращаясь к Ласкину. - Вам и вашему заместителю по политической части предлагаем выехать в район боевых действий в качестве официальных представителей советского командования провести переговоры с гитлеровским командованием о прекращении военных действий со стороны немцев, об их безоговорочной капитуляции и сдаче в плен командующего 6-й армией Паулюса и офицеров его штаба. Переговоры следует вести так, чтобы ни в коем случае не допустить какой-либо провокации со стороны немцев. Соблюдайте все меры предосторожности, но и проявите должную настойчивость. Необходимо прежде всего обезоружить Шмидта и Паулюса. Пленение Паулюса - обязательное условие. Без него не возвращайтесь. Это требование командующего фронтом К. К. Рокоссовского...

Мне командующий предложил первым выехать в штаб Паулюса и начать там предварительные переговоры. После них и установления связи с командующим непосредственно из штаба 6-й немецкой армии через 38-ю бригаду генерал И. А. Ласкин должен будет прибыть для принятия капитуляции, пленения Паулюса и офицеров штаба.

Вместе со мной выехал начальник разведки армии майор И.

М. Рыжов. По дороге к нам присоединился начальник оперативного отдела штаба армии полковник Г. С. Лукин.

В пути было время на размышления. Впервые за время войны мне и моим боевым друзьям пришлось выполнять такую почетную и ответственную миссию. Ни страха, ни растерянности никто из нас не испытывал. Наоборот, чувство долга, большое доверие, которое нам было оказано, вдохновляло каждого, придавало нам много сил и уверенности.

Приказом командующего генерала М. С. Шумилова время переговоров было установлено с 8.00 часов до 10.00 часов 31 января 1943 года. Но в районе площади Павших Борцов, у здания универмага, где находился штаб 6-й немецкой армии, шел бой. Да и в остальной части города огонь со стороны немцев продолжался из всех видов оружия, стоял сплошной гул канонады.

В 8 часов 15 минут мы подъехали к площади Павших Борцов. Остановились у штаба 38-й бригады в районе железнодорожного вокзала. Через площадь виднелись развалины универмага. Нас встретил командир бригады полковник И. Д. Бурмаков. Он сообщил, что в 8 часов в штаб 6-й армии ушли для переговоров его заместитель по политической части подполковник Л. А. Винокур и начальник оперативного отделения штаба бригады старший лейтенант Ф. М. Ильченко. Сообщений от них пока не поступало.

- Немедленно доложите о нашем прибытии командующему генералу М. С. Шумилову, - попросил я комбрига. - И вслед за нами обеспечьте телефонную связь штаба шестой немецкой армии со штабом нашей армии и командующим.

Испытывая определенное волнение, мы пошли к зданию универмага. Миновав площадь Павших Борцов, по узкой тропе вышли на улицу Ломоносова, где в подвалах универмага находился штаб 6-й немецкой армии. Подходя к нему, мы увидели торчащие из всех разбитых окон, дверей и подвалов жерла пушек, пулеметов, автоматов и винтовок, направленных на противоположную сторону улицы Ломоносова, где находились воины 38-й бригады. Охрану штаба армии несли эсэсовцы и жандармы. В этом же здании находилось много офицеров.

Вход в подвал универмага был сделан с улицы. Здесь нас встретила группа немецких офицеров. Когда мы сообщили, что являемся парламентерами и уполномочены командующим Донским фронтом генерал-полковником Рокоссовским вести переговоры о капитуляции немецких войск и требуем немедленно провести нас в штаб 6-й армии к генерал-полковнику Паулюсу, к нам вышел полковник Адам. Он сообщил, что Паулюс произведен

в чин генерал-фельдмаршала, и потребовал предъявить полномочия на право вести переговоры. Мы категорически отклонили его требования. К тому же официального документа на право ведения переговоров мы не имели. У нас был лишь ультиматум за подписью представителя Ставки Верховного Главнокомандования генерала Н. Н. Воронова и командующего Донским фронтом генерала К. К. Рокоссовского. Получилась небольшая заминка. Медлить нельзя было ни минуты. Я строго приказал немцам освободить нам дорогу и решительно вошел в подвал здания универмага. За мной пошли майор Рыжов и полковник Лукин.

Среди немцев произошло замешательство. Они подняли крик, шум, но, расталкивая друг друга, уступили нам дорогу. Полковник Адам был вынужден выйти вперед. Он и провел нас в помещение, где находился штаб 6-й армии. Шли по узкому, грязному, сырому, слабо освещенному светильниками из артиллерийских гильз коридору. По сторонам стояли немецкие офицеры.

Комната, в которой размещался штаб 6-й армии, слабо освещалась огарком свечи и тускло горевшей лампой. В комнате валялись чемоданы, разная рухлядь, было грязно и неуютно.

Увидев нас, все офицеры и генералы, в том числе генерал-лейтенант Шмидт и генерал-майор Росске, несколько растерялись, но потом встали и по-военному нам представились.

Мы по очереди назвали свои звания и фамилии, сообщили о цели своего прибытия. Как я понял, фамилии наши им были известны. Услышав мою фамилию, кто-то трижды сказал "комиссар", и все стали пристально меня разглядывать.

Майор И. М. Рыжов подтвердил, что мы действительно имеем дело с начальником штаба 6-й немецкой армии генералом Шмидтом и командиром 71-й пехотной дивизии генералом Росске, а не с подставными лицами. Мы предъявили генералам Шмидту и Росске отпечатанный и подписанный генералами Вороновым и Рокоссовским ультиматум.

Только теперь я обратил внимание, что в комнате штаба находятся офицеры 38-й бригады подполковник Л. А. Винокур и старший лейтенант Ф. М. Ильченко. Винокур подошел ко мне и заявил, что генералы категорически отказались вести переговоры и требовали представителей Донского фронта. Я приказал Ильченко срочно проверить, установлена ли телефонная связь со штабом армии, и, воспользовавшись растерянностью фашистов, приступить к разоружению немецкой охраны штаба. Старший лейтенант сразу же ушел выполнять приказ.

Немецкие генералы и офицеры вели себя в эти минуты по-

разному. Шмидт суетился, говорил громко, почти кричал. И это никак не вязалось с его внешностью. На нем была отглаженная форма, намазанные чем-то волосы блестели, черные усики аккуратно подстрижены. Глаза маленькие, черные, круглые, постоянно бегающие.

Генерал Росске одет был в обычные военные ботинки и повседневную форму. Подтянутый, несколько заносчивый, он четко и деловито отдавал распоряжения и, казалось, был доволен ходом событий. Некоторые офицеры деловито отбирали необходимые вещи и укладывали их в вещмешки. Кое-кто сидел, погрузившись в свои мысли.

Когда мы приняли у всех оружие, потребовали немедленно проводить нас к генерал-фельдмаршалу Паулюсу. Шмидт ответил, что Паулюс находится в отдельной комнате, он нездоров и в данное время армией не командует. Он сказал также, что северной группой командует генерал-полковник Штреккер, южной - генерал-майор Росске и что Паулюс является "частным лицом".

- Переговоры буду вести я как начальник штаба армии, - сказал Шмидт.

Но мы настояли, чтобы он доложил Паулюсу о нас и о цели нашего прибытия, передав требование, чтобы он с нами встретился и подписал приказ о капитуляции войск 6-й армии. Шмидт пообещал выполнить наше требование. Минуты ожидания показались мне вечностью. Но вот Шмидт снова появился в комнате и сообщил, что Паулюс приказ о капитуляции армии подписывать не будет, так как армией не командует, а является всего лишь "частным лицом" и встретиться с парламентерами категорически отказывается. Вместе с тем Паулюс передал просьбу, чтобы его, генерал-фельдмаршала, пленил и сопровождал один из советских генералов. Я ответил, что просьба командующего будет удовлетворена: для принятия капитуляции немецких войск, пленения Паулюса и его сопровождения сюда прибудет представитель генерала Рокоссовского начальник штаба 64-й армии генерал Ласкин. Шмидт и Росске были удовлетворены: фамилия генерала И. А. Ласкина им была хорошо известна.

- А теперь, - обратился я к Шмидту и Росске, - необходимо отдать приказ войскам о немедленном прекращении сопротивления и о полной капитуляции южной группировки. Место сдачи оружия, техники и приема пленных - площадь Павших Борцов.

Генералы переглянулись. Чувствовалось, что они хотят изложить какие-то условия. Мы согласились их выслушать. Их

просьба сводилась к следующему:

- - во-первых, фельдмаршалу Паулюсу никаких допросов не устраивать, все показания военного порядка он будет давать только командующему Донским фронтом генералу Рокоссовскому;

- во-вторых, обеспечить Паулюсу полную безопасность во время его пленения;

- в-третьих, хотя Паулюс и является "частным лицом", пока он не уедет, солдат его охраны не разоружать. После же его отъезда он не отвечает за действия своих подчиненных.

Обговорили мы со Шмидтом и Росске и порядок пленения Паулюса, офицеров его штаба, а также командующего южной группой. На сборы к отъезду Паулюсу отвели один час. Обо всем атом Шмидт доложил Паулюсу. Возражений, других каких-либо предложений от Паулюса не последовало.

Однако наши переговоры с генералами Шмидтом и Росске о капитуляции немецких войск носили предварительный характер. Окончательно же все вопросы, связанные с капитуляцией немецких войск южной группы, были решены генералом И. А. Ласкиным. До его приезда никто из нас к Паулюсу допущен не был.

Начальник штаба 64-й армии генерал-майор Иван Андреевич Ласкин прибыл в штаб 6-й немецкой армии около 9 часов. Когда он вместе с командиром 38-й бригады полковником И. Д. Бурмаковым вошел в комнату штаба 6-й немецкой армии, я доложил ему о ходе переговоров с генералами Шмидтом и Росске и уже отданных нами распоряжениях. Генералы Шмидт и Росске представились Ласкину. При этом генерал Шмидт заявил, что переговоры о капитуляции немецкое командование может вести только с официальным представителем генерала Рокоссовсиого. В ответ Ласкин назвал свою фамилию, звание и должность и сообщил, что ему поручено возглавить группу парламентеров и что он вместе с подполковником Мутовиным является официальным представителем генерала Рокоссовского и уполномочен вести не переговоры, а принять капитуляцию немецких войск 6-й армии, пленить ее командующего фельдмаршала Паулюса и офицеров его штаба. Это было сказано резко, тоном, не терпящим возражений. Шмидт сник, заговорил о том, что фамилия Ласкина ему известна и потому они могут продолжить начавшиеся до его приезда переговоры о капитуляции немецких войск южной группы.

Поскольку на всех участках южной группировки, кроме района универмага и площади Павших Борцов, еще шел бой, генерал Ласкин так же, как и мы ранее, предъявил Шмидту и

Росске требование прекратить огонь повсеместно. Они тут же по телефону отдали соответствующий приказ войскам и в свою очередь просили отдать распоряжение советским частям больше не вести огонь на всем участке фронта южной группы. Эта просьба немедленно была доведена до сведения командующего 64-й армией генерала М. С. Шумилова. Боевые действия прекратились.

К этому времени генерал Росске написал приказ войскам южной группы о немедленном прекращении огня, о капитуляции южной группы. Приказ требовал все оружие, боевую технику, снаряжение и автотранспорт сдать Красной Армии на площади Павших Борцов, а личному составу всех частей сдаться в плен.

"Голод, холод, самовольная капитуляция отдельных частей... сделали для меня невозможным продолжать руководство боевыми действиями, - говорилось в приказе. - Чтобы воспрепятствовать полной гибели моих солдат, чтобы принять на себя ответственность за этот миг, чтобы достичь человеческих условий для всех солдат и офицеров... я решил вступить с противником в переговоры о прекращении военных действий.

Человеческое обращение в плену и возможность вернуться домой после окончания войны гарантируется Союзом Советских Социалистических Республик.

6-я армия... полностью выполнила все задачи, возложенные на нее фюрером. Но такой конец ее - это сама судьба, которой должны покориться все солдаты.

Приказываю:

немедленно сложить оружие; солдаты и офицеры могут взять с собой все необходимые вещи..."

Переводчик Степанов, прибывший вместе с генералом Ласкиным, прочитал приказ.

- После слов "немедленно сложить оружие" необходимо добавить "и организованно сдаться в плен", - сказал И. А. Ласкин.

Росске сделал это дополнение и подписал приказ.

Объявить приказ немецким войскам южной группы поехали начальник штаба генерал Росске и, согласно распоряжению генерала Ласкина, наш представитель, майор Рыжов.

Генерал И. А. Ласкин обратился к генералам и офицерам штаба с требованием сдать личное оружие и запретил вести любые телефонные переговоры. И это требование было выполнено.

Естественно, всех нас интересовали вопросы: где же Паулюс? почему он не появляется? жив ли он?

И генерал Ласкин спросил Шмидта:

- Где находится командующий шестой армией генерал-

полковник Паулюс?

- Генерал-полковник Паулюс получил звание генерал-фельдмаршала, осторожно поправил Шмидт. - Он находится в другой комнате этого же подвала.

- Пригласите сюда генерал-фельдмаршала Паулюса, - сухо потребовал Ласкин.

Вместе со Шмидтом к Паулюсу пошел и наш офицер - старший лейтенант Латышев, один из командиров батальонов 38-й бригады. Его задача - взять пленного под охрану.

Шмидт возвратился через несколько минут.

- Генерал-фельдмаршал просит предоставить ему двадцать минут для приведения себя в порядок, - доложил он Ивану Андреевичу. - Ведение переговоров о капитуляции он поручил мне и командующему южной группой войск генералу Росске.

Ласкин повернулся к старшему лейтенанту Латышеву.

- Паулюс находится здесь, в соседней комнате, вход в нее охраняется нашими солдатами, - доложил тот и попросил разрешения вернуться на пост как ответственному за охрану Паулюса.

- Идите, - разрешил генерал и облегченно вздохнул. - Что ж, товарищи, предоставим генерал-фельдмаршалу двадцать минут на сборы, - сказал он нам и взглянул на часы. - Итак, двадцать минут.

Мы молча, с волнением ждали, когда кончатся эти неимоверно долгие минуты. Ласкин изредка задавал вопросы Шмидту, кое-что уточнял. Он поинтересовался, где находятся оперативные карты штаба, возможна ли связь с северной группировкой войск, каковы были последние приказы Гитлера... Шмидт ответил, что оперативные документы сожжены накануне, что все радиостанции выведены из строя огнем советской артиллерии и поэтому связаться с кем бы то ни было он не может. Он сообщил также, что вопрос о капитуляции северной группировки 6-й армии будет решать командир 11-го армейского корпуса генерал-полковник Штреккер. Шмидт добавил, что в своем последнем распоряжении Гитлер приказал войскам 6-й армии продолжать сражение в окружении до конца, до последнего патрона и солдата. О содержании приказов Гитлера войскам, действующим на внешнем фронте, он ничего не знал, связи с ними давно нет.

Между тем истекли 20 минут. Паулюс не появился. Ласкин потребовал от Шмидта поторопить генерал-фельдмаршала. Генерал ушел. Возвратившись, он сообщил, что Паулюс просит дать ему еще 20 минут.

- Генерал-фельдмаршал плохо себя чувствует, - сообщил

Шмидт.

- Мы не имеем возможности больше ждать, - жестко сказал генерал Ласкин. - Требуем провести нас к фельдмаршалу...

Генерал Ласкин, полковники Лукин и Бурмаков, подполковник Винокур, переводчик Степанов и я в сопровождении генерал-лейтенанта Шмидта направились в комнату Паулюса. У ее дверей стояли наши бойцы. Они открыли дверь. Паулюс в шинели нараспашку, заложив руки за спину, прохаживался по комнате. Она была перегорожена шифоньером. В первой ее половине у подвального окна, выходящего во двор универмага, стоял рабочий стол, за шифоньером находились две койки.

Увидев нас, Паулюс остановился, но не произнес ни слова. Генерал И. А. Ласкин назвал свое звание, фамилию, должность, объявил генерал-фельдмаршала Паулюса пленным и потребовал сдать личное оружие. Только тогда Паулюс словно бы понял, что происходит, он подтянулся, назвал себя и доложил, что сдается советским войскам в плен, а личного оружия при себе не имеет, так как передал его своему адъютанту. Сообщил он зачем-то и о том, что в генерал-фельдмаршалы произведен только 30 января, новой формы одежды еще не имеет и поэтому представляется в форме генерал-полковника.

- Предъявите удостоверение личности командующего армией, - потребовал Ласкин.

Паулюс вынул из кармана кителя солдатскую книжку и подал ее Ивану Андреевичу, сказав, что имеет только это, а другого документа, удостоверяющего его личность как командующего армией у него нет. Генерал Ласкин, просмотрев солдатскую книжку, вернул ее Паулюсу.

Посоветовавшись, мы решили проверить одежду Паулюса. Ласкин приказал сделать это мне. Я осмотрел тщательно его карманы и всю одежду. Ничего подозрительного не оказалось.

Паулюс выглядел болезненно. Генерал Ласкин спросил его:

- Не болен ли генерал-фельдмаршал?

- Нет, я здоров, - ответил Паулюс. - Это переживания за судьбу армии и исключительно плохое питание повлияли, вероятно, на мой вид. Сто пятьдесят граммов в день - все, чем я питаюсь. - Он вытащил из заднего кармана брюк мелко нарезанные хлебные кубики и показал их нам.

И. А. Ласкин предъявил Паулюсу текст ультиматума, сообщив при этом, что часть его требований уже выполнена по указанию Шмидта и Росске. От Паулюса он потребовал немедленно отдать приказ войскам северной группы 6-й армии и ее командующему прекратить огонь и принять капитуляцию, передать все шифровки

ставки Гитлера и другие оперативные документы, сообщить, какие последние указания давал Гитлер 6-й армии и командующему группой войск.

Паулюс ответил на это так, как уже говорили нам Шмидт и Росске, добавил, что в последних распоряжениях Гитлера повторялось требование продолжать сопротивление и надеяться на подход к Сталинграду группы генерал-фельдмаршала Манштейна.

Он обратился к Ласкину с просьбой всех пленных германских генералов и офицеров разместить отдельно от солдат, оставить при них форму одежды и холодное оружие и передал ему список генералов и некоторых старших офицеров штаба и соединений.

Потом, после отъезда Ласкина с Паулюсом, мы с генералом Росске вышли из штаба на площадь Павших Борцов и проверили ход выполнения условий капитуляции немецких войск. Фактов отказа сдачи оружия не наблюдалось. Росла гора сданного оружия, боевой техники, все новые колонны пленных, закутанных во что попало, грязных и потерявших элементарный воинский вид, выстраивались и непрерывным потоком двигались в направлении Бекетовки.

Вокруг универмага и площади Павших Борцов, на местах только что закончившихся боев, куда ни глянешь - трупы. Как позднее стало известно, их было подобрано и захоронено по всему Сталинграду и его пригородам около 147 тысяч. Росске смотрел на все это безучастно. Он весь обмяк, съежился и казался каким-то беспомощным.

У одного из штабелей занесенных снегом трупов немецких солдат я спросил Росске:

- Что вас заставило быть таким бессердечным по отношению к своим соотечественникам?

- Мы выдохлись, мы бессильны были чем-либо им помочь, - ответил он и завернул свое лицо башлыком.

Командир бригады полковник И. Д. Бурмаков в это время занимался разоружением штаба армии в универмаге и немецких войск во всей полосе наступления бригады, очищал подвалы и совместно с немецкими специалистами разминировал территорию, используя переданные гитлеровцами схемы минных полей. Подполковник Л. А. Винокур внимательно следил за ходом разоружения нашими солдатами.

К 16 часам 31 января 1943 года южная группа войск была полностью разоружена. Военнопленные выстраивались на площади Павших Борцов и во главе с командирами сплошным потоком шли от центра Сталинграда через Бекетовку в Красноармейск. Туда поехали и мы. Впереди я и генерал Росске,

за нами немецкая штабная машина с генералами и офицерами штаба Росске в сопровождении майора Рыжова и подполковника Винокура. По пути я специально остановил машину, вышел из нее и дал возможность Росске "полюбоваться" сплошным потоком людей, бредущих от центра Сталинграда к Бекетовке. Заросшие, оборванные, грязные, в тоненьких шинелях, они шли мимо нас, не обращая внимания на генерала Росске. Он смотрел на эту процессию, переминаясь с ноги на ногу и постукивая каблуком о каблук. Затем сел в машину, отвернулся от колонны и весь сжался в комок.

Мы приехали в Бекетовку, в штаб 64-й армии, когда туда И. А. Ласкин уже доставил Паулюса, Шмидта и Адама. Я доложил генералу М. С. Шумилову о выполнении боевого задания и получил разрешение отдохнуть. Но вскоре пришлось снова выехать в Сталинград, где еще продолжалось разоружение фашистских войск.

Как мне стало позже известно, Паулюс и в той обстановке, находясь у командующего армией генерала Шумилова, отказался отдать приказ войскам северной группы прекратить сопротивление и капитулировать. Потом мы узнали, что и в разговоре с представителем Ставки генералом Н. Н. Вороновым и командующим Донским фронтом генералом К. К. Рокоссовским он поступил точно так же.

Советскому командованию не оставалось ничего, как нанести решающий удар по остаткам немецких войск северной группы. 2 февраля ее войска были полностью разгромлены.

В 16 часов 10 минут представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов и командующий Донским фронтом генерал-полковник К. К. Рокоссовский направили Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину донесение:

"Войска Донского фронта в 16 часов 2 февраля 1943 года закончили разгром и уничтожение окруженной сталинградской группировки противника... В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились".

Глава четвертая

Гвардейцам салютует Родина

Закончилась Сталинградская битва. За успешные боевые действия, стойкость, мужество, отвагу и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками приказом Народного комиссара обороны № 104 1 марта 1943 года 204-я стрелковая дивизия была преобразована в 78-ю гвардейскую, а ее 700, 706 и 730-й стрелковые полки были награждены орденами Красного

Знамени. Все полки и спецчасти дивизии были тоже преобразованы в гвардейские. Так, 700-й стрелковый стал 223-м, 706-й - 225-м, 730-й - 228-м гвардейскими, а 657-й артполк - 158-м гвардейским артиллерийским. С радостью восприняли бойцы и командиры это сообщение. В частях состоялись митинги. Каждый воин присягнул на верность знамени своей части и с гордостью получил нагрудный знак гвардейца. Все отличившиеся в боях солдаты, сержанты и офицеры были отмечены государственными наградами. Это о них, героях Сталинграда, писал поэт Алексей Сурков:

...Время придет - рассеется дым,
Смолкнет военный гром.
Шапку снимая при встрече о ним,
Скажет народ о нем:
- Это железный русский солдат,
Он защищал Сталинград.

...А война продолжалась уже около двух лет. Враг был изрядно потрепан в степях между Волгой и Доном и отброшен к Северскому Донцу. Поражение под Москвой и Сталинградом подействовали на немецко-фашистское командование отрезвляюще. Но враг был еще силен, не отказался от своих намерений, он готовился летом 1943 года развернуть новое наступление хотя бы на одном из участков огромного советско-германского фронта, надеясь вернуть себе стратегическую инициативу, изменить ход войны в свою пользу, поддержать упавший дух своих сателлитов и укрепить пошатнувшийся моральный дух войск.

Основной удар в соответствии с планом "Цитадель" фашисты решили нанести по Курскому выступу советских войск, окружить и уничтожить их, взять реванш за Сталинград, вновь захватить богатые районы юга нашей страны.

Гитлер в приказе № 6 от 15 апреля 1943 года писал: "Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом... На направлении главных ударов должны... быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большее количество боеприпасов. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира".

Особые надежды на успех операции немецко-фашистское командование возлагало на вводимую в этом сражении новую военную технику. Впервые в операции "Цитадель" применялись тяжелые танки T-VI "Тигр" с лобовой броней в 100 миллиметров и весом 60 тонн, средние T-V "Пантера", вооруженные длинноствольной 75-миллиметровой пушкой и мощным

пулеметом МГ-42, самоходные артиллерийские установки "Фердинанд", а также самолеты "Фокке-Вульф-190А", имевшие четыре пушки и шесть пулеметов, и штурмовик "Хейнкель-129".

Гитлеровское командование создало две мощные группировки: в районе Орла и в районе Белгорода. В общей сложности на южном фасе Курского выступа войскам Красной Армии нужно было сдержать натиск 280 тысяч солдат и офицеров, более 2500 орудий и минометов, 1500 танков и самоходных артиллерийских установок, свыше двух тысяч самолетов.

Для советского народа и его Вооруженных Сил весна 1943 года была весной великих ожиданий и надежд. Усилиями Коммунистической партии и героическим трудом тружеников тыла действующая армия к весне 1943 года получала все новое и новое вооружение. По количеству и качеству боевой техники мы уже превосходили гитлеровцев. Два фронта - Центральный и Воронежский, занимавшие оборону на Курской дуге, имели 19 300 орудий и минометов, более 3300 танков и САУ и 2650 боевых самолетов.

Все это давало возможность советским войскам начать наступление первыми. Но после того как стало известно о плане "Цитадель", наше командование приняло решение создать мощную, разделенную на несколько эшелонов систему обороны, вконец измотать противника, уничтожить его боевую технику и живую силу в оборонительных боях, а затем перейти в наступление.

Такова была общая обстановка в районе Курской дуги, когда после разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом в марте 1943 года 78-я гвардейская стрелковая дивизия в составе 7-й гвардейской армии прибыла под Белгород. Совершив 100-километровый марш, она сосредоточилась в селе Доброе Шебекинского района. Сразу же соединение получило новое вооружение, боевую технику, транспорт и большую группу пополнения, в составе которого были и уже бывалые, обстрелянные, воины и совсем еще молодые, не принимавшие участия в боях. Пополнился и командно-политический состав дивизии.

К этому времени ушли на новые должности или были откомандированы на учебу все командиры стрелковых полков и их заместители по политической части. Вместо них пришли новые, но имевшие боевой опыт сталинградских боев: в 223-й гвардейский полк С. А. Аршинов и его заместитель по политической части А. Е. Клименко, в 225-й гвардейский - Д. С. Хороленко и его заместитель по политической части А. Ф.

Аксенов, командиром 228-го гвардейского полка стал бывший заместитель командира по строевой части полка - И. А. Хитцов, его заместителем по политической части был назначен Ф. С. Максимов.

Резко изменился состав командиров батальонов и рот, командиров взводов.

Такое изменение в командном и политическом составе дивизии потребовало от командования, политотдела внимательного изучения деловых и политических качеств всех вновь прибывших офицеров, их правильной расстановки при назначении на командные должности. Это была одна из первоочередных задач политотдела.

После получения нового вооружения, боевой техники и прибытия пополнения в дивизии были укомплектованы все части и подразделения до полного штата военного времени. И немедленно началась боевая и политическая учеба.

...Учеба продолжалась. Фронт от нас был всего в 15-20 километрах, и части дивизии находились в постоянной боевой готовности. Вражеская авиация совершала непрерывные разведывательные полеты. Больше месяца мы тренировались в строительстве прочной обороны, маскировке, стрельбе из всех видов оружия, в том числе и трофейного, вырабатывали умение атаковать и контратаковать противника, пропускать через себя фашистские танки, отрезать от них и уничтожать новую силу врага.

Однажды вечером меня пригласил заместитель командира дивизии по политчасти А. П. Колесник. Я уже знал, что он назначен на новую должность заместителем командира 25-го гвардейского стрелкового корпуса по политчасти и, видимо, хотел на прощание поговорить со мной. Тем более что было принято решение о назначении меня на место Алексея Петровича, так что нам было о чем потолковать. Колесник - опытнейший политработник, и его советы, пожелания были бы для меня очень ценными.

Он встретил меня тепло, с чувством пожал руку, усадил, пытался шутить, но скрыть того, что волнуется, переживает (как там, на новом месте, сложатся дела?), не мог. Да и грустно, видно, было ему расставаться с дивизией, с людьми, с которыми пережил столько и радостных и горестных дней, вместе прошел сотни километров, участвовал во многих боях.

- Вот и расстаемся, - сказал Алексей Петрович. - Вступите в должность работать вам придется в сложной обстановке. Дивизия ведь значительно обновилась. Командный и политический состав особенно. Начальником штаба, как вам известно, назначен

гвардии полковник Николай Андреевич Попов, командующим артиллерией - гвардии полковник Степан Ефимович Ципилев. Командиры они, конечно, опытные, знающие, боевые. Но в батальоны, роты, взводы командиры и политработники в большинстве своем пришли еще не обстрелянные, не привычные к фронтовой жизни. Надо глубоко изучить каждого, помочь человеку освоиться на новом месте, настроить его на преодоление трудностей. А их будет немало. Предстоит за короткий срок освоить новейшее вооружение, технику, научить людей воевать по-современному, психологически подготовить их к тяжелым боям.

Беседа затянулась. Алексей Петрович довольно подробно характеризовал многих людей, с которыми я был мало знаком, посоветовал, на кого из них можно опереться в решении поставленных перед политотделом задач, предостерег от работы наскоком. Он несколько раз подчеркнул необходимость учить молодых политработников на местах, конкретным показом того, что и как надо делать. И все это было высказано Колесником в форме размышлений о том, какие события ожидают личный состав дивизии.

Шла напряженная учеба. Личный состав ходил в атаки, строил оборонительные сооружения, контратаковал наступающего "противника", учился метко стрелять из всех видов оружия. Молодые командиры приобретали навыки организации боя, совершенствовали тактическое мастерство. Политработники в короткие минуты отдыха проводили с бойцами беседы, рассказывали им о положении на фронтах, психологически настраивали воинов на предстоящие боевые действия, много внимания уделяли ознакомлению личного состава со славными боевыми традициями дивизии.

Я старался побывать во всех полках, батальонах, в ротах, на месте познакомиться с работой заместителей командиров по политчасти да и настроить их так, чтобы не ждали "удобного" времени для политработы, а использовали для нее любую минуту, чтобы она не прекращалась и в часы стрельб, велась и в ходе атак, и во время "обкатки" личного состава танками. Тем более что были факты, когда некоторые заместители командиров рот (да и батальонов!) считали: для проведения политработы необходима соответствующая обстановка, специально отведенное время.

В одном из подразделений личный состав проходил "обкатку" танками. Делалось это, на первый взгляд, весьма просто: танки "противника" атаковали наши позиции, где в окопах находились бойцы и офицеры. Нужно было лечь на дно окопа и пропустить танк над собой, затем, быстро поднявшись, поразить его гранатой

или бутылкой с горючей смесью. Для того, кто уже участвовал в боях, не раз, притаившись в окопе, слышал над собой лязг гусениц вражеских танков, проводимые в эти дни тренировки не представляли особой трудности. У некоторых же молодых воинов они вызывали страх. По-человечески их можно было понять: сидеть в тесном окопе и видеть у себя над головой многотонную, пышущую огнем громадину - приятного, конечно, мало. Но ведь мы готовимся к боям.

Заместителя командира роты по политчасти старшего лейтенанта И. В. Сазонова я нашел в небольшом лесочке. Он стоял в окружении бойцов и что-то, жестикулируя, возбужденно говорил. Заметив меня, он смутился.

- Не все поняли, что находиться в окопе при атаке танков гораздо безопаснее, чем показывать им спину, - сказал он, пожимая мне руку. Побежишь - получишь пулю, а прояви волю, выдержку, пропусти танк и гранату ему в гусеницу или под днище - и нет его. Верно я говорю, Клоков?

- Верно, - откликнулся широкоплечий, невысокого роста боец. - Танк... он лишь поначалу страшен. А вообще-то с ним сладить можно.

- Поняли? Можно сладить! - оживился политработник. - И нужно! Клоков знает, что говорит. Он у нас специалист по танкам. Сколько у вас их на счету?

- Четыре...

- Теоретически ясно, - пробасил рослый, с веснушчатым лицом красноармеец. - Да вот только сердце в пятки уходит, когда этакая махина на тебя прет. Надавит ведь - мокрого места от тебя не останется.

И то, как искренне, просто это было сказано, и то, что признание принадлежало такому богатырю, развеселило бойцов. Они заулыбались.

- Да такого и танк не раздавит, - вставил кто-то из собравшихся.

- Наоборот, ему хуже, его издали видно, да и в окопе он едва умещается, - пошутил другой.

- Ничего. Я комплекцией тоже не обижен, а, как видели, в окопе прекрасно умещаюсь, и танк меня не раздавил, - возразил Сазонов. - Так что давайте посмелее...

Мы со старшим лейтенантом прошлись по позиции, оборудованной для боя с танками. Идя следом за ним, я смотрел на него и думал: рождаются же такие гиганты. Сазонов - коренной сибиряк, прибыл к нам недавно, но мы уже были наслышаны о его храбрости, знали его мягкий, покладистый характер, умение быстро, без особого труда устанавливать контакт с

подчиненными. В роте его любили не только за то, что он к каждому был внимателен, отзывчив, всегда готов откликнуться на шутку, горой стоял за бойцов, но и за смелость, решительность в бою.

- Значит, все же умещаетесь в окопе? - весело спросил я, чтобы прервать молчание.

- Умещаюсь, - отозвался Сазонов. - Нужда заставит - в комок сожмешься. В других условиях меня бы и палкой в окоп под танк не загнали. Но ведь надо.

- А страшновато все-таки?

- Теперь не очень. А поначалу, признаюсь, чувствовал себя не очень уютно. Так что я их, молодых бойцов, понимаю. Обвыкнут, и все будет в порядке.

- А что, если мы соберем несколько опытных бойцов, таких, скажем, как Клоков, поговорим с ними и предложим через газету обратиться ко всем воинам дивизии учиться уничтожать вражеские танки? Пусть расскажут о себе, как это делали они сами, напомнят, что не так уж и страшен черт, как его малюют. В подразделениях организуем обсуждение этого обращения. Как вы думаете, будет польза?

Сазонов остановился, повернулся ко мне.

- Дело, конечно, стоящее, - сказал он после некоторого раздумья. Только пусть это будут люди из разных подразделений. У себя я достойных подберу.

На том и порешили. Обращение вскоре было опубликовано в дивизионной газете и широко обсуждалось во всех подразделениях. Оно было наполнено гневом к немецко-фашистским захватчикам, звало бойцов на всестороннюю подготовку к предстоящим боям, разъясняло и необходимые условия в борьбе с гитлеровскими танками. Командир дивизии не раз отмечал своевременность и большое мобилизующее и воспитательное значение обращения, что, естественно, вызвало удовлетворение у нас, политработников.

Возвращаясь в политотдел, я заглянул к командующему артиллерией дивизии гвардии полковнику С. Е. Ципилеву, чтобы поближе познакомиться с ним. Ципилев к моему приходу отнесся как к вполне естественному факту, но, беседуя с ним, я не раз встречал его изучающие взгляды. Полковник живо, можно сказать, увлекательно рассказывал о проведенных недавно специальных стрельбах из пушек всех калибров и противотанковых ружей по трофейным танкам, с похвалой отозвался о действиях отличных расчетов гвардии сержантов Борискина и Ненашева, поразивших танки с первого выстрела.

- Теперь и другие расчеты к ним на выучку направим, -

говорил Ципилев. - Хорошо бы всем так действовать. Кумулятивные снаряды у нас на вес золота, и их требуется экономить. К тому же в бою при стрельбе прямой наводкой надо бить наверняка, уничтожать цель первым же снарядом.

Слушая полковника, я думал о том, что вот еще одно важное направление в нашей работе - разъяснить бойцам необходимость всеми силами добиваться повышения меткости стрельбы, уметь поражать вражеские танки с первого выстрела. Позже мы сумели добиться, что соревнование под девизом "Поражать вражеские танки с первого выстрела!" широко развернулось среди артиллеристов и принесло большую пользу для подготовки специалистов.

Состоялись взводные, ротные, батальонные и полковые тактические учения с боевыми стрельбами. Их проводил командующий армией генерал М. С. Шумилов. В ходе учений в каждом стрелковом взводе были сформированы специальные группы истребителей танков. В них вошли самые смелые воины, знающие минное дело и умеющие ставить и точно бросать под танки противотанковые мины и гранаты. Впоследствии, в ходе боев, эти группы сыграли огромную роль в истреблении фашистской техники.

Опорой и помощниками командиров в обучении пополнения были бывалые солдаты, прошедшие школу боев под Сталинградом. Были выявлены лучшие стрелки, и из них создана снайперская школа.

Большое внимание мы уделили отбору, боевой подготовке и воспитанию разведчиков. Дело это особо серьезное. Разведчик должен быть физически крепок, ловок, смекалист, уметь применять болевые приемы, вести рукопашную схватку с врагом, четко ориентироваться на местности, преодолевать препятствия, выбирать скрытые подходы, маскироваться. Он должен быть способен часами, а иногда и сутками, не шелохнувшись, сидеть в укрытии и наблюдать за врагом, изучать местность и поведение противника, действовать днем и ночью как в группе захвата, так и в группе обеспечения, как на переднем крае, так и в глубине обороны врага.

Много помогали нам в обучении и воспитании молодых разведчиков, отобранных главным образом из числа коммунистов и комсомольцев, опытные разведчики гвардии старшины П. Бачурин и Н. Колотушкин. Они проводили с молодыми воинами практические занятия на местности.

Укомплектовав подразделения, мы столкнулись с непредвиденной трудностью. К нам пришла большая группа юношей из среднеазиатских и закавказских республик, слабо

знающих русский язык. Выход нашли. Подобрали из этих солдат парней, знающих русский язык достаточно хорошо, и назначили их помощниками командиров отделений и взводов. Именно помощниками, а не просто переводчиками, чтобы они отвечали не только за то, чтобы команда была правильно передана, но и точно исполнена. Одновременно было организовано изучение вначале команд на русском языке, а потом и самого языка, хотя бы в самом необходимом объеме. Политотдел дивизии до начала боев провел батальонные красноармейские собрания. В стрелковом батальоне гвардии капитана Н. К. Жилина 223-го гвардейского полка такое собрание готовил и проводил агитатор политотдела гвардии капитан И. Д. Штин. В батальоне служили воины шестнадцати национальностей. Многие из них выступали на собрании.

- Я - узбек, - говорил гвардии сержант Ергашев. - но Украина и Белоруссия мне так же дороги, как мой родной Узбекистан. В наш советский дом ворвался грабитель, бандит, вор и насильник. Его должны убивать все: и русский, и украинец, и узбек...

- Помните: немец, убитый на юге, никогда уже не появится на западе. Он наш общий враг, и мы честно выполним свой долг перед Родиной... - сказал гвардии сержант Н. Буранов.

Воины многих национальностей прекрасно понимали друг друга, жили, учились, бесстрашно шли в бой и громили врага единой семьей, помогая и поддерживая друг друга. Это был крепкий коллектив, который цементировали коммунисты и комсомольцы.

Война - суровая школа. Ее опыт первого года был обобщен в новом Боевом уставе пехоты 1942 года. Весь командный и политический состав дивизии в это время изучил новый устав и сдал по нему зачеты. Сдал зачет командующему армией генералу М. С. Шумилову с оценкой "хорошо" и я, о чем получил удостоверение.

По специально разработанной программе в этот период проводились регулярные политические занятия с личным составом, организовывались читки газет, беседы агитаторов, политинформации, лекции и доклады. Со всеми парторгами и комсоргами рот, батарей, батальонов и дивизионов, их заместителями был проведен однодневный семинар. В полках состоялись семинарские занятия с агитаторами взводов и редакторами ротных боевых листков. Выл подготовлен резерв на должности парторгов, комсоргов и агитаторов рот и батарей.

Вся пропаганда и агитация организовывались под лозунгами: "Ни шагу назад!", "Сделаем оборону неприступной для врага!", "Высоко будем держать честь защитников Сталинграда, честь

гвардейцев!", "Разгромим врага, уничтожим фашистскую нечисть, очистим нашу Родину от немецко-фашистских захватчиков!".

К агитационной, пропагандистской работе политотдел старался привлечь весь командный состав. Выступления командиров, как правило, носили конкретный характер, раскрывали суть боевой задачи и указывали пути ее практического решения.

В мае 1943 года вышла директива Главного политического управления РККА о реорганизации структуры армейских партийных и комсомольских организаций. Она основывалась на постановлении Центрального Комитета ВКП(б) от 24 мая 1943 года. Вопрос этот давно назрел. В боевых условиях партбюро полка не могло по-настоящему руководить более чем двадцатью ротными и им равными парторганизациями. Оно не успевало подчас разбирать, например, дела о приеме в партию.

Теперь положение менялось. В полках создавались партийные бюро с правами парткомитета, а в батальонах, дивизионах, отдельных ротах и батареях - первичные партийные и комсомольские организации.

Одновременно вводился институт назначаемых парторгов и комсоргов полков, батальонов и рот. Подбор состава в бюро возлагался на заместителя командира полка по политической части и парторга, утверждение - на политотдел дивизии. Это было вызвано конкретными условиями военного времени.

В батальонах, дивизионах, а также в отдельных ротах и батареях, входивших в состав полков, были созданы 46 первичных партийных организаций, в ротах и батареях - 60 партийных организаций и 9 кандидатских групп. Все ротные и батарейные партийные организации были пополнены коммунистами за счет вновь принятых в ряды ВКП(б), партийцев из прибывшего пополнения, команды выздоравливающих и переведенных из тыловых подразделений. Только в третьем батальоне 228-го гвардейского полка в июне было принято в партию 27 отличившихся в боях воинов. Несмотря на значительные потери в Сталинградской битве, в дивизии насчитывалось более - 1200 коммунистов и почти 2000 комсомольцев. Каждый стрелковый батальон и артиллерийский дивизион имел не менее 70-80 коммунистов. Это была большая организующая и мобилизующая сила.

Политический отдел дивизии сосредоточил основное внимание на подборе и расстановке партийных кадров. Особенно остро этот вопрос стоял еще и потому, что отменялся институт заместителей командиров рот и батарей по политической части. Теперь вся тяжесть партийно-политической работы в ротах и

батареях ложилась на парторга и комсорга роты, в батальонах - на заместителя командира по политической части, парторга и комсорга.

Парторгами полков стали люди с большим опытом партийной работы, политически зрелые, испытанные и проверенные в боях люди - Я. Н. Плетень, А. П. Зубко, заместителями командиров батальонов и дивизионов - Г. П. Ожгибесов, М. И. Трегубов, В. П. Люкшин, П. П. Симаков, И. В. Галашев, П. С. Орешин и другие.

Директивой Главного политического управления РККА были также объединены должности заместителя командира дивизии по политчасти и начальника политотдела дивизии. Приказом на эту должность как раз и был назначен я, а начальник политотдела Родионов был направлен на учебу. Весь коллектив политотдела тепло и сердечно проводил его - старого, опытного партийного руководителя, пользовавшегося уважением в дивизии.

Крепким, слаженным, боевым был политотдел дивизии. Агитаторы и инструкторы И. В. Штин, М. Г. Зотов, Л. П. Шрамко, М. В. Кипятков, И. Н. Корж, помощник по комсомольской работе К. П. Зырянов имели высшее образование, большой опыт партийно-политической работы в войсках в военное время.

15 мая 1943 года дивизия вошла в состав 25-го гвардейского стрелкового корпуса и, сменив 213-ю стрелковую дивизию, заняла оборону на южной окраине Белгорода и южнее на рубеже Дальние Пески, Дорогобужино, Нижний Ольшанец по фронту 10 километров. В первом эшелоне - 228-й и 225-й, во втором - 223-й гвардейские полки, 158-й гвардейский артиллерийский полк занял оборону в боевых порядках этих частей на прямой наводке. Справа от нас находилась 81-я, слева - 72-я гвардейские стрелковые дивизии.

Местность в полосе обороны дивизии - пологая, открытая, грунт песчаный, сыпучий. Противник же находился на правом берегу Северского Донца, по высокой гряде меловых гор, поросших густым лесом и кустарником, откуда он имел возможность полностью просматривать нашу оборону.

Наше соединение в предельно сжатые сроки закончило необходимые инженерные работы и прочно укрепилось на рубеже. На участке обороны каждого полка были оборудованы три опорных противотанковых пункта. Саперы батальона установили по 5 тысяч противотанковых и по 6 тысяч противопехотных мин на участке обороны каждого полка. По всему переднему краю было поставлено заграждение в три ряда колючей проволоки. Все оборонительные сооружения воины тщательно замаскировали.

Каждая рота и взвод имели окопы полного профиля, приспособленные к круговой обороне. Для стрелкового, пулеметного, минометного отделения и орудийных расчетов были сооружены землянки с пятью - семью накатами из бревен. Участки обороны полков имели сплошные ходы сообщения. По ним мы свободно передвигались в любое время дня. Они могли служить одновременно удобно оборудованными отсечными позициями в случае прорыва противника в глубину обороны.

Большую помощь в земляных работах оказало нам местное население деревень Нижний Ольшанец, Крутой Лог, Дорогобужино, Разумный, Ближняя Игуменка, Шебекино и других. Будучи эвакуированными из прифронтовых сел и деревень, жители целыми семьями добровольно приходили на земляные работы, разбирали свои надворные постройки, дома и весь лесоматериал отдавали бойцам на оборудование блиндажей и укрепление стенок окопов и ходов сообщения.

Одновременно с укреплением оборонительных рубежей в дивизии велась усиленная разведка противника, продолжалось совершенствование боевого мастерства личного состава. Поочередно роты и батальоны выводились в тыл и занимались боевой и политической подготовкой.

3 и 4 июля во всех батальонах, отдельных ротах, батареях и спецподразделениях дивизии состоялись партийные и комсомольские собрания. Коммунисты и комсомольцы единогласно приняли решение стойко отстоять свои позиции, не отходить ни шагу назад, громить врага по-гвардейски, по-сталинградски. Я присутствовал на партийном собрании в первом батальоне 225-го гвардейского полка, которым командовал смелый, мужественный и опытный командир капитан А. Д. Беловицкий. Подразделение находилось на одном из наиболее вероятных направлений атак противника. Личный состав понимал это и готовился к серьезным боям. В своем выступлении я напомнил коммунистам, что их пример в бою - залог успеха.

Выступил на собрании командир 25-го гвардейского корпуса генерал Ганий Бекинович Сафиулин.

- - Чувствую, - сказал он. - Настроены вы по-боевому, как и положено гвардейцам. Командование корпуса и армии уверено в вас. Оборона батальона в надежных руках.

Мы получили предупреждение, что противник может перейти в наступление 5 июля. Политотдельцы направились в полки и батальоны, чтобы на месте оказать помощь командирам, партийным и комсомольским организациям в разъяснении личному составу боевой задачи, в подготовке - к предстоящим боям, еще раз проверить, хорошо ли бойцы усвоили приемы

борьбы с танками, достаточно ли у каждого противотанковых гранат. Все красноармейцы на наши вопросы отвечали, что знают, как бить "тигры", "пантеры" и "фердинанды", и что гранат для этого достаточно.

К началу наступления враг кроме пехотных дивизий сосредоточил против правого фланга 7-й гвардейской армии, ее 25-го гвардейского корпуса оперативную группу "Кампф" в составе 6, 7 и 19-й танковых дивизий. Он имел против 81-й гвардейской дивизии непосредственно под Белгородом небольшой Михайловский плацдарм, а против 72-й гвардейской дивизии - такой же плацдарм в районе Масловой пристани, откуда и ожидался танковый удар.

Поэтому наши основные корпусные и армейские противотанковые средства были сосредоточены на этих направлениях. Местность же в полосе обороны 78-й гвардейской, между 81-й и 72-й дивизиями, считалась неудобной для массового применения танков - крутой, обрывистый западный берег Северского Донца местами заболоченные берега, отсутствие готовых переправ, берег и чистое плато восточнее реки - это мелкий сыпучий песок. Но, когда развернулось сражение, стало ясно, что основные усилия оперативной группы "Кампф", ее танковых и пехотных дивизий направлены как раз против 78-й гвардейской дивизии.

В 22 часа 30 минут 4 июля противник произвел мощный артиллерийский обстрел наших позиций. В эту ясную июльскую до предела тревожную ночь никто не спал. Гвардейцы знали, что перед ними сильный и коварный враг. И они готовились встретить его всей мощью оружия. Артиллеристы заняли места у орудий. Начеку были стрелки и саперы, бронебойщики и связисты. Командиры и политработники, парторги и комсорги полков и батальонов обходили окопы и траншеи, еще и еще раз проверяли готовность к бою каждого солдата, добрым, ободряющим словом поддерживали боевой дух и настроение солдат.

А в 3 часа 5 июля снова грянул гром канонады. Это уже был наш упреждающий удар, который длился 30 минут. Сотни орудий, минометов, самоходно-артиллерийских установок и "катюш" обрушили шквал огня на скопление немецких войск, приготовившихся форсировать Северский Донец в районе сел Дальние Пески, Пушкарное, Соломино и Топлинка. Враг понес значительные потери в живой силе, у него была нарушена связь и управление войсками, подавлена часть артиллерийских батарей, подорваны склады боеприпасов и продовольствия.

Взятые позднее в плен в районе деревень Былинка и Тарновая

немецкие офицеры и солдаты показали, что артиллерийский удар был нанесен настолько неожиданно, что командование решило: Красная Армия перешла в наступление. Генералы и офицеры ударились в панику, управление войсками расстроилось.

Противник ответил на наш удар 15-минутным и довольно мощным огневым налетом из минометов, артиллерии и танков, которые били прямой наводкой с меловых гор. Под прикрытием этого огня фашисты пытались навести мосты в Пушкарном и Соломине и форсировать Северский Донец. Но атаки противника были отбиты передовыми батальонами.

В 6 часов утра 5 июля противник обрушил на наши позиции мощный огонь сотен орудий и минометов. Кроме этого, с меловых гор били по нашей обороне прямой наводкой более четырехсот танков и самоходно-артиллерийских установок. Солнце скрылось за дымом и пылью. На переднем крае стало темно, как ночью.

Через 30 минут в небе появились "юнкерсы", "хейнкели", "фокке-вульфы". Они шли группами, сыпали на наши боевые порядки бомбы. Фашисты бросили против нас, видимо, все силы, решив во что бы то ни стало прорвать оборону и выйти на участок шоссе Белгород - Короча, соединиться с войсками группы армий "Центр", наступающими из Орла, замкнуть кольцо, окружить нас.

Но вот немецкая артиллерия перенесла огонь в район вторых эшелонов, авиация отбомбилась и ушла на запад. Комбаты Беловицкий, Мацокин, Осис и Ястребов доложили, что их подразделения отбивают атаки врага, пытающегося навести мосты и форсировать Северский Донец.

Обстановка все более осложнялась. Потерпев первую неудачу с ходу форсировать Северский Донец противник в 11 часов 30 минут вновь попытался взломать оборону дивизии. Десятки бомбардировщиков непрерывно бомбили

наши боевые порядки, поливали свинцом окопы, огневые позиции артиллеристов и минометчиков. Вслед за этим началась артиллерийская подготовка, длившаяся более получаса.

Под таким прикрытием противнику удалось форсировать Северский Донец в стыке 225-го полка с 72-й гвардейской дивизией, навести две переправы и атаковать батальон Беловицкого 70 танками и полком пехоты. Одновременно из района Соломине, в стык между 225-м и 228-м полками, гитлеровцы, переправив до двух пехотных полков и около 60 танков, начали атаковать второй батальон капитана Мацокина.

Воины стояли насмерть. Мощная атака врага опять захлебнулась. Однако мы не сумели отбросить его за реку. Небольшой плацдарм остался в руках противника. На нем он

сконцентрировал более 150 танков и до двух дивизий пехоты. Большинство машин - "тигры", "пантеры", "фердинанды". Первый батальон в Нижнем Ольшанце противник окружил. Второй батальон был отведен на заранее подготовленную позицию за железнодорожную насыпь и продолжал вести упорный бой вместе с третьим батальоном второго эшелона полка, которым командовал капитан П. А. Хапин.

Когда в 225-м полку сложилась тяжелая обстановка, переговорив с генералом А. В. Скворцовым, я выехал туда. Доехав до штаба, оставил машину и, сопровождаемый офицером связи, по траншее пошел на наблюдательный пункт. Гром канонады не утихал. Снаряды рвались неподалеку. Наконец достиг НП командира полка гвардии майора Д. С. Хороленко.

- Главное сейчас, считает комдив, - удержать оборону по железнодорожной насыпи, - сказал я ему. - Она выгодна в тактическом отношении, хорошо укреплена вторым эшелоном полка. На этом же рубеже созданы отсечные позиции.

Майор Хороленко доложил, что на этот рубеж им выдвинуты на прямую наводку пушечные батареи дивизиона 158-го артполка и полковая артиллерия. По пехоте противника ведут огонь минометные роты батальонов и 120-миллиметровая минометная батарея полка. Но этих огневых средств, добавил он, недостаточно, чтобы сдержать натиск противника.

Я позвонил генералу А. В. Скворцову. Он, выслушав меня, передал телефонную трубку командиру корпуса генералу Г. Б. Сафиулину, находившемуся в это время на наблюдательном пункте дивизии. Доложив обстановку, я обратился к нему с просьбой поддержать полк корпусной артиллерийской группой, сосредоточив ее огонь перед боевыми порядками второго и третьего стрелковых батальонов, Попросил также выдвинуть на этот участок корпусные противотанковые средства, сосредоточить огонь 152-миллиметрового дивизиона, огневые позиции которого находились в полосе обороны дивизии в районе Крутого Лога, на поддержку первого батальона. Командир корпуса пообещал выполнить просьбу. Вскоре батальоны полка получили более мощную огневую поддержку, и первому батальону было приказано с наступлением темноты выйти из окружения.

Для лучшей организации обороны, поддержания боевого и морального духа бойцов я направил во второй батальон заместителя командира полка по политчасти гвардии майора А. Б. Аксенова и в третий батальон - инструктора политотдела гвардии майора Л. П. Шрамко. В первом батальоне находился парторг .полка старший лейтенант Д. Ф. Саморчук.

Проводная связь с подразделениями действовала безотказно,

она была проведена по траншеям и ходам сообщения. Я позвонил командирам второго и третьего батальонов, переговорил с ними, а затем с начальником штаба первого стрелкового батальона гвардии старшим лейтенантом М. И. Муравьевым и парторгом полка гвардии старшим лейтенантом Д. Ф. Саморчуком. Муравьев доложил, что комбат Беловицкий во второй стрелковой роте, где идет тяжелый бой. Противник и там атакует батальон со всех сторон танками с десантами на них, ведет массированный артиллерийский огонь и бомбит. Но батальон удерживает свой район обороны. Против вражеских танков успешно действуют артиллеристы, петеэровцы и группы истребителей танков. Подбито и сожжено более 20 машин. Основную массу пехоты противника отрезали от танков огнем станковых пулеметов и минометов. Бойцы и командиры сражаются смело, мужественно, героически.

- Хорошо, - ответил я. - Передайте всем бойцам и командирам: ваши боевые действия высоко оценены командиром дивизии и корпуса. Ваша задача, истребляя живую силу и технику врага, продержаться до вечера. Вас поддержит артиллерия дивизии и корпуса, а стопятидесятидвухмиллиметровый дивизион будет вести огонь непосредственно по вашим целеуказаниям. Их офицер-разведчик вызван на наблюдательный пункт командира полка для связи с вами. С наступлением темного времени вам приказано выйти из окружения в расположение обороны полка. Ваш выход через боевые порядки врага будет поддержан артиллерийским огнем и контратакой третьего батальона. Время атаки вам сообщит дополнительно командир полка.

Убедившись, что управление полком и подразделениями не нарушено, что личный состав сражается смело, мужественно, что враг на этом участке обороны дальше не пройдет, я вернулся на наблюдательный пункт, доложил генералу Скворцову о сложившейся обстановке на участке обороны полка и принимаемых мерах по ее укреплению и сразу же выехал в 228-й гвардейский полк И. А. Хитцова.

Мы поехали мимо огневых позиций 76-миллиметровой батареи 228-го гвардейского полка. Она хорошо замаскирована. Ее задача огнем перекрывать долину реки Разумной - главное направление атак вражеских танков. Бой пока батарея не ведет, выжидает подхода фашистских танков, которые атакуют наши передовые подразделения, занимающие оборону в полутора километрах от батареи. Я остановил машину. Командир батареи старший лейтенант Д. А. Гришин доложил, что все расчеты в полной боевой готовности находятся у орудий. Настроение у всех

бодрое, батарейцы уверены, что фашистские танки не пройдут.

Я кратко сообщил ему общую обстановку, сложившуюся в ходе боя, и попросил передать бойцам, что солдаты и командиры всех подразделений дивизии дерутся мужественно, героически, смело и умело уничтожают живую силу фашистов и их технику и что командование надеется на батарейцев 228-го полка.

Миновав долину, мы выехали к окраине села Разумное, где находился штаб 228-го гвардейского полка. Затем по траншее добрались до НП командира полка И. А. Хитцова. С его наблюдательного пункта хорошо просматривалась оборона дивизии. И мы увидели на захваченном у нас противником плацдарме огромную лавину танков, самоходно-артиллерийских установок и бронетранспортеров, выстроившихся в боевой порядок, готовых ринуться на штурм наших оборонительных позиций.

Обменявшись мнениями с командиром полка, решили, что огневых средств для борьбы с таким количеством танков в полку недостаточно. Я позвонил командиру дивизии и доложил ему об обстановке на участке полка, принятых мерах и просил помочь противотанковой артиллерией.

Вскоре я возвратился на наблюдательный пункт дивизии. К этому времени туда прибыл командир полка реактивной артиллерии. Мы попросили его дать залп по скоплению вражеской боевой техники. Он согласился, но потребовал добиться на это разрешения командующего армией генерала Шумилова. Позвонили М. С. Шумилову. Он разрешил. Считанные минуты - и две серии реактивных снарядов, один за другим, накрыли немецкие танки, САУ и бронетранспортеры.

Грохот разрывов, сплошное море огня. Горели танки, рвались в них снаряды я патроны, вместе с танками горели и их экипажи. Наши передовые батальоны сразу же перешли в контратаку и оттеснили пехоту противника. Так была сорвана очередная атака противника.

Но, имея огромное превосходство в танках и авиации в полосе дивизии, противник в 17 часов предпринял новый штурм. После мощной артподготовки и бомбежки он одновременно бросил в бой против 225-го гвардейского полка 150 танков и пехотную дивизию и против 228-го гвардейского полка и соседнего батальона справа 81-й гвардейской дивизии до 200 бронеединиц и пехотную дивизию.

По всему фронту обороны вновь завязались бои. На отдельных ее участках прорвались фашистские танки. К исходу дня враг потеснил нас и овладел железнодорожной насыпью, занял Дальние Пески, Дорогобужино, Нижний Ольшанец и

Разумное, вклинился в боевые порядки на 3-4 километра. Но прорвать оборону дивизии на всю глубину он не смог. Не смог выйти и на Корочинское шоссе, куда так рвался.

Героически сражались воины-гвардейцы, на долю которых выпала нелегкая задача отразить удары противника на главном направлении прорыва, измотать его, обескровить и перебить его боевую технику. Так, первый батальон капитана А. Т. Беловицкого, находясь в течение десяти часов в окружении, все это время мужественно отражал натиск врага, наступающего со всех сторон. Воины уничтожили до батальона гитлеровцев, сожгли и подбили 20 танков противника; С наступлением темноты батальон в полном составе пробился через вражеское кольцо и вышел в расположение полка.

Командир взвода этого батальона гвардии лейтенант А. Д. Пастухов, заменив вышедшего из строя командира, взял командование шестой стрелковой ротой на себя. В течение дня подразделение вело бой с батальоном вражеской пехоты и танками. Гвардии лейтенант четыре раза поднимал роту в контратаку. Воины отбросили пехоту гитлеровцев за Северский Донец. Пастухов лично уничтожил 18 немецких солдат. Даже получив два ранения, он оставался в строю, но от третьей раны скончался на поле боя.

Батальон капитана Мацокина атаковал полк гитлеровцев при поддержке 70 танков. Гвардейцы встретили врага губительным огнем. Его атака захлебнулась на время, но потом он снова ринулся вперед, хотя и нес потери в живой силе и технике. Мужество и героизм в этих боях проявил замполит батальона старший лейтенант М. И. Трегубов. Он находился в пулеметной роте. При отражении одной из атак был ранен ротный. Трегубов принял командование на себя. А когда до предела осложнилась обстановка и погиб расчет одного из станковых пулеметов, он лег за пулемет и, перекатывая его с места на место, меткими очередями косил врага.

После очередной артподготовки и бомбежки фашисты бросили на гвардейцев свежий батальон пехоты с тридцатью танками. Старший лейтенант врага встретил пулеметным огнем. Когда же у него кончились патроны, он поднялся во весь рост и с возгласом "Вперед, на врага!" бросился навстречу атакующим гитлеровцам, увлекая за собой роту. Атака вражеского пехотного батальона захлебнулась. Но пуля успела сразить отважного коммуниста.

Три станковых пулемета из взвода гвардии лейтенанта В. Морозова, расчетами которых командовали сталинградцы Иван Громов, Сергей Замятин и Василий Сидоров, находились на стыке

двух стрелковых рот 225-го гвардейского полка в районе села Нижний Ольшанец, недалеко от береговой кромки Северского Донца. Им была поставлена задача не допустить переправы через реку и прорыва противника. Пулеметы воины хорошо замаскировали, подготовили по три запасных огневых позиции на каждый из них, отрыли окопы, траншеи и блиндажи для расчетов. Все огневые точки были связаны между собой ходами сообщения. У каждой огневой позиции оборудовали ниши для хранения боеприпасов - патронов, снаряженных лент и гранат.

Огненный смерч забушевал внезапно. Артиллерия противника накрыла первую прибрежную полосу обороны. Под ее прикрытием противник попытался навести мост через Северский Донец, используя заранее подготовленные понтоны. Морозов приказал Замятину открыть огонь. Тот дал короткие прицельные очереди. Несколько фашистов упали, остальные разбежались.

Но враг облюбовал именно это место для переправы. Не прошло и тридцати минут, как противник вновь попытался навести переправу. К берегу подошли три танка, и под прикрытием их огня фашисты взялись за дело. И снова пулеметчики заставили их убраться восвояси.

Еще трижды противник делал такие попытки, но, неся значительные потери, отступал. Затем фашисты ударили по пулеметным точкам. Все блиндажи, окопы и ходы сообщения были разрушены, расчеты пулеметов Замятина и Громова уничтожены. В живых остался лишь расчет Сидорова. Он отошел в расположение своей стрелковой роты и продолжал вести бой. В это время более двух десятков танков с автоматчиками на них, переправившись через Северский Донец, пошли по переднему краю обороны, огнем уничтожая все, что попадалось на пути. Видя это, командир расчета Сидоров приказал второму номеру открыть огонь по десантникам, а сам взял противотанковые гранаты, отполз в сторону, залег в воронку и стал ждать подхода бронированных машин. И когда танки подошли почти вплотную, он бросил гранаты под гусеницы одного из них. Машина круто развернулась, и тут же последовал взрыв. Был уничтожен и танк, и его экипаж. Но погиб и комсомолец Василий Сидоров.

Тяжелые бои шли и на участке обороны 228-го гвардейского стрелкового полка, его передовых батальонов под командованием капитанов В. Т. Осиса и П. Т. Ястребова. Пехота противника при поддержке двадцати "тигров" и восьми "фердинандов" несколько раз атаковала позиции батальонов. Силы были явно неравными. Фашисты прорвали передний край обороны. Один из танков шел прямо к пулеметному расчету А. С. Севастьянова. С гранатами в руках боец пошел навстречу машине и бросился под ее гусеницы.

Грохнул взрыв. За совершенный подвиг А. С. Севастьянов был посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Продолжая вести ожесточенный бой, героически сражаясь с врагом, погибли командиры - седьмой стрелковой роты старший лейтенант М. П. Погребняк, первого стрелкового взвода лейтенант Д. П. Брыкин, минометного взвода младший лейтенант А. М. Абдульманов.

Ожесточенный рукопашный бой вели и воины восьмой стрелковой роты. Смело и мужественно сражаясь, увлекая бойцов в рукопашную схватку с фашистами, истребляя их, погибли смертью героев командир 1-го стрелкового взвода младший лейтенант Н. Е. Погудин, командир 2-го взвода противотанковых ружей лейтенант П. П. Абанини и командир роты старший лейтенант Б. Н. Калмыков.

В тот же день в батальоне капитана П. Г. Ястребова совершил героический подвиг сержант Зиямат Хусанов. Израсходовав все патроны, он отбивался от врагов гранатами.

Но кончились и гранаты. С последней он бросился на фашистов, пытавшихся взять его живым, взорвал себя и врагов. Посмертно Зиямату Хусанову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Я хорошо знал Зиямата и горько переживал эту утрату. Но вот 25 лет спустя прочитал в газете "Известия" от 2 июня 1968 года статью Г. Гукалова и Эд. Поляновского. Это - волнующий рассказ о моем однополчанине. Вот что писали авторы:

"...Недавно нам довелось встретиться с человеком редкой судьбы. И узнали мы вот эту историю.

Ранним утром пулеметчик 228-го гвардейского стрелкового полка Зиямат Хусанов вступил в партию. Это было в 1943 году. Летом. На Орловско-Курской дуге.

Хусанов встал и сказал товарищам:

- Коммунистом буду биться с врагом. Если придется погибнуть, отдам жизнь за Родину. - Потом помолчал и добавил: - Там, где мой пулемет, враг не пройдет.

Так он сказал. А через несколько минут начался бой. Сначала была артиллерийская подготовка. Потом самолеты с черными крестами усыпали землю бомбами. А когда все смешалось, поддерживаемые танками и артиллерией, в полный рост двинулись вперед немецкие автоматчики.

Зиямат Хусанов вместе с двумя помощниками занял позицию на высоте. Он подпустил фашистов совсем близко и почти в упор, отчаянно и зло начал стрелять. ...Упал замертво один из товарищей Зиямата. Потом погиб второй. Хусанов остался один.

До позднего вечера коммунист Зиямат Хусанов героически

дрался, не отступил ни на шаг. Десятки вражеских трупов усеяли склоны высоты. Немцы пытались зайти с флангов. Безуспешно. К вечеру, когда патроны кончились, солдат отбивался гранатами.

Потом весь стрелковый полк видел, как на высоте в темном вечернем небе поднялась вдруг во весь рост фигура Хусанова с двумя гранатами в руках, все поняли, что это были последние. Солдат шагнул вперед, навстречу немецким автоматчикам. Первую гранату он метнул сразу. А когда фашисты кинулись на него, в высоко поднятой руке взорвалась вторая граната.

...В наградном листе записали: сержант Хусанов Зиямат Усманович погиб 5 июля 1943 года.

Замполит отправил письмо на родину Зиямата:

"Дорогие родители! Мы вместе с вами скорбим о смерти вашего сына, Зиямата Хусанова, но и гордимся таким героем нашей Родины, как ваш сын и наш боевой товарищ, который пал смертью храбрых в борьбе с немецкими захватчиками. Мы будем крепко мстить фашистским зверям..."

Горе поселилось в доме Хусановых на тихой улице Ташкента. Двух сыновей проводили на войну Мухтара и Усман Хусановы и вот получили с фронта две похоронные. Чуть не в одно время, чуть не день в день погибли сыновья.

...Каждую весну словно обновляется далекое южноказахстанское село. Древний Сайрам, близ Чимкента, становится молодым - земля покрывается зеленым ковром, пышным цветом одеваются вишневые и персиковые сады.

Школа имени Калинина - почти в центре поселка. Десятки тропинок сбегаются сюда со всех сторон. По одной из них каждое утро шагает в школу учитель. Невысокого роста, средних лет. Встречные - и взрослые и дети, низко кланяются ему.

- Здравствуйте, мугаллим!

И он снимает в поклоне кепку.

В Сайраме нет уважительнее и почетнее звания, чем "мугаллим" - учитель. Жизнь этого человека на виду у односельчан. И школьники его любят, и взрослые уважают. Ценят в сельском учителе главное его качество - очень он отзывчив к человеческой беде. Одна только странность у него - молчалив и замкнут. Никуда не ходит, дружбы ни с кем не водит, бывает лишь в школе и дома. Несмотря на то что тяжело болен, почти всегда спокоен.

Но однажды школьники увидели его взволнованным. Случилось это в один из майских дней накануне Дня. Победы. Ребята пригласили в школу участников Великой Отечественной войны. Настроение у всех было приподнятое. Старые солдаты, поблескивая боевыми наградами, поднимались на трибуну,

рассказывали о ратных делах, добрыми словами поминали погибших героев.

- А вы, - обратились ребята к своему учителю, - говорят, воевали. Может, расскажете нам о себе и своих товарищах?

Дрогнули, напряглись скулы, будто сдержал он тяжелую боль. Потом сказал медленно:

- Да, воевал.

И разом сникнув, тяжело направился к выходу.

Дома он закрылся в своей комнате, попросил жену и сыновей не мешать ему, достал чернила, ручку и на чистом листе бумаги вывел: "В Президиум Верховного Совета СССР..."

До поздней ночи сидел учитель за столом. Писал о том, как, не жалея себя, сражался с фашистами. О том, что ни разу не изменил он присяге бойца. Но случилось так, что попал к фашистам в плен. А после войны его оклеветали предатели. Оклеветали, сделав его "своим". И он вышел из этой колонии с тяжким грузом на сердце. А потом уехал в Сайрам.

"Почему не жаловался раньше? Считал - бесполезно. Да и сил не было - ни физических, ни душевных. Смирился... И все-таки не могу. Я не изменник Родины..." - так писал почти всю ночь сельский учитель. А закончив письмо, подписался полным солдатским званием: "Бывший пулеметчик 228-го гвардейского стрелкового полка гвардии сержант Зиямат Хусанов".

Да, случилось чудо. Пулеметчик Зиямат Хусанов остался жив. Тяжело раненного, искалеченного, его после того самого боя на Курской дуге взяли в плен. Он остался жив. Но то, что случилось два года спустя, было страшнее смерти. Его оклеветали, и он остался один на один со своим горем. Остался вне партии, без всякой поддержки, хотя ныли и кровоточили тяжелые военные раны.

Письмо сельского учителя Зиямата Хусанова легло на стол сотрудника КГБ капитана Николая Михайловича Чибисова. Работникам органов госбезопасности приходится сталкиваться с разными жизненными хитросплетениями. Чаще всего мы слышим и знаем лишь о том, как им приходится иметь дело с изнанкой жизни ловить, изобличать наказывать врагов, их пособников. Но мало, к сожалению, знаем мы о том, как органы госбезопасности ставят на путь истинный поскользнувшихся, о той громадной воспитательной работе, которую ведут чекисты. И еще меньше о том, как возвращают они людям доброе имя. А этим им приходится заниматься тоже. Вот и на этот раз они взялись вернуть солдату честь.

Это оказалось делом сложным. Из обрывков событий, далеких и разобщенных фактов, иногда, казалось бы, мелких и

незначительных, надо было составить единую, цельную картину человеческой жизни. Само время, суровое и тревожное, не очень разборчивое, раскидавшее людей по всему свету, перемешавшее все и вся, необычайно затрудняло поиски. Нужно было опросить сотни людей, отыскать свидетельства тех, кого уже нет в живых. Нужно было связаться с друзьями из зарубежных стран. Взялись за все это работники Комитета государственной безопасности капитан Н. М. Чибисов и лейтенант А. В. Беляков.

Из грязи предательства была поднята человеческая судьба. Очищенная от лжи и наветов, она поразила. Самое первое, что установили работники КГБ: боевые друзья Зиямата Хусанова "похоронили" его Героем Советского Союза. Этого высокого звания он был посмертно удостоен за свой подвиг в том бою на Курской дуге. Грамота Президиума Верховного Совета СССР была отправлена родителям героя. Но она никого не застала, родители Зиямата переехали. Грамота вернулась обратно...

Зиямат в это время был в плену. Эти несколько месяцев, которые он провел в концлагере, были для него мукой не только и не столько физической, сколько моральной. Нет, солдат твердо знал, что ни одной секунды он не был и не будет предателем. Он мучился оттого, что в трудное для Родины время вынужден бездействовать.

На всю жизнь запомнит Хусанов ад фашистского застенка. И никогда не забудет, как сумел вырваться из него. Это был дерзкий побег. Вместе с ним бежало 27 советских военнопленных. Все, что было дальше, - удивительно. Судьбе, такой яркой, такой драматичной, суждено было повториться: снова храбро сражался Хусанов, снова совершил подвиг, снова его "похоронили", снова уцелел он только чудом...

27 советских военнопленных, бежавших из лагеря, влились в отряд болгарских партизан, воевавших в Черногории. Сражались отчаянно.

Однажды фашисты устроили засаду. Завязался ожесточенный бой. Партизаны стали отходить к горам, когда внезапно со скалы ударил вражеский пулемет. Путь к спасению был отрезан, положение казалось безвыходным. И тогда по-пластунски пополз вперед Зиямат Хусанов, от камня к камню, от куста к расщелине. Из-за грохота боя никто не расслышал взрыва, но пулемет смолк. Потом заговорил снова. Только теперь уже Хусанов повернул его в сторону фашистов. Потом просвистела мина, и партизаны увидели, как над скалой, где лежал пулеметчик, вспыхнуло облако огня.

Товарищи посчитали солдата погибшим. Спустя несколько лет в Софийском музее революционной славы появился портрет

советского героя-партизана Зиямата Хусанова в черной траурней рамке. Но Хусанов остался жив. После боя его подобрала женщина-черногорка. С помощью местных жителей переправила в Италию, в один из партизанских госпиталей. Зиямата поместили туда уже почти в безнадежном состоянии, умиравшего. Около года он пролежал в госпитале, находясь между жизнью и смертью. Год в кровати! Врачи оперировали его четыре раза...

Когда жизнь взяла свое, первым же пароходом Зиямат прибыл в Одессу...

Зиямат хорошо знал, что защищал. Родной дом. Далекий аул, счастье своей земли. Он дрался за свои убеждения и поэтому выстоял, пережив и войну, и клевету. Подвиг его не смогли стереть ни время, ни наветы.

Ничто не забыто. Это значит, подвиг, совершенный много лет назад, не мог остаться в забвении. На судьбу Зиямата откликнулись все, кто знал его. В судьбе его приняли участие сотни людей. Вместе с товарищами из Комитета государственной безопасности много потрудились, выясняя истину, работники Президиума Верховного Совета СССР, Президиумов Верховных Советов Казахстана и Узбекистана.

Сейчас грудь сельского учителя Зиямата Хусанова украшает Золотая Звезда Героя Советского Союза, Народного Героя Болгарии. Он и сейчас работает в своем родном селе учителем, передает детям знания, дарит любовь и пламень своего сердца подрастающему поколению".

Трудно передать чувства, которые испытывал я, познакомившись с тем, о чем рассказали журналисты. Перед моим мысленным взором, словно наяву, с мельчайшими подробностями прошли те трагические дни.

С каждой минутой бой принимал все более ожесточенный характер. На командный пункт 228-го полка поступали тревожные донесения: фашисты наступают значительно превосходящими силами и вклинились в оборону полка.

Стрелковые роты продолжали контратаковать врага, навязывать ему рукопашные бои. Ощутимые удары наносили 82-миллиметровые минометы взводов гвардии лейтенантов Д. Т. Червоткина и И. С. Пилипенко. Когда потребовала обстановка, оба командира со связками гранат бросились на фашистские танки и в последнем смертельном для них бою уничтожили вражеские бронированные машины.

Жаркая рукопашная схватка завязалась у штаба первого батальона. Писарь Н. К. Рыбалкин меткими автоматными очередями уничтожил свыше десяти гитлеровцев, а когда кончились патроны, четырех фашистов заколол кинжалом. Но в

этом бою героически погиб и сам Николай. Отважный красноармеец посмертно награжден орденом Красного Знамени.

В полукилометре от командного пункта шел танковый бой. В направлении штаба полка двигались вражеские автоматчики и более 20 танков. Они начали обходить и окружать штаб полка. Начальник штаба гвардии майор В. С. Солянко приказал охране, взводу саперов, связистам и роте ПТР резерва занять круговую оборону, отбить атаку противника и сам руководил боем. Прижатые огнем к земле, фашистские автоматчики залегли. Танки и бронетранспортеры остановились и охали вести огонь из орудий. Солянко поднялся из окопа, чтобы понаблюдать за ходом боя, и взрывом снаряда был тяжело ранен. Гвардии сержант И. П. Савченко подхватил офицера и стал выбираться из зоны огня. Достигнув воронки, он остановился, сделал офицеру перевязку. Майор запретил сержанту эвакуировать его в медсанбат и продолжал руководить боем. Вечером он потерял сознание. Бойцы под прикрытием подошедших наших танков унесли его в санроту.

Тем временем гвардии сержант Савченко, возвратившись на передовую, вместе со всей охраной штаба полка продолжал отражать очередные атаки гитлеровцев. Неожиданно справа, из-за холма, на полном ходу выскочил бронетранспортер и стал приближаться к нашим окопам. Поднялись и пошли в атаку вражеские автоматчики.

- Усилить огонь! - подал команду Савченко и сам дал длинную очередь из автомата по гитлеровцам.

Фашисты снова залегли. Но бронетранспортер уже приблизился к нашим окопам. Приподнявшись, Савченко бросил в него гранату. Раздался взрыв, бронетранспортер качнуло, он на миг замедлил ход, но продолжал идти вперед. Вторая граната сержанта угодила точно. Машину окутало дымом. Но из бронетранспортера хлестнула пулеметная очередь. И. П. Савченко как подкошенный повалился на дно окопа. Так героически погиб мой боевой друг, с которым мы прошли большой путь дорогами войны.

...Тяжелые бои вели артиллеристы 158-го гвардейского артполка, 81-го истребительно-противотанкового дивизиона, расчеты противотанковых ружей и смельчаки из групп истребителей танков. На них легла основная задача борьбы с вражескими танками, и они с ней справились блестяще. Вот несколько примеров.

Орудия батареи, которой командовал старший лейтенант Петикин, стояли на прямой наводке, но были хорошо замаскированы, и враг не сразу их обнаружил. Когда немецкие

"тигры" появились буквально в нескольких десятках метров от огневых позиций, лейтенант подал команду:

- По танкам, огонь!

Удар был внезапным, ошеломляющим для гитлеровцев. Но танки продолжали идти. Один из них повернул вправо

и пошел на орудие младшего лейтенанта А. К. Каштанова. Этим воспользовался В. Борискин - опытный командир второго орудия, парторг батареи. Он развернул свою пушку и с первого же выстрела повредил гусеницу машины. "Тигр" остановился. Борискин сделал еще два выстрела и заклинил его башню. Огонь из танка прекратился. Другие "тигры" остановились, потом дали задний ход и скрылись в Дыму.

Но не прошло и двадцати минут, как вновь появились 11 "тигров". Началась дуэль батареи с танками. В этом бою Василий Борискин подбил еще два "тигра". Будучи трижды раненным, он не ушел с поля боя, а когда орудие было выведено из строя, продолжал уничтожать фашистских автоматчиков из ручного пулемета. Только после четвертого ранения его отправили в медсанбат. За этот подвиг сержант был награжден орденом Красного Знамени.

На восьмую батарею одновременно шло около 30 вражеских танков. Командир батареи старший лейтенант П. Легезин приказал подпустить их на 500 метров и только тогда, по команде, открывать огонь. Расчеты замерли в ожидании. Напряжение нарастало. Вот уже ясно просматриваются очертания машин.

И вот раздалась команда. С первого же выстрела наводчик А. И. Карнилов подбил головной вражеский танк. Он, словно споткнувшись, остановился. Тут же были подбиты и загорелись еще два танка. Расчеты действовали слаженно, четко, без суеты, каждый знал свое место и обязанности. Только за один день боя 5 июля батарейцы уничтожили 11 вражеских танков, разрушили 3 переправы через Северский Донец подавили огонь 2 артиллерийских и 1 минометной батареи, разбили 2 вражеских наблюдательных пункта, 4 пулемета и машину с горюче-смазочными материалами. Враг не прошел на их участке. Понеся ощутимые потери, он был вынужден приостановить атаку.

Успешно боролась с танками врага и четвертая батарея 158-го гвардейского артполка под командованием гвардии старшего лейтенанта С. Г. Евтухова. Отбив первую танковую атаку фашистов, воины выжидали, когда они пойдут на них вновь. А снаряды противника рвались в селе Разумное. Горели дома. Батарея совсем рядом с селом, на бугорке. В стороне башня элеватора, где находился наблюдательный пункт дивизиона. И

вот из оврага один за другим выползли танки. За ними во весь рост шли фашистские автоматчики.

- Первому бронебойным по ближнему танку, наводить под башню, второму осколочным по автоматчикам, огонь! - приказал командир взвода.

Прозвучали первый, второй и третий выстрелы. Но танк, лишь вздрогнув от попадания снарядов, продолжал двигаться вперед, стреляя с коротких остановок. Огнем второго орудия были отсечены автоматчики. В их рядах началось замешательство. Одни вдруг залегли, другие пытались спрятаться за броню танков. До переднего танка оставалось не более четырехсот метров.

- Ящичный, кумулятивный!

Заряжающий дослал в казенник орудия особый, с конусной головкой, снаряд. Еще выстрел по танку, и он окутался дымом.

Вторая машина круто развернулась и скрылась за бугром. Но правее горящего "тигра" выскочили три средних танка и открыли огонь по батарее. Фашистские автоматчики перебежками стали приближаться к ней. Вскоре еще несколько машин стали обходить батарею справа и слева. В бой вступили все три батареи 2-го дивизиона.

Рано утром к гвардии лейтенанту Т. И. Обозному прибежал связной из штаба дивизиона и сообщил, что офицера срочно вызывает командир на наблюдательный пункт. Тот, теряясь в догадках, зачем он понадобился дивизионному, пошел на НП. Возле одной из пушек остановился, ласково провел ладонью по ее стволу, на котором было несколько красных пятиконечных звездочек - отметок об уничтоженных в боях фашистских танках и самоходках, о чем-то подумал и зашагал дальше.

- Как дела, как настроение личного состава взвода? - спросил командир дивизиона гвардии майор Дудин, когда Обозный доложил о прибытии.

- В полном порядке, настроение боевое.

- Хорошо. Подойдите поближе, гвардии лейтенант, посмотрите внимательно в стереотрубу, - попросил Дудин. - Видите дорогу? Она идет от Северского Донца в село Крутой Лог через ваши огневые позиции. Надеюсь, ее и местность вокруг вы изучили? Так вот здесь танки фашистов попытаются прорваться в глубину нашей обороны. Задача вашего взвода - накрепко закрыть дорогу, не пропустить ни одной вражеской машины.

Возвратившись, лейтенант обошел всю позицию. Она была удобна во всех отношениях.

Фашисты не заставили себя долго ждать. Где-то вдали заревели моторы. И начался бой. Первым же залпом было

подожжено три танка. Остальные остановились, потом попятились назад и скрылись в ложбине. Но Обозный знал, что через несколько минут они снова начнут рваться вперед. Так и случилось. На протяжении всего дня гитлеровцы несколько раз атаковали артиллеристов. На поле боя дымились подбитые танки, вокруг которых лежало более сотни уничтоженных фашистских автоматчиков.

Большие потери понес и взвод Т. И. Обозного. В строю остались несколько бойцов, которые вели огонь из двух пушек и автоматов. И когда фашисты предприняли очередную атаку, к орудию встал и командир взвода. Тяжело раненный, лейтенант мужественно отбивался от наседавших гитлеровцев. Рядом с ним, укрывшись в воронке, короткими очередями бил из автомата Н. К. Сусляев.

Обозный не слышал, когда подошло подкрепление, - он потерял сознание. А когда лейтенант очнулся, сразу же спросил:

- Удержали дорогу? Танки не прошли?

- Не прошли, - ответил Сусляев.

Гвардии лейтенант Обозный за этот бой удостоен ордена Красной Звезды. Награждены были и все бойцы его взвода.

За первый день боя противник вклинился в оборону дивизии на 3-4 километра, но не прорвал ее. Настала ночь, тревожная и беспокойная. Об отдыхе никто не думал. Приводили подразделения в порядок, укрепляли оборону, старались накормить бойцов горячей пищей, пополняли боеприпасы.

6 июля бои развернулись с новой силой. Перед нами противник сосредоточил две танковые и две пехотные дивизии. После двухчасовой артподготовки и мощных бомбовых ударов он бросил на штурм наших позиций более 200 танков. Основная тяжесть боев в этот день легла на 223-й и 225-й гвардейские полки. 228-й гвардейский полк по приказу командира корпуса генерала Г. Б. Сафиулина временно перешел в подчинение командиру 81-й гвардейской дивизии и отбивал танковые атаки противника на другом рубеже.

Начав наступление в 5 часов утра, противник к полудню протаранил оборону уже ослабленного боями 225-го гвардейского полка и овладел высотой 176,6 и южными скатами высоты 191,2. Все его подразделения оказались окруженными.

Я находился в штабе дивизии, когда командир 225-го полка майор Д. С. Хороленко доложил генералу Скворцову, что танки фашистов остановлены огнем 158-го артиллерийского полка, корпусных и армейских противотанковых сил, а пехота отрезана от них. Майор просил помочь ему отбросить противника, чтобы выйти из окружения. А. В. Скворцов был явно расстроен.

- Хороленко, конечно, трудно, и ему надо бы помочь, но чем? Все полки ведут бои на своих участках обороны, - сказал он, обращаясь ко мне. - Надо держаться. Село Крутой Лог оставлять нельзя ни в коем случае...

И тут же комдив отдал приказ командиру полка занять круговую оборону и до особого распоряжения Крутой Лог не оставлять.

- Быть может, поддержать полк огнем артиллерийской группы дивизии и корпусных противотанковых средств? - высказал я свое предположение. Скворцов задумался.

- Пожалуй, так и поступим, - согласился он. - Доложим об этом командиру корпуса.

Генерал Сафиулин, выслушав доклад, долго молчал, затем приказал:

- Передайте Хороленко, чтобы при поддержке артиллерии он оставил Крутой Лог и выходил из окружения. Иначе погибнет весь полк. Фашисты бросают против него все новые силы.

Ночью полк майора Д. С. Хороленко вышел из окружения, и воины заняли новый рубеж обороны. Подразделения встречали офицеры штаба и политотдела дивизии. Они помогали командирам обеспечить бойцов боеприпасами, горячей пищей, восстановить средства связи, поднять боевой дух и настроение личного состава. Полк понес немалые потери, но оставался боеспособным.

Особенно сильно пострадал второй стрелковый батальон, прикрывавший отход части и последним вышедший из окружения. Погиб и его командир гвардии капитан И. А. Мацокин.

Не стало также мужественного пулеметчика Е. А. Молчанова. Он и его расчет попали в сложную ситуацию. Отражая атаку танков и пехоты, бойцы героически дрались несколько часов. И вот Молчанов остался один у пулемета все его боевые друзья погибли. А вражеские танки и пехота уже рядом. Одна из машин, вырвавшись вперед, раздавила гусеницами пулемет. Молчанов бросился к нише, где хранились гранаты, взял несколько связок и одну за другой бросил их под гусеницы вражеских танков. Осталась одна связка, чтобы поразить "тигра" наверняка, и боец бросился с ней под машину...

Подвиг 19-летнего комсомольца Евгения Молчанова высоко оценен Родиной ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В селе Крутой Лог воину установлен памятник.

...В эти трудные, полные напряжения дни нам, политотдельцам дивизии, редко удавалось собраться вместе, чтобы проанализировать сделанное, обсудить планы на будущее, -

все находились в частях, принимали непосредственное участие в боевых действиях, на местах помогали организовывать партийно-политическую работу. Так что обмениваться мнениями, информировать друг друга приходилось в окопах и блиндажах, под огнем противника.

Утром 7 июля почти все работники политотдела собрались на наблюдательном пункте командира дивизии. Мы со Шрамко только что закончили работу в 223-м полку, Кипятков и Зырянов в 225-м, а заместитель начальника политотдела Захарченко в 228-м. Все оживленно обменивались мнениями, рассказывали о различных обыкновенных и необыкновенных историях, всевозможных эпизодах. Несколько позже, анализируя доклады, я пришел к выводу, что работать всем пришлось много и напряженно. Представители политотдела изучили состояние дел в стрелковых ротах, батальонах, провели беседы с вновь назначенными парторгами и комсоргами, проинструктировали их, позаботились о том, чтобы бойцы были обеспечены горячей пищей. Особо важное значение было придано информации личного состава о делах в соседних подразделениях, в полках, в дивизии в целом. Используя любую возможность, политотдельцы рассказывали бойцам о героизме их однополчан, о подвигах, совершенных в дни ожесточенных боев.

Подвиг! Он совершался не только теми, кто отбивал танковые атаки, не на жизнь, а на смерть дрался в траншеях и окопах, уничтожая фашистских автоматчиков, кто уходил в тыл врага и, рискуя жизнью, приводил "языка". Он совершался всеми, кто хоть в какой-то мере был причастен к боевым действиям дивизии, кто честно и добросовестно выполнял свой долг на порученном ему участке. Нельзя, например, не сказать доброго слова о бойцах и командирах саперного батальона, которым командовал грамотный, энергичный и боевой офицер старший лейтенант Б. К. Гильдунин. На саперов легла основная тяжесть строительства оборонительных сооружений. Это они под огнем противника оборудовали проволочные заграждения, установили тысячи противотанковых и противопехотных мин, на которых в первый же день боя подорвались 18 вражеских танков и сотни фашистов. А потом и саперы вместе с бойцами стрелковых подразделений истребляли немецкие танки гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Смелость, мужество и отвагу проявили связисты. Под ураганным огнем противника, в кромешной мгле, в пыли и едком дыму они обеспечивали связь с передовыми подразделениями.

Под непрерывным воздействием авиации и артиллерии противника огромную работу проделали тылы полков и дивизии

под руководством заместителя командира дивизии по тылу майора С. И. Гаркуши. Авторота обеспечила своевременный подвоз частям боеприпасов, продовольствия и эвакуацию раненых. Дружный коллектив полевой хлебопекарни, где в основном трудились женщины, кормил солдат добротным хлебом. Много и добросовестно трудился начальник артснабжения майор С. И. Вавилов, своевременно обеспечивая части боеприпасами и вооружением. Повара доставляли горячую пищу бойцам и командирам в окопы и траншеи, им тоже не раз приходилось брать в руки винтовку и вместе с воинами подразделения отбивать вражеские атаки.

Все восемь суток непрерывных боев напряженно трудился медперсонал. Большую работу по приему, обработке и эвакуации раненых провели начальник медслужбы дивизии капитан медицинской службы О. Л. Либерман и командир медсанбата капитан медицинской службы Н. Г. Жваненко. Не отходили от операционного стола Н. С. Гаврилов, И. Т. Трипилец и С. А. Ханина. Вместе с ними трудились фельдшера и хирургические медсестры Э. К. Мирошник, Л. Г. Поветина, Л. З. Тимофеева и другие. Многое сделали врачи Н. А. Петров, Р. С. Донская по первичной обработке раненых, их эвакуации в армейские госпитали. Это были неутомимые труженики, отдававшие все свои знания и опыт спасению жизни солдат и командиров.

Вместе с бойцами шла дорогами войны и Нина Лихошва, она доставляла солдатам и офицерам в окопы письма, посылки.

Однажды она раздавала очередную почту. В это время недалеко разорвался снаряд. Нина была засыпана землей и контужена. Ее откопали и укрыли в окопе. Когда девушка пришла в себя, она почувствовала страшную боль в спине и обнаружила, что ее ноги неподвижны. Серьезная контузия. Но, немного подлечившись, Нина снова приступила к работе.

22 июля вместе с войсками армии 78-я гвардейская дивизия перешла в решительное контрнаступление. Разгромив противника на своем участке, в 22 часа 23 июля 4943 года она первой полностью восстановила свое прежнее положение - заняла село Крутой Лог и вышла на Северский Донец. Противник с огромными для него потерями был отброшен за Северский Донец, в то положение, из которого он начал наступление. Только в Крутом Логе немцы оставили исправными 8 танков и 12 пушек.

27 июля передовые отряды полков захватили небольшие плацдармы на западном берегу Северского Донца, а 31 июля дивизия форсировала реку и после ожесточённого боя заняла важный населенный пункт Топлинку.

Несколько позже, выполняя приказ командира корпуса,

дивизия повернула на юго-запад, вышла на шоссе Харьков - Белгород, закрепилась на нем и отрезала фашистам пути переброски своих войск из Харькова в Белгород, а затем и отхода из Белгорода на Харьков.

5 августа нашими войсками был штурмом взят Белгород. В честь победы на Курской дуге 5 августа двенадцатью залпами из 124 орудий в Москве был произведен салют. Это был первый салют в истории Великой Отечественной войны. Он извещал о славной победе наших войск под Курском. В нее внесли весомый вклад и воины 78-й гвардейской дивизии.

Глава пятая

От Харькова до Днепра

От Белгорода до Харькова два часа езды поездом. Мы же прошли этот путь за 16 дней. Прошли с тяжелыми боями. Фашистское командование придавало серьезное значение обороне Харькова, сосредоточив здесь 300 тысяч солдат и офицеров, три с половиной тысячи орудий, множество танков и боевых самолетов. Все населенные пункты и высоты между Белгородом и Харьковом были превращены в мощные укрепленные районы.

78-я гвардейская стрелковая дивизия 20 августа, взломав оборону немцев, вплотную подошла к последнему населенному пункту перед Харьковским тракторным заводом - поселку Зайкинский. Учитывая, что он находится на одном из главных направлений обороны ХТЗ и всего Харькова, фашисты установили здесь сплошное заграждение из колючей проволоки в три ряда, противотанковые рогатки, оборудовали доты.

Нам было известно, что в Зайкинском находится большой гарнизон, имеющий двадцать танков и самоходных артиллерийских установок, что подступы к поселку заминированы. Здесь именно и проходил второй основной рубеж обороны Харькова. А сам город гитлеровцы превратили в крепость: во всех домах были оборудованы огневые точки, улицы и площади перекрывались пулеметным, артиллерийским и танковым огнем.

Гитлеровцы намеревались остановить наши войска на подступах к городу, заставить нас перейти к обороне, выиграть время в позиционных боях, чтобы успеть подтянуть резервы и затем перейти в наступление. Но этим планам не суждено было сбыться.

Как-то утром меня пригласил к себе командир дивизии. Я зашел к нему, когда он беседовал с начальником штаба. Оба они показались мне усталыми, лица у них были побледневшие, осунувшиеся, глаза воспалены. Собственно, и неудивительно.

Длительный марш и ежедневные бои давали о себе знать. Сказывалось и волнение, которое охватило нас перед боями за Харьков. К ним мы готовились со всей обстоятельностью, стараясь предусмотреть каждую мелочь, каждую особенность.

Закончив беседу с полковником Н. А. Поповым и отпустив его, генерал А. В. Скворцов присел рядом со мной, устало улыбнулся.

- Все вроде бы продумано, взвешено, предусмотрено, а на душе все равно неспокойно, - сказал он. - Бои предстоят чрезвычайно трудные. Как люди? Каково настроение в подразделениях?

Я рассказал о своих наблюдениях, доложил, что все работники политотдела находятся в частях и вместе с заместителями командиров разъясняют воинам сложность предстоящих задач. Генерал молча слушал, иногда одобрительно кивал.

- Важно побывать в каждом батальоне, в каждой роте, дойти до каждой штурмовой группы, до каждого бойца, - говорил он, подчеркивая интонацией слово "каждый", когда я закончил доклад. - Важно, чтобы все осознали сердцем: победа легко не дастся, что враг теперь, когда мы начали гнать его с нашей земли, будет драться еще ожесточенней. Надо разъяснять бойцам и командирам, что нас ждут тысячи советских людей, томящихся в неволе, что дорог каждый час...

- Планируем провести короткие митинги, партийные и комсомольские собрания, организовать выпуск боевых листков. Пусть люди выскажут свои сокровенные мысли, призовут товарищей драться, не жалея сил.

- Я тоже побываю на партийном собрании в одном из полков. Послушаю, что говорят коммунисты да и сам скажу пару слов, - ответил генерал. - Как думаете, где лучше побывать?

Я посоветовал комдиву съездить в полк майора Д. С. Хороленко.

- Что ж, к Хороленко, так к Хороленко. Заодно и с ним поговорю, согласился генерал.

На другой день Скворцов зашел в политотдел. В хорошем настроении, оживленный, весело сказал:

- С такими ребятами будем бить немца до самого Берлина. Послушали бы, с какой уверенностью, с какой готовностью драться до победы выступали коммунисты! А капитан Осис... Не думал, что в нем такие ораторские способности. Говорил с таким жаром, что меня просто проняло. Мы, говорил он, обязаны перехитрить врага, с наименьшими жертвами ворваться в его оборону там, где он не ожидает. В общем, коммунисты настроены

по-боевому. Важно передать этот настрой всем воинам. Тем более что полк находится на главном направлении и от его успеха во многом зависит успех действий всей дивизии. А как в других полках?

Я доложил, что митинги и собрания прошли по-боевому, люди высказали много вдохновляющих, патриотических слов. Сообщил также, что некоторые выступления будут опубликованы в дивизионной газете.

- Вот это правильно, - согласился комдив. - Пусть дойдет до каждого бойца.

На рассвете 21 августа начался штурм поселка Зайкинский. Артиллерия, танки, САУ, минометы и дивизион "катюш" открыли ураганный огонь. Под его прикрытием штурмовые группы пересекли низменность, залитую водой, и преодолели проволочное заграждение.

Артиллерия сразу же перенесла огонь в глубь немецкой обороны. Первые отряды штурмовых групп ворвались в фашистские траншеи и завязали рукопашный бой.

В это время три вражеских "пантеры" выскочили из-за дома, открыли огонь, пытаясь остановить продвижение наших воинов. Кроме того, еще два танка устремились на орудие сержанта П. Егорова, который, будучи в составе штурмовой группы, прямой наводкой подавлял огневые точки противника. Смяв проволочное заграждение, они оказались рядом с орудием. Но командир не растерялся и в упор ударил по "пантерам". Один за другим загорелись два танка. Остальные повернули наезд и скрылись в поселке.

Отвагу и храбрость проявил в боях за поселок Зайкинский командир отделения шестой стрелковой роты 228-го гвардейского полка сержант П. С. Шаров. Он первым ворвался в траншеи противника, увлекая за собой остальных бойцов. В рукопашном бою воин, к сожалению, погиб.

К этому времени батальон, капитана В. Осиса обошел поселок с правого фланга и внезапно ударил по фашистам. Противник не выдержал штурма гвардейцев и отошел, оставив убитых и раненых солдат и офицеров, вкопанные в землю и сгоревшие танки, пулеметы и орудия. 125 фашистов сдались в плен.

В обороне противника была пробита брешь, и 78-я дивизия вплотную подошла к цехам тракторного завода. В течение всего дня 22 августа она вела здесь бои.

Вечером вместе с командиром дивизии мы пригласили на командный пункт командиров полков и их заместителей по политчасти. Генерал А. В. Скворцов тепло поздоровался с прибывшими, пристально всматриваясь в лицо каждому, словно

видел этих людей впервые, хотя с большинством из них был хорошо знаком, знал характер, привычки, способности каждого. Но, как мне показалось, по лицам командиров и политработников генерал хотел определить их настроение. И это ему удалось - он сразу как-то повеселел, стал больше шутить, улыбаться.

Когда все собрались, комдив обратился к собравшимся со словами благодарности за мужество, героизм, который они и их подчиненные проявили в боях, потом сказал:

- Перед нами Харьков. Фашисты поняли, что город им не удержать, и постараются разрушить все, что смогут. Этого допустить нельзя. Командующий фронтом приказал овладеть Харьковом этой ночью - к утру 23 августа. Такая задача поставлена им перед всеми армиями и дивизиями, которые будут сражаться за город. Так что, как говорится, общими усилиями...

Я попросил командиров и политработников собрать коммунистов, разъяснить им обстановку, поставить перед ними задачу, порекомендовал оперативно провести в ротах, батареях партийные и комсомольские собрания, на которых нацелить членов партии и комсомольский актив на обеспечение примерности в бою.

Расходились в приподнятом настроении - понимали, что фашистам теперь уже не оправиться от поражений, что будем все быстрее гнать их с родной земли.

В тот же вечер был собран весь состав политотдела. Я порекомендовал всем офицерам отправиться в штурмовые батальоны, помочь политработникам на местах организовать подготовку людей к тяжелым боям. Через час в политотделе осталось лишь несколько человек - остальные убыли в подразделения.

Ночью под прикрытием противотанковой артиллерии, танков и САУ бойцы пошли на штурм города. Небо над Харьковом в зареве - город горел. С наблюдательного пункта мы увидели, как взлетели вверх тысячи сигнальных ракет. Вспыхнули прожектора. Стало светло, как днем. Лязгая гусеницами, устремились вперед наши танки и самоходки. Заработала реактивная артиллерия.

Штурмовые группы атаковали цеха тракторного завода. Возглавлял первую из них от 225-го гвардейского полка капитан А. С. Беловицкий, вторую капитан М. М. Кравцов. Во главе штурмовых групп 228-го гвардейского шли коммунисты капитан В. Т. Осис и капитан И. Д. Щадрин. Они первыми ворвались в цеха завода и завязали там бой.

На левом фланге 225-го гвардейского полка штурмовая группа проникла в тыл вражеской обороны и в упор расстреливала отступающих фашистов. Затем находившийся в головной штурмовой группе заместитель командира 225-го полка по политической части майор А. А. Аксенов поднял бойцов в атаку. Большая часть фашистов была уничтожена, несколько человек взяты в плен, а остальные поспешно отошли в рабочий поселок.

Красноармеец 225-го полка Александр Галимзянов, на боевом счету которого в Сталинграде уже было около сотни уничтоженных фашистов, проявил исключительную храбрость, находчивость и в этом бою. Перебегая от окна к окну, он забрасывал немцев гранатами и дымовыми шашками. Это помогало штурмовым группам успешно решать поставленные перед ними задачи.

На рассвете 23 августа 1943 года дивизия овладела всеми цехами тракторного завода и рабочим поселком. Ночной штурм увенчался успехом. Сотни фашистов были взяты в плен. Среди них находилось немало головорезов, прошедших специальную подготовку по "технике" уничтожения наших городов и сел. Это им поручалось прикрывать отход своих войск, а затем уничтожать все, что только можно было взорвать, сжечь, разрушить.

Части 78-й гвардейской дивизии, преследуя отходящие гитлеровские части, устремились к железнодорожной станции Основа. После короткого боя 228-й гвардейский полк штурмом овладел ею. К полудню силами других частей и соединений Харьков был полностью освобожден.

В тот же день к f6 часам полки дивизии вышли на рубеж поселков Шихари, Карачёвка, Бабаи.

Когда бои переместились к реке Уда, я приехал в 225-й полк. Майор Д. С. Хороленко и "его" заместитель по политчасти майор А. А. Аксенов еще находились под впечатлением недавно закончившихся боев. Лица у них были потемневшие, говорили они преувеличенно громко, так, как объясняются обычно при артиллерийской канонаде, чтобы можно было друг друга расслышать. И Хороленко, и Аксенова я хорошо знал еще со Сталинграда, мы часто встречались, о многом говорили. Трудно сказать, кто из них мне больше нравился - наверное, одинаково. По характеру они резко отличались друг от друга. Хороленко горяч, вспыльчив, резок в суждениях. Он мог из-за пустяка вспыхнуть, сказать кому-то что-то резкое, даже обидное, но уже через минуту, бывало, отходил, смущался от собственной несдержанности, начинал всячески сглаживать свою вину перед человеком. И тогда становилось смешно смотреть на него - таким неловким, по-детски наивным выглядел он в те минуты. При всем том Хороленко отличался исключительной храбростью, острым умом, грамотностью в организации боя. Командир дивизии при обсуждении плана той или иной операции внимательно выслушивал и высоко ценил его мнение.

Аксенов же, наоборот, был медлителен и в движениях, и в разговоре, и в принятии решений. К товарищам, к подчиненным, независимо от их возраста, он обращался только на "вы", был

предупредителен, внимателен. Любое, даже неожиданное событие воспринимал спокойно, будто давно знал о нем.

Политработника любили. И выражали эту любовь бойцы и командиры по-разному: делились с ним самым сокровенным, обращались за советом, старались сделать для него что-либо приятное.

- Не хотите ли пройтись по поселку? - спросил я у Хороленко и Аксенова. Оба охотно согласились.

Мы шли по изрытой бомбами и снарядами улице мимо разрушенных домов, иногда останавливались возле чудом уцелевших. Казалось бы, за годы войны видели всякое и уже можно было привыкнуть к подобным картинам, но сердце все равно обливалось кровью: сколько горя, сколько утрат!

Не заметили, как к нам подошла группа людей: старики, старухи, девушки. Пока мы разговаривали с ними, подходили все новые и новые группы. Народу собралось много. Состоялся незапланированный митинг, на котором мы от имени воинов дивизии поклялись бить фашистов, пока руки могут держать оружие, отомстить фашистам за горе и беды, которые они принесли на нашу землю.

Вернулись в штаб. Долго беседовали. Хороленко и Аксенов никак не хотели меня отпускать, все уговаривали попить чаю, но я отказался: надо было возвращаться в штаб дивизии, а по пути побывать и в других полках. Не знал я в те минуты, что вижу Аксенова в последний раз. Вечером того же дня при форсировании реки. Уда погиб этот замечательный человек, опытный политработник. Погиб и пропагандист полка лейтенант Андрей Березовский. Их вместе похоронили с воинскими почестями в сквере рабочего городка Харьковского тракторного (ныне там установлен памятник).

В этом бою тяжелое ранение получил и Денис Семенович Хороленко. Перед отправкой его в госпиталь я приехал в медсанбат. Несколько минут сидел возле его койки. Вспомнил путь, пройденный с этим человеком, которого любил искренне и глубоко. Много самых различных боевых эпизодов было связано с его именем. Один из них произошел в боях под Харьковом.

Когда с наблюдательного пункта командира дивизии уже видны были окраины города, разрушенные корпуса тракторного завода, вдруг произошла заминка: батальоны 225-го гвардейского полка, контратакованные при поддержке авиации пехотой и танками противника, залегли, продвижение их остановилось. Тут же последовал телефонный звонок командующего 7-й гвардейской армией генерала М. С. Шумилова командиру дивизии генералу А. В. Скворцову.

- Что там произошло? - строго спросил Шумилов. - Немедленно поднять в атаку полк, разгромить контратакующего противника и ворваться на территорию завода. Через тридцать минут будет дан залп реактивных снарядов по врагу перед боевыми порядками полка. Еще раз напомните бойцам, офицерам и лично майору Хороленко, что они находятся на одном из главных участков наступления и от их успеха зависит выполнение приказа.

Посмотрев на Скворцова, я сел в свою зелененькую эмку, поехал в 225-й полк. Меня встретил начальник штаба полка гвардии майор П. А. Плашков.

- Где майор Хороленко? - опрашиваю у него.

- В боевых порядках батальонов, - ответил майор. - Вон там, в кустарнике. Приказ командующего и командира дивизии я ему передал. Политработники полка и офицеры штаба все в подразделениях, доводят до бойцов и офицеров требования приказа.

Мы въехали в заросли кустарника, скрытые от противника небольшой высоткой, и я пошел на наблюдательный пункт командира полка. Видно все, как на ладони. Местность ровная. До противника не более 300 метров. На ничейной полосе - подбитые немецкие танки. В одном из них устроились наши разведчики и артиллерийский наблюдатель - корректировщик огня.

- А танк-то целехонький, - улыбнулся Хороленко, - и снаряды есть. Но хлопцы не знают, как его завести. А жаль. Можно было бы использовать по назначению.

Водитель моей машины Максим Скоров и адъютант Вадим Дзеульский услышали этот разговор и сразу же попросили разрешения пробраться к танку.

- Я же механик-водитель, - напомнил Скоров. - А Вадим артиллерист.

Получив согласие, они ползком добрались до танка. И вот машина ожила, пошла на боевые порядки фашистов. Те не открывали по ней огонь, приняв за свою. Но когда танк начал давить пехоту, пулеметные точки и бить прямой наводкой по пушкам и танкам, фашисты всполошились, поняли, в чем дело, подбили машину.

В это время прогремел залп "катюш", и бойцы 225-го и правофлангового 228-го полков пошли на штурм вражеских позиций. Завязался бой. Противник непрерывно контратаковал пехотой и танками, вел артиллерийско-минометный огонь. Его самолеты бомбили наши боевые порядки.

Наблюдательный пункт, на котором находились мы с

майором Хороленко, оказался под огнем. Оставаться на нем было опасно. Мы выскочили из щели и, отбежав 15-20 метров влево, залегли. В эту минуту в наш окоп влетел вражеский снаряд. Грохот разрыва - и на том месте, где мы только что находились, появилась огромная воронка.

- Хм... Вот ведь как бывает, - спокойно произнес майор.

В этом бою был тяжело ранен майор Хороленко, погиб мой адъютант севастополец мичман Вадим Дзеульский, контужен водитель машины Максим Скоров...

С тяжелым чувством расстался я с Хороленко. Договорились поддерживать связь. И не теряли ее не только в годы войны, но и после нее. Гвардии полковник Хороленко жил в Симферополе, вел большую военно-патриотическую работу среди молодежи. Мы часто встречались, вспоминали о незабываемых днях Сталинградской битвы, бои на Курской дуге, под Белгородом за Харьков. В 1980 году Дениса Семеновича не стало.

Бои за Карачёвку и Бабаи, на реке Удд продолжались трое суток. Село Бабаи несколько раз переходило из рук в руки. Только 28 августа 1943 года 228-й полк окончательно выбил противника из главного пункта обороны винзавода, занял его и затем вышел вместе с другими частями дивизии на юго-западную окраину села.

Освободив Бабаи и выбив противника с окрестных высот, дивизия, несмотря на упорное сопротивление противника, вышла к городу Мерефа и после четырехдневных боев 4 сентября овладела его южной частью. Враг оказался зажатым войсками 7-й гвардейской армии с юга и севера и отступил. Город Мерефа был полностью освобожден.

В те дни я близко познакомился с командиром взвода разведки 228-го гвардейского полка гвардии старшим сержантом А. К. Патакой. Командир полка отрекомендовал его как храброго, лихого разведчика, не раз бывавшего в тылу врага. На этот раз Патане предстояло незаметно проникнуть в Мерефу и добыть "языка". Я объяснил ему задачу, значение "языка", поинтересовался, как думает разведчик поступить. Патака ушел, а мы с тревогой и нетерпением ждали его. Вернулся он через несколько часов, доставив в штаб полка двух гитлеровцев. Я от души поблагодарил разведчика.

На войне так бывает: разговариваешь с человеком, радуешься знакомству с ним, а через несколько часов узнаешь, что его уже нет в живых. Так произошло и на этот раз. Когда ночью противник крупными силами атаковал полк, Патака вместе со взводом разведчиков вступил в бой, прикрывая правый фланг первого батальона. Случилось так, что старший сержант,

увлекшись рукопашной схваткой, не заметил, как фашисты окружили его. А когда понял это, решил как можно дороже отдать жизнь. Он дрался, пока были патроны и гранаты. Но вот они кончились. Фашисты шли на него, не стреляя: они понимали, что теперь боец не опасен. Патака поднялся во весь рост и пошел навстречу врагу. Штыком и прикладом он уничтожил еще несколько гитлеровцев, но погиб и сам.

5 сентября дивизия форсировала реку Мжа и продолжала наступать в юго-западном направлении. 7 сентября мы подошли к селу Первомайское, но с ходу взять его не смогли. До 14 сентября шли бои на этом рубеже. Храбро сражались воины всех частей и подразделений, особенно - артиллеристы 158-го гвардейского артиллерийского полка. Они отбили несколько танковых атак.

Как ни сопротивлялись фашисты, но были вынуждены уйти из Первомайского. Дивизия с ходу форсировала речку Брестова, зашла в тыл врага и 18 сентября совместно с 72-й и 81-й гвардейскими дивизиями ворвалась в город Краоноград. К утру 19 сентября 1943 года он был полностью очищен от фашистов.

После взятия Красноградa мы в составе 24-го стрелкового корпуса перешли во второй эшелон 7-й гвардейской армии. Очищая от разрозненных групп противника освобожденные передовыми частями села, соединение прошло через Карловку, Павловку, Грабовщину, Нехворощ, Ливенское, на ходу пополняясь личным составом за счет местного населения.

Получить пополнение и укомплектовать подразделения - это еще полдела. Главное - суметь в короткий срок подготовить бойцов к тяжелым, изнурительным боям. Для этого политотдел и штаб дивизии приняли все необходимые меры. Ночью, урывками в дневное время офицеры штаба, политработники беседовали с новичками, передавали им боевой опыт, учили их уничтожать огневые точки, танки, самолеты и живую силу противника.

В то же время политотдел позаботился об укреплении ротных и батальонных партийных и комсомольских организаций за счет коммунистов и комсомольцев тыловых подразделений, команд выздоравливающих. Со вновь назначенными парторгами и комсоргами рот и батальонов мы провели занятия, инструктажи. Состоялись партийные и комсомольские собрания, на которых подводились итоги боев, отмечались героические подвиги коммунистов и комсомольцев, а главное обсуждались вопросы, связанные с обеспечением их авангардной роли в предстоящих боях за Днепр в период его форсирования, захвата и удержания плацдарма.

До Днепра оставалось 80 километров. 22 сентября 1943 года гвардейская дивизия в авангарде 24-го корпуса вновь была

введена в бой в междуречье Ворожлы и Орели. Перед ней была поставлена задача к вечеру 23 сентября выйти к Днепру, и с ходу, не дав противнику опомниться, форсировать реку, захватить плацдарм на правобережье и удерживать его до подхода главных сил 24-го корпуса и всей армии.

Несмотря на проливной дождь и непролазную грязь, к исходу дня 23 сентября все части дивизии достигли левого берега Днепра в районе совхоза имени Тельмана и села Карпенки. К тому времени группа бойцов саперного батальона во главе со старшим лейтенантом Б. Гильдуниным пригнала к месту переправы "флотилию" рыбацких лодок, плотов, бочек, бревен. Это оказалось как нельзя кстати. Вместе с местными жителями бойцы собирали все, что могло пригодиться для переправы.

Днепр в местах, где планировалось форсирование, широк, быстр, глубок. Его левый берег - пологий, изобилует озерами, лиманами, местами болотистый, редко можно увидеть кустарник. Правый - преимущественно крутой, изрезан оврагами.

Фашисты возлагали на Днепр большие надежды. Они считали, что он станет преградой перед которой неизбежно должно остановиться стремительное наступление Красной Армии, рассчитывали под защитой реки перегруппировать свои войска, привести их в порядок, принять пополнение, перейти к затяжной позиционной войне. На берегах Днепра были оборудованы доты и дзоты, выкопаны глубокие траншеи, протянута на десятки километров колючая проволока, заминированы поля и дороги.

К 22 часам 23 сентября 1943 года по приказу генерала А. В. Скворцова командир 225-го гвардейского полка гвардии майор П. А. Плешков, назначенный вместо Хороленко, закончил формировать передовой отряд. В него вошли только коммунисты и комсомольцы, в их числе и разведчики во главе с командиром взвода Иваном Алексеевичем Григоровым, удостоенным позже звания Героя Советского Союза. Входили в отряд также саперы-разведчики - командир взвода разведки 89-го гвардейского отдельного саперного батальона старший лейтенант Р. Г. Иванов, старший сержант М. С. Лысов и ефрейтор М. М. Медведев, связисты лейтенант С. О. Гуревич, рядовые М. Е. Гриненко и И. Ф. Корнев, рота автоматчиков 225-го гвардейского полка, взвод станковых пулеметов. Командиром отряда был назначен старший лейтенант Г. А. Кузнецов, а его заместителем по политчасти - старший лейтенант А. Т. Ануфриев. Бойцы были вооружены автоматами, ручными и противотанковыми гранатами, ручными и тремя станковыми пулеметами, небольшим количеством противотанковых и противопехотных мин, были у них средства

проводной и радиосвязи. Командир дивизии побеседовал с личным составом отряда, подчеркнув огромное значение поставленной перед ним задачи. Состоялось открытое партийно-комсомольское собрание с повесткой "Боевую задачу выполним. Днепр форсируем, плацдарм завоюем и удержим".

Артиллерия, минометы и станковые пулеметы стрелковых полков и 158-го гвардейского артиллерийского полка заняли огневые позиции и были готовы поддерживать переправу передового отряда и захват плацдарма на острове Глинск-Бородаевский.

23 часа 23 сентября. Тишина. Лишь слышен плеск воды у берега. Вместе с бойцами передового отряда мы притаились в кустах. И вот - время! Соблюдая максимальную осторожность, бойцы подходят к берегу, где их ждут заранее подготовленные плоты, рыбацкие лодки, грузятся и тихо отходят от берега... В первых двух лодках находились проводники - местные жители из села Карпенки Т. А. Билык и И. К. Онуприенко. Много лет они рыбачили в этих местах, отлично знали нрав Днепра и остров Глинск-Бородаевский.

Тихон Аринахович Билык направил лодки не прямо на крутой берег острова, где, как было известно, находились огневые точки противника, а на его юго-восточную часть, на отмель. Лодки шли быстро, плавно, без шума и скрипа (весла были обмотаны тряпками) и вскоре причалили к берегу. Фашисты вели беспорядочную стрельбу, освещали ракетами часть острова и плеса Днепра, но было ясно, что десант они не обнаружили.

Через час лодки возвратились. Началась переправа всего отряда. Вместе с местными жителями теперь в ней участвовали саперы 89-го гвардейского саперного батальона.

Разведчики тем временем зашли в тыл противника, находившегося на острове, перерезали провода телефонной связи, идущие к основным силам обороны, расположенным на правом берегу Днепра в Домоткани и Бородаевке. Внезапное нападение вызвало среди фашистов панику. Началась беспорядочная стрельба, в воздух полетели ракеты, освещая Днепр и остров. Переправившись, передовой отряд был обнаружен, но сумбурный неприцельный огонь пулеметов и автоматов противника большого вреда ей не принес.

К 2 часам 24 сентября передовой отряд полностью переправился на остров Глинск-Бородаевский и сразу же вступил в бой с противником. Фашисты были выбиты из траншей и окопов в районе переправы и оттеснены в глубь острова, к протоке, отделявшей остров от правобережья Днепра.

Вслед за передовым отрядом начали переправляться

батальоны и спецподразделения 225-го гвардейского полка. Первой форсировала реку оперативная группа штаба полка во главе с майором П. А. Плешковым. Но переправа полка затянулась: слишком мало было плавсредств. Полковые пушки переправляли на плотах, которые буксировали лодками.

И вот уже начался рассвет. Сразу же в небе появилась "рама" самолет-разведчик и корректировщик артогня противника. Переправа подверглась непрерывному артиллерийскому и минометному обстрелу. Но и в этой обстановке бойцы продолжали делать свое дело. К 16 часам 24 сентября полк в полном составе уже был на острове.

Несмотря на ожесточенное сопротивление фашистов, к вечеру того же дня батальоны вышли к протоке, нашли броды и стали готовиться к ее преодолению. Но основные силы дивизии еще оставались на левом берегу Днепра. Политработники проинформировали личный состав об успешном форсировании основного рукава Днепра, о высадке на остров Глинск-Бородаевский воинов 225-го гвардейского полка. В беседах приводились примеры героизма и отваги саперов, разведчиков и связистов, проложивших по дну реки проводную связь. Но мы подчеркивали, что самое трудное впереди: необходимо всем полкам и спецподразделениям форсировать Днепр, расширить захваченный плацдарм и удержать его.

24 сентября командующий армией генерал М. С. Шумилов вызвал на свой наблюдательный пункт всех командиров дивизий, корпусов, начальников политотделов соединений и приказал в ночь на 25 октября Форсировать Днепр, нанося главный удар левым флангом на участке Новый Орлик, устье реки Опедь, то есть в полосе 25-го и 24-го гвардейских корпусов. В соответствии с этим командир 24-го гвардейского корпуса приказал командиру 78-й гвардейской дивизии до рассвета 25 сентября переправиться на остров Глинск-Бородаевский и перебросить разведывательные группы в район Домоткани.

Это были трудные дни и ночи. Всюду, на всех участках, совершался массовый героизм. Нельзя не сказать о том, что фашисты прилагали все усилия, чтобы задержать советские войска, сорвать переправу людей, техники на правый берег Днепра. Артиллерия, авиация вели постоянный обстрел реки, берега. Казалось, что нет никакой возможности проскользнуть по Днепру хотя бы одной лодке. Но они проходили. К тому же переправляли орудия, минометы, тягачи и автомашины.

Нам, политработникам, в эти дни приходилось беседовать с бойцами и в ходе переправы, и в период штурма того или иного укрепления. Беседа зачастую заключалась в том, чтобы сказать

несколько ободряющих слов. Но они были нужны, вселяли в бойцов уверенность в успехе.

Вспоминая те дни, вижу людей, с которыми встречался, на которых готовил наградные листы. Сколько же подвигов было совершено только за период форсирования Днепра на участке дивизии!

Высокого звания Героя Советского Союза был удостоен сапер-разведчик ефрейтор М. М. Медведев. При высадке десанта на остров Глинск-Бородаевский им был получен приказ разведать обстановку. Пробираясь кустами, он вдруг услышал немецкую речь, прижался к земле, пополз. Неожиданно ракета высветила две группы фашистов. Одну у самой реки, другую - несколько выше. Ефрейтор бросил в них несколько гранат, полосонул по ним из автомата. Гитлеровцы начали стрелять наугад. Но вскоре наступила тишина. Значит, фашисты отошли. Медведев пополз дальше. На его пути встретилось несколько убитых гитлеровцев. У берега в кустах покачивались на волнах шесть лодок. Быстро соединив их вместе обрывками каната, ефрейтор погнал лодки к месту посадки десанта.

Возвратясь на остров, он вновь пошел с группой бойцов в глубь его. Воины почти сразу же наткнулись на минное поле. Осторожно, но быстро, одну за другой, извлекал Медведев мины из песка, быстро вынимал взрыватели. К рассвету группа обезопасила довольно большой участок. Но в это время разведчики были обнаружены. На их уничтожение враг бросил до роты автоматчиков. Завязался неравный бой. Несколько раз гитлеровцы атаковали, но каждый раз откатывались под метким огнем разведчиков. Вскоре их поддержала артиллерия с левого берега Днепра.

Возвратившись на переправу и доложив о результатах разведки, Медведев вместе с товарищами на пароме из двух лодок под ураганным огнем противника стал переправлять воинов через Днепр. Во время одного из рейсов лодку пробило снарядом. Старший на пароме командир саперного взвода лейтенант М. Сорокин был тяжело ранен. Медведев принял командование на себя. Быстро заделали пробоину. Расчет пушки, доставленной на берег, с ходу вступил в бой.

На другой день, участвуя в отражении атаки противника, Медведев уничтожил 15 фашистов. В его представлении к званию Героя Советского Союза написано:

"М. М. Медведев - один из самых отважных и бесстрашных саперов части, неоднократно участвовавший в разведке и захвате "языка", разминировании минных полей, установке мин в глубоком тылу противника, в подрыве и минировании мостов".

Подлинный героизм при форсировании Днепра проявили и другие воины. Трудно, вернее, невозможно рассказать обо всех, кто совершил подвиги в те напряженные дни. Все боевые подразделения стрелковых полков, артбатарей наконец были переправлены через Днепр. Очищая остров от мелких групп противника, они вышли к протоке и вслед за 225-м гвардейским полком с ходу форсировали ее. Уже к 18 часам 25 сентября боевые подразделения полков были на правобережье Днища, и вели бой за расширение захваченного плацдарма в районе Домоткани.

Первым в ночь на 25 сентября форсировал протоку и вышел на правый берег Днепра в районе Домоткани взвод автоматчиков под командованием 19-летнего комсомольца младшего лейтенанта Евгения Семеновича Ерофеева. Противник сразу же атаковал смельчаков и попытался сбросить их в реку. Девять атак отразили бойцы. Но враг не унимался. Он открыл артиллерийский и минометный огонь. Самолеты сбросили десятки бомб на этот небольшой клочок земли. Взвод нес большие потери. И вот Ерофеев уже сам лег за пулемет. Вскоре он остался один. Истекая кровью, переползая от одного пулемета к другому, младший лейтенант продолжал вести огонь по наседавшему врагу. В этом бою Ерофеев уничтожил более 50 солдат и офицеров противника. Захваченный плацдарм был удержан, и на него стали переправляться другие подразделения полка.

За беспримерный героизм, проявленный в бою на днепровском плацдарме, гвардии младшему лейтенанту Евгению Семеновичу Ерофееву было присвоено звание Героя Советского Союза.

225-й гвардейский полк переправился на захваченный клочок земли, сумел его расширить - захватил прибрежную часть села Домоткань и прилегающую к берегу бахчу. Весь день 25 сентября он вел бой. В это время подошли 223-й и 228-й гвардейские полки и сразу вступили в схватку с врагом, которая продолжалась всю ночь на 26 сентября. Только к исходу следующего дня удалось полностью овладеть Домотканью.

Воспользовавшись тем, что все боевые подразделения с острова Глинск-Бородаевский переправились на правобережье Днепра и вели бои за расширение плацдарма, а на острове по существу, кроме связистов и саперов, никого не осталось, фашисты в ночь на 27 сентября переправили через протоку на западную часть острова до 500 автоматчиков с пулеметами. Они нарушили телефонную связь наблюдательного пункта дивизии на левом берегу Днепра с командными пунктами командиров

полков, вышли непосредственно к переправе через основное русло Днепра и парализовали ее нормальную работу.

В то же время противник начал артиллерийский обстрел и бомбежку передовых подразделений на плацдарме, атаковал танками и пехотой правый фланг дивизии, где находился 228-й полк. Фашисты стремились отрезать наши полки от протоки, окружить их и уничтожить. Завязался бой, в ходе которого фашисты потеряли более 20 танков и до двух батальонов пехоты. Но отрезать от протоки, окружить и уничтожить наши части гитлеровцы так и не смогли.

С наступлением рассвета их пехота и танки предприняли атаку правого фланга 228-го полка. Она длилась около двух часов. За ней последовали вторая и третья. Гитлеровцам удалось прорваться в тыл наших частей на острове Глинск-Бородаевский. Подвоз боеприпасов и продовольствия на плацдарм, налаженный с большим трудом, был по существу прерван. Обстановка складывалась очень неблагоприятно. Генерал А. В. Сквордов начал нервничать. Его можно было понять: создалась угроза тому, что было добыто огромным трудом, оплачено жизнью сотен людей.

- Что будем делать? - спросил он, когда офицеры штаба и политотдела собрались в его землянке, чтобы обсудить создавшееся положение.

Наступило молчание. Каждый понимал, что комдив ждет конкретных предложений, хорошо продуманных и выполнимых, но, видимо, их ни у кого не было.

- Так как же быть? - продолжал комдив. - Учтите, что остров оставлять нельзя - это связующее звено между основными силами дивизии и плацдармом на правом берегу Днепра. Потерять остров - значит лишиться плацдарма...

- А если сформировать отряд из только что прибывшего пополнения и бросить его на помощь саперам и связистам, оборонявшим переправу, предложил один из офицеров штаба.

Скворцов внимательно посмотрел на него, и взгляд его оживился.

- И я подумывал об этом. Сколько бойцов можем набрать?

- Двести. Не больше, - ответил тот же офицер.

- Хорошо. Сформируйте взводы. Командирами назначьте офицеров штаба и политотдела, - приказал генерал, ни к кому конкретно не обращаясь: те, кто должен был делать это, знали, что слова комдива относятся именно к ним.

- Разрешите мне возглавить отряд, - попросил я комдива.

Он на минуту задумался, затем взглянул на меня.

- Разрешаю. Хотя... - Скворцов рубанул ладонью воздух. - Все

будет хорошо - уверен. Сами подберите командиров взводов...

На этом совещание закончилось. Я сразу же приступил к делу. На формирование отряда понадобилось немного времени. В тот же день, разъяснив бойцам задачу, отметив ее особо важное значение, я собрал короткое совещание командиров взводов, поинтересовался, как они думают действовать. Настроение молодых командиров мне понравилось: хорошо представляли всю сложность предстоящей задачи и были готовы во что бы то ни стало выполнить ее.

Особо поговорил с капитаном К. П. Зыряновым - помощником начальника политотдела по комсомольской работе. Он впервые командовал взводом, и мне хотелось подбодрить его, дать кое-какие советы.

- На острове в опасном положении находится НП командира двести двадцать пятого полка майора П. А. Плешкова, - сказал я после того, как мы обменялись мнениями о предстоящей операции. - Будете пробиваться к нему, окажете ему помощь. Обстановка там сложная - учтите.

Зырянов понимающе кивал. Это был смелый, инициативный офицер, и я ни на секунду не сомневался в том, что задание он выполнит, будет действовать решительно.

К вечеру под огнем противника мы переправились на остров. Нас встретил заместитель командира 89-го гвардейского саперного батальона капитан И. Д. Лимонов.

- Как тут у вас дела? - поинтересовался я, глядя на закопченное лицо офицера.

Он устало махнул рукой:

- Деремся. Имеем задание к переправе фрицев не подпускать. Но людей маловато. Но теперь силы прибавились. Можно ударить по фашистам.

- Ударим! Да так, чтобы навсегда запомнили этот день, - согласился я.

Объединенными силами, открыв огонь из всех имеющихся у нас видов оружия, мы организовали первую атаку противника и несколько оттеснили его. Но сразу же последовал артиллерийский обстрел и бомбежка с воздуха наших позиций. Мы с капитаном Лимановым укрылись в одном окопе. И все! Больше я уже ничего не видел и не слышал. Не знаю, сколько прошло времени - быть может, всего несколько минут, но они показались мне вечностью, когда я снова увидел свет и вздохнул полной грудью. Мой ординарец младший сержант И. Яковлев, заботливо стряхивая с нас песок, говорил:

- Ну и подзасыпало вас. Были рядом, а потом гляжу - после взрыва снаряда куда-то пропали. Ну, думаю, все. А потом понял:

засыпало вас.

Мы переглянулись с Лимановым и нелепо рассмеялись. Просто от радости, что снова смерть прошла рядом.

...Бой шел всю ночь. К утру фашистские автоматчики были выбиты с острова. К этому времени капитан Зырянов через связного доложил, что его взвод и отделение связистов под командованием лейтенанта С. О. Гуревича отбили атаки фашистов и достигли НП 225-го полка, восстановили проводную связь. За мужественные и умелые действия лейтенант С. О. Гуревич был удостоен звания Героя Советского Союза, а капитан К. П. Зырянов был награжден орденом Красного Знамени.

Доложив генералу А. В. Скворцову о выполнении задания, я решил навестить командира 225-го полка майора П. А. Плешкова. Знал его давно, вместе воевали под Сталинградом, Курском. К тому же оба были сибиряками это нас вроде бы даже роднило. Петр Антонович был призван из запаса в начале войны, был командиром взвода разведки, помощником начальника штаба полка по разведке, начальником штаба полка. Его любили за смелость, общительность, за умение в любой обстановке не унывать, не терять самообладания.

Признаться, торопился к Плешкову я не только потому, что хотел увидеться с ним. Меня мучил вопрос: почему он не перешел вместе с батальонами на правобережье Днепра, а остался на своем наблюдательном пункте на острове.

Не мог же он не знать, что подвергает и себя, и всех, кто рядом, смертельной опасности.

Петр Антонович встретил меня с тревогой во взгляде. Вид у него был растерянный, виноватый. Предупредив мои расспросы, сразу же пояснил:

- Хотел, как лучше, а получилось... Плохо получилось. Я ведь что думал: не буду переносить наблюдательный пункт на правый берег - здесь мне удобней, видны боевые порядки всех батальонов, управлять ими удобнее... - Офицер замолчал и стоял, опустив голову, крепко сцепив пальцы рук.

- Ошибка ваша дороговато обошлась, - стараясь говорить как можно спокойнее, ответил я. - Лучше бы, конечно, вам вместе с батальонами перейти протоку, как это сделали командиры двести двадцать восьмого и двести двадцать третьего полков. Своим присутствием они поднимали дух бойцов, да и управлять полками им было легче.

- Я это понял, - с болью в голосе сказал Плешков. - Урок на всю жизнь.

- А что все-таки произошло на НП? - сменил я тему разговора. - В общих чертах знаю, а вот детали мне неизвестны.

- Окружили фашисты НП, связь нарушили. Хотели, видимо, нас живыми взять. Уж больно нагло действовали. Часа два шел бой. Многие погибли. Осталось нас всего несколько человек. А фашисты, почувствовав это, в открытую пошли на нас. Отбивались мы, как могли. Тут и помощь подоспела капитан Зырянов с бойцами. Если хотите детали знать, поговорите с младшим сержантом Павловым. С ним мы отбивались...

В тот день я со многими беседовал. С Никанором Павловым, Иваном Бурмистровым (оба связисты, удостоенные за подвиги, совершенные при форсировании Днепра, звания Героя Советского Союза), другими офицерами, сержантами, солдатами. Было решено наиболее отличившихся представить к наградам, и, естественно, мне, начальнику политотдела, следовало знать, как и в чем проявили себя бойцы, командиры, политработники. Многое из того, что узнал, навсегда осталось в памяти.

...Рота старшего лейтенанта Г. А. Кузнецова отбила контратаку и стала преследовать противника. И вдруг - пулеметный огонь с фланга преградил путь. Бойцы залегли. К Кузнецову подполз красноармеец С. Галимзянов и попросил разрешение уничтожить вражеский расчет пулемета. Кузнецов ответил не сразу: знал, что боец идет на слишком рискованный шаг. Но потом, когда Галимзянов напомнил, что под Сталинградом приходилось и труднее, опаснее, старший лейтенант согласился с ним.

Около трехсот метров пришлось ползти бойцу. Когда до пулемета оставалось несколько шагов, он достал гранаты и метнул три из них. Пулемет замолчал. Решительным броском Галимзянов достиг укрытия и ударил по фашистам из автомата. Уничтожив несколько гитлеровцев, он захватил пулемет и доставил его в свою роту.

...В бою за колхоз "Коммунар" рота старшего лейтенанта Г. Кузнецова вырвалась далеко вперед. Противник в это время контратаковал полк крупными силами пехоты и танков при поддержке пикирующих бомбардировщиков. Рота Кузнецова осталась в тылу врага. Оказавшись в окружении, бойцы сражались как герои, до последнего патрона. Многие погибли. Был тяжело ранен и командир. Он отдал приказ во что бы то ни стало выйти из окружения. И приказ был выполнен. Трое суток с боями пробивались воины к своим. И все это время красноармеец Галимзянов нес на себе командира. Не раз Кузнецов требовал оставить его, говорил Галимзянову, чтобы он вместе с оставшимися бойцами выходил из окружения, но тот и слушать не хотел. В конце третьей ночи они дошли до переднего края противника, собравшись с силами, неожиданно напали на

фашистов, вызвали среди них панику и, воспользовавшись ею, вышли в расположение своего полка.

За боевые подвиги гвардии старшему лейтенанту Георгию Антоновичу Кузнецову и рядовому Салимзяну Галимзянову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

...Командир пулеметного взвода 19-летний комсомолец гвардии младший лейтенант В. А. Таначев переправился через Днепр вместе с передовым отрядом. Огнем станковых пулеметов его взвод расчищал путь передовому отряду, прикрывал переправу от гитлеровцев. Только 25 сентября было отбито 13 атак противника. Когда же в одном из расчетов погиб первый номер, командир, будучи уже дважды раненным, лег за "максим" и продолжал уничтожать рвавшегося к переправе врага.

Но вот кончились патроны. Пулеметы замолкли. Таначев трижды водил бойцов в рукопашную схватку. Взвод, уничтожив более сорока гитлеровцев, удержал свой рубеж. Но Таначев после четвертого ранения был эвакуирован с поля боя. Будучи в медсанбате, он написал заявление с просьбой принять его кандидатом в члены партии. Он писал:

"...Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б). Где бы я ни был, я обязательно вернусь в свой полк и батальон. У меня личные счеты с фашистами за мои раны и потерянную кровь, за горе и слезы нашего народа. Теперь я поопытнее стал и обещаю бить, истреблять и гнать с родной земли фашистскую нечисть более умело и беспощадно.

28 сентября 1943 г. В. А. Таначев"{2}.

Подвиги комсомольца Василия Таначева в боях были высоко оценены. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Немало героизма проявили минометчики. Это они с первых минут форсирования Днепра находились в боевых порядках стрелковых рот и вместе отбивали одну за другой атаки противника. Так, командир минометного взвода коммунист гвардии старший сержант Е. Златин, будучи уже раненным, личным примером увлек бойцов в бой. На его боевом счету было более тридцати уничтоженных солдат и офицеров противника. Он тоже удостоен звания Героя Советского Союза.

...Трудно было на переправе, но еще труднее приходилось тем, кто защищал захваченные плацдармы на правом берегу Днепра. Маленькие клочки земли, занятые нашими частями, простреливались вдоль и поперек, со всех сторон на них шли танки и немецкая пехота. За спиной бойцов была глубокая река, а над головами натужно выли "юнкерсы". Напряжение боев на правобережном плацдарме нарастало. Враг перебрасывал сюда свежие силы, подтягивал танки. Он предпринимал атаку за

атакой, приднепровские холмы и овраги по нескольку раз переходили из рук в руки.

27 сентября усилиями бойцов и офицеров 89-го гвардейского саперного батальона был наведен первый на Днепре в районе переправы дивизии понтонный мост. Противник бомбил и обстреливал его, неоднократно разрушал, но саперы вновь и вновь под непрерывным огнем противника восстанавливали мост. Первым по нему прошел 158-й гвардейский артиллерийский полк и сразу вступил в бой с пехотой и танками противника юго-западнее Домоткани, где стрелковые части дивизии вели упорное сражение за расширение плацдарма.

Командующий армией приказал вслед за артиллеристами переправить на остров Глинск-Бородаевский свой резерв - 19-ю стрелковую дивизию с задачей не допустить прорыва противника на остров, в тыл войскам, захватившим плацдарм на правобережье.

Фашисты не могли смириться с потерей Домоткани и предпринимали одну за другой мощные атаки, в которых при поддержке бомбардировщиков участвовали пехота с танками. Но было уже поздно. Наша пехота получила подкрепление. В ее боевые порядки стали батарейцы 158-го артиллерийского полка. 29 сентября первые 14 танков 201-й танковой бригады переправились через Днепр и с ходу вступили в бой в районе Домоткани. Обстановка сразу и заметно изменилась в нашу пользу. Дивизия значительно расширила плацдарм по фронту и в глубину и укрепила его.

В период боев за Днепр к нам в дивизию прибыла группа военных корреспондентов. Среди них был и известный нам Борис Полевой. Вот что писал он в дневнике о тех днях (привожу с сокращениями):

"Мы приехали на эту переправу в разгар боя. Оба берега грохотали и вздрагивали от непрерывных разрывов. Снаряды падали в воду, взметывали вверх зеленые фонтаны брызг. Мины, перелетая реку, зарывались в прибрежном песке. И все-таки переправа работала, с перебоями, с потерями, но работала... А на той стороне, над деревней, в прозрачном воздухе стояли поднятые разрывом столбы пыли. Гром канонады перекатывался по водной глади...

...Как-то не верится даже, что всего сутки назад, под покровом ночи, сюда вот, в густые, шуршащие заросли камыша подходили первые рыбачьи челны с автоматчиками, вызвавшимися на операцию по собственной охоте. Воспользовавшись растерянностью противника, автоматчики передового батальона захватили вот тут, на правом берегу, всего

небольшой клочок земли - баштан, кукурузник, зацепились за окраину деревни. Этот клочок был настолько мал, что насквозь простреливался в любом направлении... Горстка смелых, закаленных солдат на куске земли площадью около гектара!

...Во всяком случае так было тут, у села Домоткань. Жертвы? Конечно же, были жертвы, и большие...

Но как бы там ни было, переправа и под огнем работала, батальон вырос в полк, полк - в дивизию, под ее нажимом стали по-настоящему трещать обручи Восточного вала. Наш все увеличивающийся заднепровский гарнизон на этом участке уже заметно раздвигает и раздвинул границы первоначального пятачка...

Наш путь лежит через большое село Домоткань, местами совершенно разрушенное, местами совсем уцелевшее. Целые улицы - это цепи куч глины. Тополя, стоявшие перед домами, срублены, сады за плетнями выкошены артиллерийским огнем. Эта часть села за сутки переходила шесть раз из рук в руки. Стремясь вырвать у нас этот заднепровский пятачок, неприятель в общей сложности предпринял восемнадцать контратак пехотой и танками. Говорят, он положил у околицы села около двух с половиной тысяч стрелков. Впрочем, кто их под огнем считал? Ясно, что положили много.

А вот танки, подбитые на деревенской улице, на огородах и дороге, на ближайших высотках, подсчитали мы сами, их вышло - двадцать один танк, три самоходные пушки, сгоревшие и разбитые... еще больше сокрушенной вражеской техники за деревней во рву..."

...Утром 1 октября противник активизировал свои действия против 25-го и 49-го стрелковых корпусов. Он бросил в бой до двух пехотных дивизий и более 150 танков, поддержанных массированными ударами авиации. Кроме того, авиаразведка выявила, что враг подтягивает из своих тылов крупные силы. Учитывая это, командующий армией 2 октября вывел в свой резерв 78-ю гвардейскую, заменив ее 19-й стрелковой дивизией. Мы заняли позиции южнее Бородаевки Западной в полосе обороны 25-го корпуса. Немедленно приступили к оборудованию рубежа в инженерном отношении. Главное внимание уделили противотанковой обороне. Представилась возможность пополнить роты и батареи личным составом, вооружением, боеприпасами и боевой техникой, накормить бойцов горячей пищей. Назначили вместо погибших и раненых новых командиров, парторгов и комсоргов рот, батарей, батальонов, провели короткие партийные и комсомольские собрания, на которых подвели итоги боев и обсудили новые задачи. Политотдельцы, политработники частей

организовали беседы с воинами, в которых рассказали о героических подвигах их боевых друзей.

Фашисты все еще не теряли надежды оттеснить советские войска от Днепра. Создав значительное превосходство в танках, самоходных орудиях и живой силе, 3 октября противник захватил Тарасовку, Бородаевку Западную и вышел к Днепру, разъединив тем самым боевые порядки 49-го и 25-го стрелковых корпусов. Все переправы дивизий через Днепр оказались под непосредственным огнем врага. Создалось крайне опасное и тяжелое положение для войск, удерживавших плацдарм.

Учитывая сложившуюся обстановку, командующий армией передал из своего резерва в распоряжение командира 25-го гвардейского корпуса нашу 78-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

В 11 часов 15 минут 4 октября весь плацдарм, занятый 25-м корпусом, подвергся артиллерийскому обстрелу. Все заволокло пылью, дымом, гарью. Под авиационным прикрытием пошли в атаку танки с пехотой. Противник любой ценой стремился ликвидировать днепровский плацдарм, сбросить наши войска в Днепр. И снова 78-я гвардейская дивизия выдержала. Она отбила все атаки танков и пехоты врага. И вновь бойцы и командиры проявили массовый героизм. Особенно отличились артиллеристы первого и третьего дивизионов артполка, которыми командовали майор И. А. Тернавский и старший лейтенант А. П. Сеземин. Они отбили несколько мощных атак противника, который ввел в действие свежие подразделения.

Когда танки с десантами пехоты вклинились в боевые порядки наших войск, в тяжелом положении оказался взвод младшего лейтенанта А. К. Каштанова. Танки противника, не сумев взять огневую позицию взвода в лоб, изменили направление атак, зашли ему с фланга. Младший лейтенант не растерялся. Он подал команду развернуть орудия. В это время громыхнул мощный взрыв рядом с одним из орудий. Командир расчета и наводчик были убиты. Каштанов сам встал к орудию. Как только рассеялись дым, гарь и пыль, он подал команду расчету второго орудия бить по одному из танков, а сам ударил по другому. Два вражеских "тигра" споткнулись, закружились на месте. После вторых выстрелов их окутал дым, раздались огромной силы взрывы рвущихся внутри танков снарядов.

Но гитлеровцам все же удалось приблизиться к орудиям на несколько десятков метров. И тогда сержант И. Коваль поднял свой расчет вместе с пехотой в атаку. А Каштанов продолжал бить прямой наводкой по врагу осколочными снарядами. Враг, не приняв рукопашного боя, откатился на прежний рубеж, понеся

огромные потери.

За мужество и самоотверженность, проявленные в том бою, Иван Нестерович Коваль, Алексей Константинович Каштанов и Павел Иванович Петикин были удостоены звания Героя Советского Союза.

Ожесточенные бои за плацдарм не утихали круглые сутки. В иные дни немцы до восемнадцати раз бросались в атаки. В сутки немецкие летчики совершали до 1300 самолето-вылетов. Особенно упорно они бомбили Бородаевку и курганы. Вражеские танки и пехота на бронетранспортерах вклинивались в боевые порядки корпуса, разрывали их на части. Холмы, курганы, овраги на берегу Днепра за день несколько раз переходили из рук в руки.

В те дни редактор дивизионной газеты "Боевая красноармейская" принес мне почитать корреспонденцию, написанную командиром первого стрелкового батальона 228-го гвардейского полка капитаном В. Осисом. Вот что писал офицер:

"Жестокие бои вело наше подразделение на западном берегу могучего Днепра. Мы бились за каждый метр советской земли, огнем и штыком выбивали фашистов из окопов и траншей. Преодолевая яростное сопротивление гитлеровцев, мы продвигались вперед. В одном из боев вышел из строя командир. В эту тяжелую минуту гвардейцы услышали голос гвардии рядового Дмитрия Волосатого:

- За мной, в атаку!

И все бойцы как один поднялись на врага. Впереди них шел товарищ Волосатый. Он первым ворвался в немецкие окопы и огнем в упор, прикладом и штыком истребил 12 фашистов. Вражеский пулемет не давал нам продвигаться вперед. Уничтожить эту огневую точку вызвался гвардеец Павел Бельков. Он ползком добрался до дзота и ручными гранатами забросал немцев. На месте, где разорвались гранаты, осталось 9 вражеских трупов. За этот подвиг он был награжден орденом Славы III степени.

Таких примеров беззаветного героизма и мужества не счесть. В жестоких, победных боях мы закалились, накопили богатый опыт, научились бить врага. И будем бить его".

- Обязательно опубликуйте, - посоветовал я. - Корреспонденция боевая... И автор боевой...

Напряжение боев за плацдарм все нарастало. Противник не считался ни с какими потерями в живой силе и технике. Он непрерывно вводил в бой свежие силы за счет прибывающего пополнения, резервных частей и соединений и переброски войск с других участков фронта.

Стремясь во что бы то ни стало ликвидировать бородаевский

плацдарм, враг вновь с утра 7 октября возобновил сильнейшие атаки на всем фронте армии, и особенно на участке 53-й и 78-й дивизий, пытаясь расчленить 49-й и 25-й корпуса, захватить правобережье Днепра, уничтожить переправы, окружить и уничтожить наши войска на плацдарме. С этой целью он бросил в бой только что прибывшую 9-ю танковую дивизию и свежие пехотные части.

Целый день и всю ночь по всему фронту армии гремела канонада. Ночью против соседнего 223-го стрелкового полка 53-й дивизии двинулись 15 танков и полк пехоты. Они прорвали оборону и стали выдвигаться к центру Бородаевки. Командующий фронтом генерал И. С. Конев, следивший за ходом боя с наблюдательного пункта армии, потребовал от командиров 53-й дивизии и 25-го корпуса восстановить положение, выбить противника из Бородаевки.

Командир корпуса генерал Г. Б. Сафиулин приказал направить на помощь 53-й дивизии 223-й полк, находившийся во втором эшелоне 78-й гвардейской дивизии. Он внезапно атаковал противника. Истребители танков подожгли несколько вражеских машин. К исходу ночи фашисты были выбиты из центра Бородаевки.

Утром 78-я гвардейская дивизия была выведена на правый фланг корпуса, где проходила основная дорога из Бородаевки на Домоткань. К 9 часам 223-й и 228-й полки закрепились на рубеже берега Днепра, северные склоны высотки 2,0. 225-й полк был выведен во второй эшелон дивизии. Личный состав этой части, казалось, получил возможность отдохнуть. Но в 9 часов противник подверг ее боевые порядки мощным бомбовым ударам. Затем начались атаки пехоты с танками.

В этом бою отличился орудийный расчет гвардии старшего сержанта П. И. Егорова. Вот уже были отбиты три атаки противника. На поле боя перед четвертой батареей дымились два танка - один из них был подожжен орудием Егорова. Вокруг - до полусотни уничтоженных фашистов. Казалось, бой начал утихать. Но вот из-за горящей хаты выполз "тигр", за ним показались еще несколько танков. Артиллеристы встретили их огнем всех орудий. Атака гитлеровцев захлебнулась.

14 октября противник дважды пытался расширить коридор между 49-м и 25-м корпусами. Утром он бросил на боевые порядки 223-го и 228-го полков 63 танка, самоходки и бронетранспортеры с пехотой.

Жаркий бой разгорелся на правом фланге дивизии, где оборону держали второй дивизион и восьмая батарея, прикрывавшие шоссейную дорогу, идущую из Бородаевки на

Домоткань. В полдень танки и пехота противника при поддержке артиллерии и большого количества авиации перешли в наступление. Они стремились прорваться по шоссе на Домоткань, но, наткнувшись на отчаянное сопротивление восьмой батареи и потеряв два танка, повернули вспять.

Незамедлительно на батарею обрушился шквал артогня, началась бомбежка с воздуха. Через полчаса гитлеровцы вновь пошли в атаку. И опять, потеряв один танк, вынуждены были отойти назад. Атаки противника продолжались до позднего вечера.

Командир полка гвардии майор М. С. Счетчиков вызвал к телефону командира батареи В. Г. Легезина и попросил его продержаться еще полтора часа. Комбат заверил, что держаться будут, пока есть силы. У некоторых пушек уже не действовали накатники. Легезин приказал производить накат вручную, но огня не прекращать. Одну пушку разбило прямым попаданием снаряда. У другой пушки при выстреле сорвался ствол. Действующими остались две пушки. В тот день батарея отбила шесть танковых атак, уничтожила шесть танков врага и не пропустила его на своем участке.

В многодневных боях противник понес большие потери на всем участке фронта армии, в том числе и в полосе 78-й гвардейской дивизии. Враг был измотан, обескровлен, вынужден был перейти к обороне.

15 октября части 78-й гвардейской дивизии после короткой, но интенсивной артиллерийской подготовки, перешли в наступление. Вместе с 15-й гвардейской дивизией 49-го стрелкового корпуса они ворвались в западную часть Бородаевки. Опасаясь окружения в этом районе, противник оказывал яростное сопротивление. Он вел не только массированный огонь, но и контратаковал танками совместно с пехотой 306-й пехотной дивизии при поддержке авиации, цеплялся за каждый дом, двор, высотку. Но удержать рубеж обороны фашисты уже не смогли.

78-я гвардейская выполнила свою главную задачу - соединилась с 15-й гвардейской стрелковой дивизией 49-го корпуса и тем самым ликвидировала разрыв между 25-м и 49-м корпусами, освободила Бородаевку Западную. В то же время 15-я гвардейская дивизия очистила от врага Сусловку и Тарасовку.

Затем мы повернули влево, в свою полосу наступления на участке 25-го гвардейского стрелкового корпуса и с боями вышли к безымянной речке. Противник был отброшен за нее и закрепился на заранее подготовленных позициях с дотами, бронированными колпаками, противотанковым рвом. Оттуда он открыл мощный огонь, остановил нашу пехоту, а затем

организовал контратаку, бросая в бой одновременно от 30 до 40 танков и до трех полков пехоты.

Но, несмотря на хорошо организованную оборону, сопротивление противника все же было сломлено. 20 октября части дивизии овладели Ново-Николаевкой и шоссейной дорогой, идущей на Верхнеднепровск. На следующий день после непродолжительного боя наши части отбили у врага Вольные Хутора и продолжали вести наступление в направлении Бодяно. К этому времени плацдарм был расширен по фронту и в глубину на 25 километров.

22 октября был получен новый приказ: 78-я гвардейская дивизия в составе 25-го гвардейского корпуса должна была освободить железнодорожную станцию Гроново.

Авиация противника непрерывно бомбила наши боевые порядки и тылы. Враг оказывал отчаянное сопротивление. Он несколько раз переходил в контратаки. Но удержать свои рубежи не смог. Гвардейцы прорвали его оборону и продвинулись вперед еще на 18 километров. На второй день была штурмом занята железнодорожная станция Гроново.

Плацдарм был настолько расширен, что представилась возможность ввести на него танковые войска, что и было сделано.

26 октября 78-я гвардейская дивизия, передав свой участок 113-й стрелковой дивизии, начала передислоцироваться в составе армии на кировоградское направление.

День 26 октября 1943 года для личного состава соединения был волнующим и торжественным. Был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза воинам, отличившимся при форсировании, захвате и удержании плацдармов на правобережье Днепра. Этим Указом за героизм и отвагу, проявленные в боях на Днепре и днепровском плацдарме, 36 бойцов, сержантов и офицеров 78-й гвардейской дивизии были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Звание Героя Советского Союза было присвоено и командиру 78-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерал-майору Александру Васильевичу Скворцову.

По случаю такого знаменательного события во всех частях и подразделениях дивизии были проведены короткие митинги. Редакция газеты "Боевая красноармейская" подготовила специальный номер, посвященный Героям Советского Союза, и организовала выпуск листовок. Повсюду состоялись выступления Героев Советского Союза. Они рассказывали о своем боевом опыте, о товарищах по оружию, подчеркивая, что битва за выход на Правобережную Украину была выиграна героизмом и мужеством всех воинов, участвовавших в форсировании Днепра.

Глава шестая

У истоков героизма

Не будет, наверное, ошибочным, если несколько отвлечься от хронологического изложения боевых операций и поразмышлять о том главном, что в конечном счете определяло успех в борьбе с сильным врагом, - о массовом героизме бойцов и командиров, его истоках. Подобные размышления не были редкими и в те трудные годы. Если же учесть, что не было дня, когда бы мы не оказывались свидетелями подлинно героических дел и поступков, наивысшего проявления стойкости, морального духа людей, то можно понять, почему и в те суровые дни, и ныне мы снова и снова думаем о том, какая же великая сила поднимала и вела воинов на смертельный бой с врагом! А сила эта беспредельная преданность Родине, любовь к ней, верность делу нашей партии, делу Октября, ненависть к врагам Отчизны. Она рождала массовый героизм, была истоком мужества, стойкости, готовности преодолеть любые трудности, но добиться победы.

Испытания, которые принесла война, с новой силой показали, насколько прав был В. И. Ленин, когда указывал, что Советское государство сильно сознанием масс, сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и на все идут сознательно. И в довоенное время многое делалось для идейной закалки, политического воспитания трудящихся нашей страны, формирования у них коммунистической сознательности. А с первых же дней войны эта работа еще более активизировалась. Перед политорганами, партийными и комсомольскими организациями партия поставила задачу значительно усилить идейное воспитание личного состава.

В условиях тяжелых и непрерывных боев огромное значение приобретало личное общение командиров и политработников, пропагандистов и агитаторов с воинами, живое партийное слово. На фронте, особенно в первый период войны, далеко не всегда предоставлялась возможность почитать свежую газету, послушать радио. А докладов и бесед проводилось мало. Между тем некоторые штатные пропагандисты, агитаторы, политработники подразделений и частей нередко выполняли роль рядовых бойцов.

На эти и другие недостатки указывалось в директиве Главного политического управления РККА. Она требовала восстановить в правах устную пропаганду и агитацию, придать ей целенаправленность и убедительность. Тогда же на совещаниях, партийных собраниях были обсуждены задачи, связанные с выполнением требований директивы, намечены мероприятия, способствующие активизации устной пропаганды и агитации.

Что особенно важно, политотдел дивизии стал более настойчиво привлекать к агитационно-пропагандистской работе командиров полков, батальонов, рот. Перед ними была поставлена задача регулярно выступать перед личным составом с лекциями и докладами, организовывать беседы. Естественно, мы, работники политотдела, помогали им определить тему в соответствии с обстановкой, решаемыми задачами, подготовиться, подобрать необходимый материал.

На первых порах не все шло гладко, некоторые командиры не очень-то охотно брались за дело, выискивали различные причины, чтобы избежать выступления. И только потом, когда лекции, доклады, беседы командиров вошли, как говорится, в систему, стало легче работать - некоторые из них сами приходили с просьбой порекомендовать тему для лекции или доклада.

Так было, например, с командиром полка Денисом Семеновичем Хороленко. Когда я завел с ним разговор о необходимости чаще выступать перед личным составом, он скептически улыбнулся:

- Считаете, что мне больше заняться нечем? У меня и минуты свободной нет. К тому же зачем хлеб у политработников отнимать? Каждый должен делать свое дело и за него отвечать...

- Это верно, - согласился я. - Каждый должен отвечать за порученное ему дело. Только ведь и вас никто не освобождал от обязанностей воспитывать подчиненных. Что, как говорится, посеешь, то и пожнешь. А время на подготовку к выступлению при желании всегда можно найти.

Командир полка продолжал упорствовать, с жаром доказывал, что дело командира - командовать, обучать подчиненных мастерству воевать, смелости, решительности...

- И быть примером для подчиненных, - вставил я и продолжил: - Почему офицеры полка так неохотно выступают перед подчиненными? А ведь некоторые из них обладают даром пропагандистов. Их слово могло быть ярким, мобилизующим. Спросил недавно одного командира роты: почему ни разу не побеседовал с личным составом? В ответ: "О чем?" - "Ну хотя бы о том, в чем источник силы и могущества нашей армии. Слышал, как убедительно, интересно говорили вы об этом со своими товарищами. Вот так бы и со всей ротой". Знаете, что он ответил? "Нам полковой командир больше знает и говорить умеет убедительно, да и то не выступает. А что уж я?"

- Кто же это такой умник? - засмеялся командир полка и, зная, что я все равно не назову фамилию офицера, сказал: - Собственно, это неважно. Однако подумать есть о чем. А какую тему вы предложили бы мне обмозговать на первый раз?

Мы условились, что Хороленко подготовит доклад об источниках могущества Красной Армии и выступит с ним перед офицерами полка. А несколькими днями позже в политотделе собрались все командиры полков, их заместители по политчасти, чтобы поговорить о том, как сделать устную пропаганду и агитацию более действенной, целенаправленной и эффективной. Особенно теперь, в период подготовки к штурму Днепра, когда от личного состава требовалось напряжение всех духовных и физических сил.

Вопрос обсуждали в сложнейшие периоды боевых действий, командиры самых высоких рангов находили возможность регулярно выступать перед личным составом, рассказывать ему об освободительной миссии Красной Армии, об истоках мужества и героизма советских воинов, о положении на фронтах, о задачах дивизии.

Слушая выступавших, я вспоминал бои под Сталинградом. Обстановка тогда действительно была напряженная, сложная, но и тогда командующий армией генерал М. С. Шумилов, начальник штаба генерал И. А. Ласкин, другие офицеры штаба армии считали за правило при любом удобном случае побеседовать с личным составом, ответить на вопросы людей, ободрить их. Чаще всего такие беседы проходили экспромтом, но иногда к ним готовились обстоятельно. И в том, и в другом случае они приносили неоценимую пользу, мобилизующе действовали на личный состав.

Как-то после одной из таких встреч с бойцами и командирами в полку Михаил Степанович возвратился в штаб в приподнятом настроении и поделился со мной:

- С такими людьми мы не имеем права проигрывать ни одно сражение. Слышали бы вы, как они говорят о долге, о чести советского бойца, сколько решительности, веры в победу в их высказываниях! Наши воины хорошо знают, за что они идут на смертельный бой с врагом, глубоко сознают, что они отстаивают. Они дерутся за себя и за Родину. За свою семью и за Родину. За свое счастье и за счастье Родины. Таких людей не сломить!..

Мне было приятно сознавать, что командарм ни разу не ответил отказом на предложение выступить с лекцией или докладом перед той или иной аудиторией, находил в этом моральное удовлетворение. Еще приятнее оттого, что М. С. Шумилов сам искал встреч с людьми, нес в массы воинов партийное слово. При любом удобном случае я ставил командующего в пример другим командирам, политработникам, пытающимся оправдать свою слабую пропагандистскую активность недостатком времени, сложностью обстановки.

Добрые слова хочется сказать и в адрес начальника штаба армии генерала И. А. Ласкина. Может, это прозвучит и несколько высокопарно, но Ивана Андреевича я считал прирожденным пропагандистом, агитатором. В обычной обстановке он казался несколько замкнутым, не очень-то разговорчивым, кое-кто считал его даже сухарем. Но когда он беседовал с офицерами или бойцами, заметно преображался, находил яркие, душевные, убедительные слова. Не раз мне доводилось быть свидетелем и участником таких бесед, слушать Ивана Андреевича и как докладчика на партийных собраниях, и как лектора, и всегда ловил себя на мысли, что завидую его умению говорить просто, доходчиво, аргументированно.

Вспоминаю один эпизод, который, по моему мнению, ярко характеризует Ивана Андреевича как человека, не только высоко ценившего политработу, но и любившего ее. Как-то мы подыскивали кандидатуру лектора, который сумел бы ярко и убедительно рассказать о трудовом героизме советских людей в тылу, снабжающих фронт современной техникой и оружием, сумевших в наисложнейших условиях военного времени дать армии и флоту все необходимое для успешного ведения боевых действий. После соответствующего обсуждения было решено поручить подготовить лекцию одному из офицеров штаба. Узнав об этом, Иван Андреевич зашел ко мне. Поговорили о делах насущных, а Ласкин как бы мимоходом спросил:

- Можно расценивать как недоверие? - Заметив мое недоумение, улыбнулся: - Шучу. Но лекцию, конечно, мог и я подготовить и выступить с ней. Материала у меня достаточно.

Общение с Ласкиным многому научило меня и как политработника - он всегда в любых условиях определял главную задачу, на решении которой необходимо было сосредоточить основное внимание, направить усилия политических работников, партийного и комсомольского актива, быстро ориентировался в обстановке, в каждом, казалось бы, малозначащем факте умел увидеть политический смысл. Склонный к глубокому анализу, обобщениям, он не раз тактично, без навязчивости высказывал свои мысли, которые затем ложились в основу проведенных политработниками мероприятий.

Вот один из примеров. После завершения Сталинградской битвы, естественно, все мы находились в том состоявши, когда человеку, выдержавшему тяжелые испытания, кажется, что теперь ему сам черт не страшен. Мы еще раз убедились в своей силе, в несокрушимой мощи нашей армии, поняли, что наступил переломный период и теперь враг не в состоянии выдерживать наш натиск. Но мы понимали и другое: фашист еще силен и

драться он будет еще ожесточеннее. Понимали, да не все.

Как-то вечером Ласкин зашел ко мне и, как обычно, поинтересовался, каково настроение личного состава дивизии. Я только что вернулся из подразделений и рассказал Ивану Андреевичу о беседах с людьми, рвущимися в бой, о том воодушевлении, которое вызвала у личного состава победа под Сталинградом, и для убедительности сослался на беседу агитатора сержанта И. В. Борискина, которую тот проводил во взводе автоматчиков. Речь шла о зверствах, творимых фашистами на оккупированной территории, о долге воинов отомстить врагу за поруганную честь советских людей, о их мужестве и храбрости. Рассказал агитатор и о главных делах своих друзей-однополчан, отметив в заключение, что враг теперь не опомнится ют поражения, будет бит повсюду и везде.

Наблюдая за Ласкиным, чувствовал, что мой рассказ не производит на него впечатления, точнее - производит, но не такое, на какое я рассчитывал.

- Да-а... - неопределенно протянул он, когда я закончил рассказ. - Я вот тоже разговаривал с некоторыми командирами, красноармейцами. Это хорошо, что они гордятся нашими боевыми успехами. Но как бы не заслонила эта гордость главного: ненависти к врагу, сознания того, что впереди долгая и тяжелая война, что расслабляться нельзя ни на секунду. Боевой настрой у людей надо поддерживать всеми средствами.

После разговора с Иваном Андреевичем я как-то по-иному посмотрел на содержание проводимой работы - с точки зрения злободневности, остроты ее, нацеленности на воспитание у личного состава готовности к новым боям. И увидел, что необходимо кое-что корректировать.

В те же дни мы собрали работников политорганов, замполитов полков и обсудили вопросы, связанные с повышением эффективности пропагандистской, агитационной работы, приданием ей наибольшей остроты, укреплением связи с задачами, решаемыми армией, дивизиями, полками, каждым подразделением. Естественно, обсуждая этот вопрос, нельзя было обойти анализ практики обучения и воспитания агитаторов взводов, отделений, расчетов. Нужно отметить, что их роль в идейно-воспитательной работе трудно переоценить. Это был довольно многочисленный отряд коммунистов, равномерно распределенных по подразделениям. Они личным примером влияли на воинов, проявляя мужество и стойкость в боях, высокую дисциплинированность. Вместе с тем проводили и активную агитацию.

В период самых жестоких боев под Сталинградом и позже не

было случая, чтобы кто-то из агитаторов проявил трусость, нерешительность, неорганизованность или расхлябанность. Были и такие случаи, когда они заменяли погибших или раненых политруков. Им доверяли самые сложные и ответственные задания.

Так, агитатор разведроты С. Т. Крылов в самый ответственный момент (командир взвода был убит), когда фашисты, казалось бы, совсем овладели позицией, которую занимал взвод, с криком "За мной!" бросился в атаку. За ним последовали и другие бойцы, В рукопашной схватке Крылов уничтожил несколько гитлеровцев. Смело и упорно дрались воины взвода. И только когда фашисты отступили, появилась свободная минута. Агитатор подходил к каждому воину, интересовался его самочувствием, говорил, что надо держаться, что гитлеровец смелый, когда видит перед собой слабых, а вот встретил достойный отпор и притих. И как же воины были благодарны этому уже немолодому, выдержанному, неторопливому в словах человеку, от которого веяло спокойствием и верой в победу над врагом! У них прибавлялось сил и уверенности в том, что выстоят, осилят фашистов! И они выстояли, хотя и многих недосчитались.

Агитаторы взводов, отделений, расчетов чудом находили время, чтобы побеседовать с воинами, передать им сообщения Совинформбюро, напомнить о требованиях военной присяги и уставов. Эти люди хорошо знали настроения, думы и чаяния товарищей, быстрее, чем кто-либо могли найти подход к каждому воину, повлиять на него. Недаром их любовно называли комиссарами взводов.

Естественно, и эти люди требовали постоянного внимания к ним, помощи, советов и рекомендаций опытных политработников. Мы добивались от замполитов батальонов, чтобы они держали деятельность агитаторов в центре внимания, обобщали и распространяли передовой опыт, инструктировали их, снабжали оперативным материалом для бесед...

Совещание, проводимое с работниками политорганов, замполитами полков преследовало ту же цель: еще выше поднять активность агитаторов, всех коммунистов в воспитании у воинов высокой бдительности, стремления воевать мужественно и умело. На совещании выступили многие политработники, высказывали свое мнение, делились опытом. Решение приняли: всеми формами партийно-политической и агитационно-массовой работы развивать у личного состава боевой наступательный дух, еще целеустремленнее и убедительнее воспитывать у воинов священную ненависть к врагу, умело используя для этого

кинофильмы, листовки, рассказы очевидцев зверств фашистов, встречи с делегациями, приезжающими из тыла на фронт.

...После совещания я зашел к Хороленко. Увидел его сидящим за столом, заваленным книгами.

- Вот задали мне задачку, - сетовал он. - Не так-то это просто выступать перед людьми. Да и тема очень серьезная...

- Тема хорошая. Главное - вам есть что сказать, есть живые и очень убедительные примеры массового героизма личного состава полка. Вот об этом и попробуйте поразмышлять. Красная Армия - это и ваш полк. Главный источник ее могущества - люди, такие, как в вашем полку, воспитанные нашей партией. Они решают исход любого боя.

Вместе обговорили, как лучше построить выступление, какие факты, примеры использовать, на что обратить особое внимание. Мне понравилась заинтересованность, с которой Хороленко обсуждал будущее выступление чувствовалось, что он "загорелся" данным ему поручением, а это, естественно, принесло успех.

Совещание, если можно тан выразиться, всколыхнуло и других командиров, развернулось среди них своего рода соревнование - один не хотел отставать от другого. С просьбой поручить выступить перед личным составом с какой-нибудь лекцией обратился командир 225-го гвардейского полка гвардии майор П. А. Плешков. Это, конечно, обрадовало, но и вызвало у меня вопрос.

- Почему, собственно, вам надо это поручать? И почему обязательно необходимо выступать перед большой аудиторией? - спросил я. - Вы знаете личный состав полка, что его волнует, интересует, знаете обстановку, всегда находитесь в гуще воинов. Используйте возможность поговорить по душам пусть даже с маленькой группой воинов.

Это не менее ценно, чем заранее подготовленное выступление.

Плешков согласился со мной. И позже я не раз видел его беседующим с воинами в блиндажах и окопах. Особенно когда ему пришлось формировать отряд, которому предстояло первым переправиться через Днепр. Он разъяснял бойцам сложность поставленной перед ними задачи, подчеркивал ее важность, давал советы, как лучше действовать. И по тому, как воины слушали командира, по их реакции нетрудно было определить, как важно и своевременно это одобряющее слово командира-коммуниста.

Нет нужды говорить о том, что жили мы во фронтовых условиях жизнью крайне напряженной, общей заботой как можно успешнее бить врага. Избавляло ли это от учебы, от необходимости повышать политические знания, расширять свой

кругозор. Отнюдь нет! Наоборот, совершенствовать знания требовалось еще интенсивнее. Необходимо было читать ленинские произведения, текущие политические издания, следить и за новинками художественной литературы. Без глубоких знаний, которые пополняются ежедневно, политработнику, да и любому офицеру, просто не обойтись. Естественно, поэтому, что идейно-политической закалке кадров мы уделяли постоянное внимание. Даже в такой напряженный период, как подготовка к форсированию Днепра. И нужно сказать, что командиры, политработники, все офицеры относились к этому делу со всей серьезностью. Бывало, зайдешь в блиндаж и непременно увидишь, как тот или иной офицер, примостившись в уголке, читает книгу. На коленях блокнот, в котором делает записи.

Настойчивая самостоятельная работа над книгой, газетой, документами, поступающими в дивизию, углубление политических знаний незамедлительно и положительно сказывались и на служебной деятельности офицера, и на его общественной работе, воспитании подчиненных. Мог бы назвать десятки таких офицеров. Но скажу лишь об одном из них, Герое Советского Союза Иване Алексеевиче Григорове - командире взвода. Этот человек, весьма целеустремленный, требовательный, особенно к себе, удивлял всех тем, что как бы ни уставал, каким бы трудным ни был у него день, а отдых коротким, обязательно отводил несколько минут на чтение. И когда ему поручалось организовать беседу с волнами, мы знали, что сделает он это успешно. Особенно запомнилось его выступление на партийно-комсомольском собрании с повесткой "Боевую задачу выполним, Днепр форсируем, плацдарм завоюем и удержим":

- Мы знаем, что идем на трудное задание, может быть, на смерть. Но мы знаем также, что от нас, от наших действий зависит успех операции. Мы знаем также, что наши действия, наш успех могут сохранить жизнь сотням товарищей бойцам и командирам. Мы идем на задание с полной уверенностью в победе...

Я всегда относился с уважением к коммунистам, всем офицерам, которые не жалеют сил для совершенствования политических знаний. А на фронте они вызывали у меня особое чувство. Именно они были надежными и умелыми помощниками командиров, политработников в воспитании личного состава. И как правило, именно они показывали образец мужества, дисциплинированности, воинского мастерства. Таким был старший лейтенант Г. П. Кузнецов - один из лучших командиров рот, любимец бойцов. Мне доводилось встречаться с

командирами, имеющими разный стиль руководства. Некоторые в обращении с подчиненными допускали окрик, нервные вспышки, неуважительность. Преобладали же командиры волевые, решительные, тактичные. Они относились к подчиненным с уважением, любовью, разговаривали спокойно, вызывая у собеседника уверенность в себе, в своих силах, пробуждая инициативу, укрепляя готовность в трудный момент брать ответственность на себя. К таким командирам относился и Кузнецов. Эти замечательные качества дополнялись и его широкой эрудицией, начитанностью. С ним было интересно и приятно беседовать. Как ни странно может показаться, но с ним в дни затишья между боями мы не раз обсуждали книги, кинофильмы. Он иногда признавался:

- Хочется больше читать, но очень мало времени остается для этого. - В слово "читать" он вкладывал понятие не только о художественной литературе, но и о трудах по философии, экономике.

Я уже отмечал, что период накануне форсирования Днепра был весьма напряженным, времени на все не хватало. А сделать требовалось много. Именно поэтому мы решили обсудить в политотделе не только четкий план дальнейших действий, но и поговорить о том, какие формы политработы целесообразнее использовать в этой обстановке. На совещание пришел и командир дивизии А. В. Скворцов. Он молча слушал высказывания работников политотдела, что-то записывал в блокнот. А предложений было немало, и, как мне казалось, интересных, продуманных, многие из которых были внедрены в практику работы не только политотдела, но и политработников полков, батальонов.

Интересным, скажем, было предложение снабдить каждого агитатора копиями писем, поступивших в дивизию с заводов, из колхозов и совхозов, институтов и школ и даже из детских садов. В них, в этих письмах, - душа нашего народа, думы и чаяния, настроение, в них - требование бить фашистов, гнать до самого Берлина. Писем таких было много: из Москвы и Свердловска, Куйбышева и Новосибирска, из деревень, название которых я и не запомнил. Нельзя было не согласиться, что подобные письма имеют огромное воспитательное, мобилизующее значение. Скажу, что это предложение мы реализовали. Письма зачитывались в окопах, в перерывах между занятиями и тренировками. О том, какой они получали отзвук, можно судить по письму, написанному бойцами разведывательной группы в ответ на наказ рабочих-свердловчан драться смело, мужественно, не жалея сил и самой жизни.

"Спасибо за все, что вы делаете для нас, - писали воины. - За ваш героический труд, за веру в нас. Мы будем драться, пока руки держат оружие, пока жив хоть один гитлеровец..."

Важным было и предложение организовать во взводах беседы "Наш командир". В них предполагалось участие агитаторов взводов, политработников, комсомольского актива. Кстати сказать, это форма воспитания у воинов любви к командиру активно использовалась нами и ранее, на всех этапах боевых действий. Должен отметить, что ее эффективность, эмоциональность доказаны жизнью. И в эти дни мне доводилось быть свидетелем живого и интересного обмена мнениями. Как правило, политработник или агитатор рассказывал о своем командире: откуда он родом, из какой семьи, где и как работал или учился до войны, в чем особенно проявил себя, как действовал в бою... Затем сами воины говорили о том, что особенно ценят в командире, что хотели бы взять в пример, почему верят в него. И если раньше кто-то и мог еще сомневаться в полезности этого дела, - мол, не подорвет ли это авторитет единоначальника, то вскоре убедились, что не только не подрывает, а, наоборот, укрепляет этот авторитет. Бойцы узнавали о своем командире много такого, что вызывало гордость за него, веру в него. Ведь большинство из них прошли с дивизией большой путь, участвовали в кровопролитных боях, дрались геройски и имели немало наград.

Одобрено было и предложение помощника начальника политотдела по комсомольской работе провести в комсомольских организациях собрания с повестками дня: "Железная воинская дисциплина и самоотверженность в бою важнейшие условия победы", "Драться геройски, насмерть", "Фашистом меньше победа ближе", "Приказ командира - приказ Родины". С докладами на этих собраниях выступали командиры полков, батальонов, политработники. В одной из рот выступил командир дивизии.

В конце совещания взял слово Александр Васильевич Скворцов. Он внимательно оглядел собравшихся, улыбнулся:

- Признаюсь, мне по душе ваша инициативность, стремление охватить влиянием каждого воина. Мы не первый месяц воюем вместе и, думаю, изучили друг друга, знаем, кто и чего стоит. Так вот, у меня о каждом из вас хорошее мнение, делаете вы большое и нужное дело, которое в обычных условиях сразу то и не оценишь, а на фронте... Тут иначе. Прошел бой, и уже можно твердо сказать о том, как мы с вами поработали.

Сейчас мы находимся накануне события, которое оценит нашу работу по высокой мере. Решим успешно труднейшую задачу, форсируем Днепр, удержимся на том берегу - честь нам и

хвала, значит, все делали, как надо. А если... Впрочем, никакого "если" быть не может. - Скворцов помолчал, снова посмотрел на каждого из нас: - Предложения, высказанные товарищами, одобряю. Только, пожалуйста, не увлекайтесь масштабами. Поставьте в центр внимания человека. Так диктует обстановка. Я не против массовых бесед, собраний, митингов. Удастся организовать - организуйте. Но хочу посоветовать: не забудьте об отдельном бойце. У нас есть воины, давно не получающие писем из дому. Разве они не заслуживают особого внимания, чуткого и доброго слова? К нам вот-вот придут новички. Как их встретить, что сказать, как настроить - это ведь тоже важно! Очень важно! Есть факты, показывающие, что некоторые командиры ослабили внимание к обучению личного состава, на них необходимо повлиять и по политической линии. Мог бы назвать и ряд других вопросов, решение которых невозможно без вашего участия, без вашего влияния...

Это было еще одно доказательство того, как высоко ценил комдив партполитработу, какое огромное значение придавал ей, насколько точно, безошибочно улавливал он все ее тонкости. В принципе, в его сравнительно коротком выступлении была изложена целая программа нашей работы, причем с учетом условий и обстановки. И мы внесли коррективы в свою практическую деятельность, на решение поставленных перед нами задач нацелили политработников, партийный и комсомольский актив.

Воинов, не получающих писем из дому, мы сразу же взяли на учет. Уже на другой день мне дали длинный список. Просматривая его, я поинтересовался, как настроение этих людей, почему потеряна их связь с домом, кто и о чем беседовал с ними. Причина в основном была в том, что родители, родные остались в оккупации. А у некоторых отец, мать, братья, сестры были казнены фашистами или угнаны в Германию. С бойцами, конечно, побеседовали, как могли, ободрили. Но как же трудно говорить на подобные темы! Разве можно измерить горе такого человека! Какие надо слова, чтобы успокоить его! И все-таки участливость, внимание командиров, товарищей несколько заглушило их боль.

Вскоре к нам прибыло пополнение. И как же пригодилось предупреждение комдива - быть готовым к этому событию. Мы знали, что состав новобранцев и по возрасту, и по уровню военной, политической подготовки далеко не однороден. Было решено прибывающие команды сразу в полки не направлять, а оставить на некоторое время в тылу дивизии с тем, чтобы лучше изучить людей, подготовить их к службе, к боям, хотя

возможности для этого были весьма и весьма ограничены.

Встречали воинов тепло. Перед ними выступил командир дивизии, поздравил их с прибытием, пожелал успехов в освоении науки побеждать, выразил надежду в том, что уже вскоре увидит их в числе опытных воинов. Я коротко рассказал о дивизии, ее боевом пути, напомнил, что прибыли они в напряженный и очень ответственный период, что осваивать азы службы придется в боях, что у них есть с кого брать пример, что им помогут быстрее стать в наш общий строй.

Как и планировалось, с новичками провели беседы командиры взводов, агитаторы. Темы самые различные: "Дисциплина, организованность и стойкость залог победы в бою", "Свято выполнять требования военной присяги, приказы командиров", "Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет" и другие.

Поставить в центр внимания человека... Это требование комдива, которое он не уставал напоминать, мне знакомо было с первых дней нашей совместной службы. Собственно, в нем ничего нового, казалось бы, не увидеть. Партия всегда учила нас, офицеров, и особенно политработников, в любом деле видеть прежде всего человека, заботиться о нем. Это мы впитали, как говорится, с молоком матери. Но на фронте, в период жестоких боев, кое-кто начинал забывать об этом требовании партии: не до человека, мол, в таких условиях, главное - победить. А победить без мужества, героизма людей нельзя. Мужество и героизм же проявляют люди, когда они идейно закалены, когда о них проявляется отеческая забота.

И в период подготовки к форсированию Днепра, и раньше, и позже я постоянно напоминал работникам политотдела, политработникам частей, партийному и комсомольскому активу о том, чтобы, решая тот или иной вопрос, непременно думали прежде всего о людях, проявляли к ним максимум внимания,

Как-то один из работников политотдела (фамилию его называть сейчас нет необходимости) зашел ко мне после довольно продолжительного пребывания в стрелковой роте, чтобы доложить о проделанной там работе. Говорил он много и вдохновенно чувствовалось, что собой доволен и считает задание выполненным блестяще. И действительно, офицеру удалось многое, если судить по его словам. Чем только не пришлось ему заниматься: и инструктировать комсомольский актив, и проводить беседу с агитаторами, и участвовать в работе партийного собрания, совещания сержантов, организовывать пропаганду опыта бойцов, отличившихся в предыдущих боях, выступать с докладом перед ветеранами роты... Короче говоря,

времени напрасно человек не терял. Для большей убедительности стал рассказывать о том, как присутствовал на занятии по изучению теории и практики стрельбы из пулемета, проводимом о молодыми воинами, как пришлось отчитать командира отделения за плохое содержание оружия.

Я терпеливо выслушал доклад. Закончив говорить, офицер выжидающе смотрел на меня и ждал оценки своих действий.

- Скажите, а сколько человек из роты находится в лазарете? - спросил я.

- В лазарете? А при чем тут лазарет? - удивился офицер. - Это не входит в мои обязанности.

- Ошибаетесь, входит. В роте плохо заботятся о людях: об их жилье, питании, одежде. Такие сигналы дошли до командира дивизии, а вы были в роте и не увидели этого. Жаль! А ведь боевая готовность роты находится в прямой зависимости от заботы о людях. Да и наша с вами первейшая обязанность глубоко вникать в это дело, знать, как живут люди. А что там случилось с сержантом Суровым?

Офицер пожал плечами:

- Не знаю такого.

- Это один из лучших младших командиров роты, прошел с ней путь от Сталинграда, награжден орденом...

- Да... Мне что-то говорили... Но вроде бы у него что-то того, с головой...

- Не "того", а, как говорят врачи, депрессивное состояние. Уверяют, что это пройдет, уже проходит. А вы знаете, почему все произошло?

Офицер стоял в полной растерянности.

- У сержанта фашисты повесили жену и убили двоих детей. Об этом вам следовало знать и обязательно побывать у него...

Этот факт послужил основой для серьезного разговора на совещании работников политотдела, дал повод для обсуждения стиля нашей работы в частях и подразделениях. Пришлось еще раз напомнить офицерам: прибыл в часть прежде всего поинтересуйся, чем живут бойцы и командиры, что тревожит их, каковы их пожелания, побеседуй с каждым и, если потребуется, помоги, помни, что на тебя смотрят как на работника политотдела и ждут от тебя конкретной помощи, а не только указаний. Такой стиль работы мы утверждаем всеми силами и постоянно.

О ходе форсирования Днепра, о массовом героизме воинов при проведении этой сложной и важной операции я рассказывал в предыдущей главе. Но хочется отметить, что подготовка к ней, к напряженным боям началась задолго до нее. Не ошибусь, если

скажу, что подготовкой к такому испытанию были и предшествующие бои, переходы, марши, в которых люди мужали, приобретали опыт, мастерство, закалялись идейно, нравственно, физически. Мы, политработники, организуя и проводя идейно-воспитательную, агитационно-массовую работу, ни на минуту не забывали о том, что готовим людей к серьезным испытаниям. Хорошо об этом сказал комдив А. В. Скворцов, когда после присвоения ему звания Героя Советского Союза мы беседовали с ним:

- Герой не я, герой - вся дивизия. Она совершила подвиг. Совершила, потому что была подготовлена к нему. Да и те годы напряженной и целеустремленной воспитательной работы командиров, политработников не пропали даром. Хочу от души поблагодарить всех вас.

Да, решая сложные задачи, участвуя в смертельных боях, теряя людей, мы думали не только о том, как победить сегодня, в этом сражении, но и о будущем, о том, как готовить людей к предстоящим испытаниям. И готовили. Политработник не может жить одним днем. Он воспитывает человека и для настоящего, и для будущего.

Взять хотя бы такое направление в нашей работе, вернее - один ее участок: воспитание у личного состава чувства взаимопомощи, взаимовыручки. Вопрос весьма сложный и жизненно важный. Любому факту, даже незначительному, проявления неуважения к сослуживцу, высокомерия, чванства, нежелания помочь товарищу, поделиться с ним последним мы придавали очень серьезное значение, добивались, чтобы он был осужден всем коллективом. И активно пропагандировали, поднимали на щит тех, кто не жалел сил и времени, чтобы во всем помочь товарищу, разделить с ним радость и горе.

Крепкая воинская дружба во все времена делала армейский коллектив более боеспособным, монолитным. В сплоченном коллективе и служится лучше, и дышится свободнее. Еще В. И. Ленин указывал, что "мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: "каждый за себя, один бог за всех"... Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: "все за одного и один за всех..."{3}. В сплоченности, во взаимной помощи и поддержке, в дружбе сила любого коллектива.

Прививая воинам чувство дружбы, взаимопомощи, взаимовыручки в бою, мы одновременно воспитывали у них любовь к своей дивизии, ее славным традициям, одной из которых была нерушимая дружба воинов разных национальностей.

В этой работе использовались самые различные формы. На инструктаже политработников мы рекомендовали активнее использовать вечера дружбы, на которых воины из различных республик и автономных областей рассказывали о жизни, быте, обычаях своих земляков, выпускали листовки-молнии, рассказывающие о шефстве опытных бойцов над молодыми, встречи с делегациями Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и других республик, которые довольно часто посещали нас, коллективное чтение статей из газет, в том числе и дивизионной, в которых приводились волнующие примеры братства воинов, взаимовыручки. Короче говоря, форм существует немало, и многие из них нашли "прописку" у нас.

Основное внимание мы обращали на активную пропаганду конкретных фактов настоящей воинской дружбы и взаимовыручки. Например, в отделении сержанта Е. Н. Носова служили воины шести национальностей. Это была крепкая семья, в которой каждый делился последним куском хлеба, последним глотком воды. В одном из боев был тяжело ранен рядовой И. Хусаинов. Видя, как туго приходится его товарищам, он категорически отказался идти в лазарет и продолжал сражаться, превозмогая боль.

А сколько таких примеров давала жизнь, когда бойцы в критическую минуту грудью прикрывали командиров, товарищей и, спасая им жизнь, погибали сами. Каждый такой пример через газету, в беседах агитаторов, на политических занятиях мы доводили до сознания воинов.

Огласке, обсуждению подлежали и отрицательные факты. Когда, например, опытный боец С. Хорев отказался помочь молодому солдату И. Павлюку быстрее изучить миномет, да еще неуважительно высказался в его адрес, этот случай сразу же обсудили во взводе, в роте, напомнили Хореву, что завтра ему вместе с Павлюком придется идти в бой, что неизвестно, как там сложится обстановка, и не исключено, что может понадобиться помощь Павлюка. Как он тогда поступит? Хореву пришлось покраснеть перед товарищами, он заверил их, что подобное больше не повторится.

Понимаю, что сами боевые условия, когда находишься между жизнью и смертью, когда от товарища нередко зависит, останешься ли ты жив, влияют на сплочение коллектива, на укрепление дружбы. Но и все то, что делалось для этого командирами, политработниками, нельзя недооценивать. Как нельзя недооценивать и само значение этой работы. Ведь и тогда находились товарищи, которые доказывали, что забота о сплочении воинских коллективов, работа в этом направлении -

дело совершенно не нужное: война, мол, сама сплотит людей, опасность заставляет иметь друга. Ошибочное мнение. Настоящая дружба, воспитанная на уважении друг к другу, а не на страхе за свою жизнь и в надежде лишь на помощь сослуживца, закаленная в общей борьбе за общее дело, основанная на принципах равноправия, взаимного уважения, общности интересов, нужна постоянно: и в боевых условиях, и в мирное время.

Итак, закончилась Днепровская операция. На передышку времени нет. Вечером меня пригласил к себе комдив. Когда я зашел к нему, там уже находились командиры полков. Они что-то оживленно обсуждали. Александр Васильевич подошел ко мне.

- Ну что, будем двигаться вперед? С каждым шагом ближе к Берлину. Давайте готовить людей к новым боям.

Мы тогда еще не знали, какие трудные испытания нас ждут. А они были уже рядом.

Глава седьмая

На кировоградском направлении

27 октября 1943 года наша дивизия сосредоточилась в районе Ивановка, Райполе, а на следующий день получила приказ командира корпуса в 6 часов перейти в решительное наступление в направлении Петрово, Чечелевка, Водяно, Верблюжка, чтобы к исходу дня овладеть рубежом Любо, Надеждовка, Тарасовка. В назначенное время полки, успешно продвигаясь, к 16 часам вышли на восточные окраины Верблюжки и Сережкино. Штаб дивизии находился в селе Петрово, а наблюдательный пункт командира дивизии на высоте, что в восьми километрах западнее.

Вечером обстановка резко осложнилась. Противник в районе Кривого Рога контратаковал крупными силами наши соединения и вынудил их отступить. Развивая успех, он наносил удар по левому флангу 7-й гвардейской армии, наступавшей в направлении Кировограда, и мог выйти ей в тыл.

Таким образом, успешное на первых порах наступление было сорвано. Противник после интенсивной бомбардировки наших боевых порядков и тылов вклинился в стыке 78-й и 73-й гвардейских дивизий, и к 18 часам 29 октября танки дивизии СС "Великая Германия" и пехота появились у наблюдательного пункта генерала А. В. Скворцова. Проводная связь с полками была прервана. Управление ими осуществлялось только по радио.

225-й гвардейский полк, захвативший восточную часть села Верблюжка, был атакован 30 танками противника и окружен. О сложившейся обстановке было немедленно доложено командиру корпуса генералу Г. Б. Сафиулину и командующему армией.

Генерал М. С. Шумилов приказал 78-й и 73-й гвардейским дивизиям активными боевыми действиями остановить

продвижение противника и к 22 часам 29 октября занять прочную оборону по высотам, расположенным в 3-4 километрах западнее и юго-западнее села Петрово, надежно прикрыть левый фланг армии. Он потребовал - выдвинуть армейский артиллерийский противотанковый полк на направление танковых атак врага. Генерал Скворцов отдал приказ 223-му и 228-му полкам с приданной им артиллерией прекратить продвижение вперед и массированным огнем остановить наступление противника. 225-му гвардейскому полку следовало занять круговую оборону. Его должны были поддержать огнем артгруппа корпуса и истребительный противотанковый артиллерийский полк армейского подчинения,

С учетом обстановки в помощь штабам и командирам частей были направлены офицеры штаба и политотдела дивизии. Их задача - вывести полки на участки обороны, оказать помощь командирам батальонов и рот, занять оборону в указанных районах, обеспечить бойцов горячей пищей, разъяснить сложившуюся обстановку и довести боевую задачу до каждого воина.

Танки противника, прорвавшиеся к наблюдательному пункту командира дивизии, были остановлены противотанковым дивизионом и третьим дивизионом 158-го гвардейского артполка. Они развернули пушки на прямую наводку, открыли прицельный огонь и за короткое время подбили 8 танков.

Вместе с артиллеристами действовали учебный и саперный батальоны и отдельная рота автоматчиков. Саперы 89-го отдельного гвардейского саперного батальона Герои Советского Союза Василий Брынь, Михаил Медведев, Михаил Лысов, Павел Иванушкин, Василий Печенюк и другие под руководством командира батальона Героя Советского Союза Б. К. Гильдунина срочно заминировали подходы к наблюдательному пункту, преградив тем самым путь танкам противника.

В оставшееся светлое время дня тяжелый бой вел с танками противника 225-й гвардейский полк. Командир полка Герой Советского Союза майор П. А. Плешков сумел организовать круговую оборону и продержаться до темноты. Смело и мужественно вели бой, как и все воины полка, артиллеристы 76-миллиметровой батареи старшего лейтенанта И. П. Гуйвы и 45-миллиметровой старшего лейтенанта Н. И. Ячнего. Только командир одного огневого взвода батареи лейтенант Ю. И. Шаповал и командир орудия Герой Советского Союза А. С. Конынаков подбили четыре танка и два бронетранспортера. Но силы были неравными. Враг навалился всей мощью огня и танков на батарейцев, и несколько пушек было раздавлено.

В ночь на 30 октября все части дивизии вышли на участки обороны. Вышел и 225-й, воспользовавшись тем, что танки противника были вынуждены основными силами сосредоточиться юго-восточнее села Верблюжка.

Начались оборонительные бои. Наша авиация и танки действовали на других участках фронта. Воспользовавшись этим, противник безнаказанно бомбил боевые порядки, штабы и тылы 78-й гвардейской. Село Петрово, где находился штаб, было изрыто воронками от бомб и снарядов. Противник непрерывно атаковал танками и пехотой наши позиции.

29 октября я находился на наблюдательном пункте командира дивизии. В это время по радио поступило сообщение, что 225-й полк атакуют 30 танков с десантом пехоты. Зная, что в полку много необстрелянных солдат и командиров, комдив приказал мне направиться туда. Поехал по проселочной дороге, которая переваливала через очень крутую горушку. Что находилось за ней - мне не было видно. Как только машина выскочила на ее вершину, мы с водителем В. Колениченко увидели, что навстречу нам идет немецкий танк. Пушка его высоко поднята.

Между нами 30-40 метров. Хорошо, что никто из экипажа танка, видимо, не увидел нас. Крикнул Колениченко: "Бери вправо!" Он сделал крутой поворот, и мы скрылись в небольшой балочке. Попытка прорваться к своим в другом месте тоже не удалась. Мы были вынуждены вернуться на наблюдательный пункт дивизии. Но он уже был перенесен в село Петрово. Здесь же я застал лишь политотдельцев: инструктора по партработе майора Л. П. Шрамко, помощника начальника политотдела дивизии по комсомольской работе капитана К. П. Зырянова, агитатора политотдела капитана М. Г. Зотова. Взял их в машину. Вместе поехали разыскивать НП и штаб дивизии.

По пути встретили курсантов учебного батальона, занявших оборону по склону высоты восточнее Александровки, саперов 89-го гвардейского отдельного саперного батальона, ставивших противотанковые мины. Мы остановились, поговорили с командиром майором Д. К. Орлянским, с офицерами подразделения, разъяснили создавшуюся обстановку. Я еще раз напомнил, что задача заключается в том, чтобы противника остановить, дальше этого рубежа не пропускать - таков приказ командующего армией. Оставив в батальоне капитана Зотова и поручив ему вместе с заместителем командира батальона по политической части капитаном И. С. Рябчиковым довести задачу до каждого курсанта и бойца батальона, мы поехали дальше...

Дивизия смогла полностью занять оборону к 10 часам 30

октября. Все атаки фашистов были отбиты, враг был остановлен. Начались, как тогда говорили, бои местного значения. Вместе с тем проходило улучшение оборонительных позиций.

В эти дни в селе Петрово воинам дивизии были вручены награды - Золотые Звезды Героев Советского Союза, ордена и медали. Их получили более тысячи солдат и командиров. Это был незабываемый радостный и волнующий праздник. Состоялись короткие митинги, встречи Героев Советского Союза с бойцами, где были зачитаны поздравительные телеграммы военных советов фронта и армии. Награжденных тепло поздравила наша дивизионка "Боевая красноармейская".

Двадцать шестая годовщина Октябрьской революции была ознаменована победами наших войск почти на всем протяжении огромного фронта с севера до юга нашей Родины. Они продвинулись от Волги до Правобережной Украины, освободили сотни городов, тысячи сел и форсировали самую крупную преграду на пути - Днепр. Красная Армия все дальше отбрасывала на запад немецко-фашистских захватчиков.

Где было возможно, мы провели короткие торжественные собрания. Командиры и политработники прошли по окопам, блиндажам, огневым позициям и поздравили с праздником каждого бойца. Все радиоприемники и рации приняли праздничный приказ № 306 Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, сводку Совинформбюро. Эти документы были зачитаны в подразделениях.

Выл организован праздничный обед. Начальник дивизионного клуба капитан А. К. Пономарев подготовил программу художественной самодеятельности. Ее выступление состоялось на переднем крае обороны - в окопах, блиндажах и на огневых позициях.

Работники политотдела в этот день неотлучно находились в частях. Ночь и день 7 ноября я провел в 225-м гвардейском полку. Было о чем поговорить с личным составом. В боях полк понес потери, только что пополнился новобранцами. Пришла в полк и большая группа нового командного состава. Надо было готовить людей к боям.

...Наступил день прощания с командиром дивизии Александром Васильевичем Скворцовым. Здесь, в дивизии, он командовал полком, затем в июле 1942 года стал ее командиром. Сталинградская битва, битва на Курской дуге, под Белгородом, штурм Харьковского тракторного завода и форсирование Днепра вот славные вехи на пути дивизии, который она прошла под его командованием. 18 декабря 1943 года Герой Советского Союза генерал-майор А. В. Скворцов был откомандирован в

Москву на Высшие курсы, по окончании которых командовал стрелковым корпусом на Дальнем Востоке, участвовал в войне против милитаристской Японии.

Командиром 78-й гвардейской стрелковой дивизии был назначен бывший заместитель командира дивизии гвардии генерал-майор Александр Григорьевич Мотов. Это был грамотный, опытный командир. Мы хорошо знали Мотова, и потому нам не требовалось времени, чтобы, как говорится, сработаться. У нас установились добрые отношения. Мы взаимно поддерживали друг друга, и дела шли хорошо.

18 декабря, в день, когда мы проводили генерал-майора А. В. Скворцова, дивизия перешла в состав 57-й армии.

31 декабря 1943 года дивизия продвинулась вперед и освободила Вершино-Власьевку и Ново-Украинку. Командиры тепло поздравили подчиненных с Новым годом. С поздравлениями и пожеланиями новых успехов в ратных делах обратились ко всему личному составу Военный совет армии и командование дивизии. В ротах и батареях состоялись, насколько позволяла обстановка, праздничные ужины, на которых присутствовали местные жители. В задушевных беседах, рассказах об армейских и крестьянских делах быстро пролетело время. Теплые и сердечные встречи с людьми, много испытавшими за годы войны, навсегда остались в памяти.

Первые дни нового, 1944 года были отмечены затяжными боями. Дивизия оборонялась и вместе с тем совершенствовала, укрепляла свои позиции.

В этот период представилась возможность регулярно собираться вместе всему коллективу политотдела, чтобы обсуждать, анализировать нашу работу, намечать пути ее совершенствования. Как и ранее, беседуя с подчиненными, я старался еще и еще раз напомнить, что наша главная задача добиваться улучшения идейно-воспитательной работы, заботиться, чтобы ни один факт героизма советских воинов не остался незамеченным, формировать у бойцов на этой основе чувство беспредельной любви к Родине, ненависть и врагу, готовность драться с ним до последней капли крови.

Трудно переоценить силу положительного примера. В те дни из окопа в окоп передавалась листовка, выпущенная политотделом. Ее читали, обсуждали, .кое-где даже состоялись небольшие митинги, на которых бойцы с восхищением говорили о мужестве и смелости лейтенанта медицинской службы Галины Ош, заверяли, что в сложной обстановке будут действовать так же героически.

Галина От - ветеран дивизии, прошла вместе с ней большой и

долгий путь, участвовала во многих боях. Это была смелая, решительная девушка. Она личным примером увлекала бойцов санитарного взвода на выполнение заданий в самых сложных условиях, в труднейшей обстановке.

На этот раз вместе с двумя санитарами она прибыла в батальон капитана А. Т. Мищенко, когда тот находился под ураганным обстрелом противника. На узкой ничейной полосе находилось несколько раненых советских бойцов. Добраться к ним было почти невозможно: едва кто-либо пытался это сделать, сразу же попадал под вражеские пули.

Галя вместе с санитарами дважды пробовала пробиться к раненым, и каждый раз фашисты усиленным огнем прижимали всех к земле. Командир батальона посоветовал девушке дождаться темноты и тогда под ее покровом оказать красноармейцам помощь, вынести их в безопасную зону. Но Галина стояла на своем: воины нуждаются в немедленной эвакуации. Обменявшись мнениями с санитарами, она предприняла третью попытку доползти до них. Удалось. И вот уже, не обращая внимания на рвущиеся вокруг мины и снаряды, Галя перевязывает раненых, а санитары переправляют их в безопасное место, где ожидает санитарная повозка. И тут случилось непредвиденное: нагруженная до отказа повозка, направляясь в лазарет, выехала на минное поле. Заметив это, на какую-то долю секунды Галя растерялась, а затем что есть силы закричала ездовому, приказывая остановиться. Но тот не слышал крика. Еще минута-другая - и повозка может взлететь на воздух. И Галя приняла отчаянное, но самоотверженное решение - бросилась через минное поле к повозке и сама наступила на мину. Взрывом ее отбрасывает в сторону. И тут только ездовой сообразил, что ехать по этому пути нельзя, он стал осторожно пробиваться в объезд заминированного участка.

Мы подобрали Галю. Она была жива, но тяжело ранена. Ее отправили в госпиталь.

10 января 1944 года дивизия по приказу командующего 57-й армией сдала свой участок обороны 73-й гвардейской и 52-й стрелковым дивизиям и была выведена во второй эшелон армии. Совершив 20-километровый марш, к 6 часам 11 января сосредоточилась на западной окраине села Верблюжки. В течение десяти дней соприкосновения с противником мы не имели. Личный состав занимался боевой и политической подготовкой, готовясь к наступательным боевым действиям. Это позволило нам, работникам политотдела дивизии, на специальном семинаре обстоятельно изучить и обобщить опыт работы некоторых парторганизаций, а также замполитов первого стрелкового

батальона 225-го гвардейского полка гвардии старшего лейтенанта А. С. Ануфриева и первого дивизиона 158-го артполка гвардии капитана М. Т. Косолапова. Это были зрелые, знающие политработники, и их опыт заслуживал большого внимания.

Роль замполитов батальонов и артдивизионов была велика. Они являлись непосредственными организаторами партийно-политической работы в бою, повседневно руководили парторгами, комсоргами батальонов, парторгами и комсоргами рот, батарей, вникали во все стороны жизни подразделений. Каждому из них надо было уметь организовать партийно-политическую работу в трех стрелковых и минометной ротах, взводах противотанковых ружей и 45-миллиметровых пушек, взводах связи и материального обеспечения. Немало хлопот доставлял и батальонный медицинский пункт. Забота о раненых, их своевременная эвакуация из-под огня противника имели большое значение для укрепления политико-морального состояния личного состава.

Выбор наш не был случайным. Командир артдивизиона И. А. Тернавский в совершенстве звал артиллерийское дело, умело управлял огнем, был требовательным офицером, пользовался уважением и авторитетом у солдат и командиров. Хорошие взаимоотношения сложились у него с заместителем командира по политической части гвардии капитаном М. Т. Косолаповым. Они отлично понимали друг друга, работали согласованно. Естественно, что и дела в дивизионе шли хорошо. Было чему поучиться у этих товарищей.

Иначе складывалась обстановка в первом стрелковом батальоне 225-го гвардейского полка. Командир батальона 23-летний гвардии капитан А. С. Беловицкий обладал характером вспыльчивым, нередко допускал невыдержанность, рисковал там, где это было совершенно излишним. Да и опыта воспитательной работы с личным составом маловато имел. Но был храбр, смел, грамотен. Не раз ему поручалось провести разведку боем, зайти в тыл врага и отрезать ему пути отхода, посадить батальон десантом на танки и внезапно ворваться в стан гитлеровцев и разгромить их. И все эти задания он выполнял успешно.

Его заместитель по политической части - опытный партийный работник гвардии старший лейтенант А. С. Ануфриев отличался от командира выдержанностью, спокойствием. Умелый организатор партийно-политической работы, отлично знавший настроение людей, их думы, радости и печали, он пользовался непререкаемым авторитетом среди личного состава. Ануфриеву не раз в сложнейшей боевой обстановке приходилось брать командование батальоном на себя, и он успешно выполнял

задание. Родина высоко оценила славные боевые дела политработника: он был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени и орденом Отечественной войны II степени.

Собственно, в дивизии было немало политработников, успешно владевших командирскими навыками и в ходе боя, в случае необходимости, смело принимавших командование подразделениями на себя. Таким был и уже упоминавшийся мною замполит первого стрелкового батальона 228-го гвардейского полка капитан Г. Осин, награжденный тремя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского и Красной Звезды.

На семинаре выступили А. С. Ануфриев и М. Т. Косолапов. Они рассказали и о том, как организуют партийно-политическую работу с личным составом. Слушали их внимательно, задавали много вопросов. И уже это говорило о том, что обсуждение представляет интерес.

В перерыве я подошел к стоявшим в сторонке капитану Г. Осия и заместителю командира 223-го гвардейского полка майору А. Клименко. Они о чем-то оживленно беседовали.

- О чем разговор? - поинтересовался я.

- Да вот Клименко интересуется, как мне удалось заслужить столько наград, - весело ответил Осия, тыча себя в грудь. - Ему, видите ли, обидно, что я, участвовавший в стольких боях, остаюсь целехоньким? Обидно, Клименко? Признайтесь, - обращается Осия к майору, и в глазах у него лукавые искорки.

- Скажешь тоже! - смущается Клименко. - При чем тут обида? Просто любопытно.

- Ну если так, то открою "секрет". Все дело в росте. Мал я ростом, фашист никак увидеть меня не может. Юркну в любую норку, и порядок: ищи-свищи меня. А вы, товарищ майор, ростом-то почти два метра. Ляжете бугорок, чуть поднимитесь - высотка, а станете во весь рост телеграфный столб. Это же лучший ориентир для противника. Из солдатского окопа и траншеи вы наполовину видны. В блиндаже вопросительным знаком ходите. По-моему, из-за вас и КП полка страдает, часто под обстрелом артиллерии противника бывает...

Окружившие нас офицеры рассмеялись. Вместе с ними смеялись Клименко и Осия. Так, с хорошим настроением, возвратились на место, чтобы продолжить работу. Здесь же, на семинаре, я напомнил товарищам, что предстоит выполнить ответственную задачу, и попросил подготовить к этому личный состав.

19 и 20 января 1944 года дивизия совершила 62-километровый марш и к утру 21 января снова в составе 7-й

гвардейской армии заняла оборону во втором эшелоне 33-го корпуса в районе Александровка, Николаевка, Чернявка. В течение нескольких дней мы оборудовали позиции и продолжали заниматься боевой и политической подготовкой.

В те дни обстановка на фронтах быстро менялась. 28 января войска 1-го и 2-го Украинских фронтов окружили немецко-фашистские войска в районе Корсунь-Шевченковский. Большое значение для их разгрома имели бои наших войск на внешнем фронте, где противник сосредоточил 8 танковых и 6 пехотных дивизий. Немецкое командование бросило их на помощь окруженным, пытаясь прорвать внешний фронт в районе Ново-Миргорода и Толмача на участке 53-й армии.

Незадолго до этих событий, в полночь на 25 января, части нашей дивизии были подняты по боевой тревоге и, совершив еще один 85-километровый марш (Александровка - Уситняжка - Красносилки - Буртки - Оситняжка), к утру 28 января, ко времени окружения противника в Корсунь-Шевченковском котле, сосредоточились в районе Писаревки. Дивизия вошла в состав 26-го гвардейского корпуса 53-й армии. В пути следования мы получили из запасного полка 2-го Украинского фронта пополнение и во время марша распределили новичков по полкам.

Работники политотдела Штин, Зотов, Шрамко, Кипятков, Зырянов и заместители командиров частей по политической части Клименко, Бечин, Плетень и Шелест провели беседы с бойцами, рассказали им о положении на фронтах, успехах Красной Армии, о боевых традициях дивизии, ее боевом пути и предстоящих задачах. В частях и подразделениях организовали встречу пополнения с опытными воинами, ветеранами дивизии, Героями Советского Союза Василием Брынем, Григорием Комаровым, Павлом Егоровым, Андреем Коныпаковым и другими.

228-й гвардейский полк удерживал высоту 202,9; 225-й гвардейский полк южную окраину села Тишковка; 223-й гвардейский полк - совхоз "Капитоновский", центральную часть Тишковки и высоту 209,4. Противник непрерывно атаковал передний край обороны танками с пехотой или при поддержке авиации. Гром канонады не стихал ни днем ни ночью.

Особенно тяжелые бои развернулись в полосе обороны дивизии с 10 февраля, когда противник подтянул с других направлений новые танковые дивизии. Он яростно атаковал с юго-запада в направлении совхоза "Капитоновский" и Тишковки. Путь ему преградили полковые артиллерийские и минометные батареи гвардии старших лейтенантов Н. И. Ячнева, И. П. Гуйвы и батареи 120-миллиметровых минометов капитана С. А. Куклича, 158-го артполка подполковника М. С. Счетчикова и 81-го

гвардейского отдельного истребительно-противотанкового дивизиона гвардии майора Ф. Дудина. Они подбили 17 танков, 6 самоходно-артиллерийских установок, 9 бронетранспортеров. Противник потерял в этих боях только убитыми более двух тысяч солдат и офицеров, 92 пулемета, 21 миномет, 36 автомашин, много другой боевой техники и вооружения{4}.

В одном из подбитых самоходных орудий у убитого немецкого офицера были найдены документы, среди которых секретный приказ танкистам. В нем говорилось:

"На вашем участке стоит 158-й гвардейский артиллерийский полк, который участвовал в многочисленных сражениях против наших танков. Личный состав полка опытный и при наших атаках ведет себя хладнокровно и безбоязненно. Поэтому танковых атак на его участке без пехоты не производить, а во время атаки с пехотой быть весьма осторожными".

Да, 158-й полк действительно прошел славный путь. За годы войны он уничтожил немало боевой техники и живой силы противника. Бойцы и командиры проявили героизм и мужество и в Корсунь-Шевченковской операции. Вот несколько примеров.

...Разведчик-артиллерист красноармеец Иван Ращупкин вместе с пехотинцами шел в разведку в тыл врага. Он первым ворвался во вражеский блиндаж, лично уничтожил двух солдат противника и участвовал в захвате "языка". Ращупкин был награжден орденом Славы III степени, ему было присвоено звание "гвардии сержант".

...Отбивая очередную атаку врага, командир 45-миллиметрового орудия 223-го гвардейского полка старший сержант Иван Читаев подпустил бронетранспортеры с пехотой на них на 300 метров, вместе с расчетом быстро выкатил орудие из укрытия на прямую наводку и один за другим подбил два бронетранспортера, затем перенес огонь на пехоту и сорвал атаку врага.

...Минометный расчет 120-миллиметровой батареи гвардии старшего сержанта Ивана Сидоренко не раз надежно прикрывал нашу пехоту от яростных атак фашистов еще на Курской дуге, под Белгородом, при штурме Харьковского тракторного завода и на днепровском плацдарме. И на этот раз в самый критический момент, когда фашистская пехота, прикрытая танками, казалось, вот-вот сомнет наши боевые порядки, он открыл огонь из миномета. Его поддержали расчеты И. Зиновьева, И. Астафьева и В. Орлова. Фашисты были отсечены от танков и, понеся большие потери, вынуждены были отступить.

Как-то в перерыве между боями ко мне в блиндаж зашел майор А. Тюрин и сообщил, что разведчики обнаружили на

нейтральной зоне группу советских людей. Он развернул карту и показал место в полосе обороны 223-го гвардейского полка.

- Вот здесь есть подземное укрытие, - сказал он. - В нем они и находятся. Надо их вывести. Утром на этом направлении ожидается танковая атака. Если не выведем, то люди могут погибнуть.

- Ночью обязательно отправьте туда разведчиков, - приказал я майору Тюрину. - Осторожно и незаметно выведите людей.

Ранним утром следующего дня майор привел всю группу в политотдел.

- Принимайте, - весело улыбнулся он. - Теперь у нас будет свой театр.

Смысл этих слов я понял позже, когда побеседовал с пришельцами. Оказалось, что все они артисты одного из театров Украины. В тылу врага актеры проводили разъяснительную работу среди населения. Руководил всем молодой артист Ульянов. За все время нахождения группы в тылу врага никто из ее состава не знал, что Ульянов связан с подпольщиками и по их заданию организует и направляет их работу.

Многие из артистов попросили помочь им вступить в ряды Красной Армии, дать возможность с оружием в руках драться с врагом. Пришлось объяснять, что сделать это мы не вправе. Однако троих оставили у себя, зачислив в ансамбль, созданный при дивизионном клубе. Н. С. Ульянов был назначен художественным руководителем. С его помощью и под его руководством было подготовлено несколько интересных программ, тепло встреченных бойцами и командирами. Ныне Н. С. Ульянов - заслуженный деятель искусств РСФСР, Башкирской АССР, режиссер Калужского драматического театра.

В составе ансамбля осталась и певица Мария Игнатьевна Ванина. Ее выступления приносили много радости бойцам, вдохновляли их на подвиги. Она пела, рискуя жизнью, в окопах, блиндажах, траншеях. Наш ансамбль стал одним из лучших в армии, не раз выступал перед воинами других частей и соединений и пользовался всеобщей любовью...

Бои по ликвидации корсунь-шевченковской группировки врага продолжались до 18 февраля. В их ходе более 55 тысяч фашистских солдат и офицеров было убито и ранено, более 18 тысяч взято в плен{5}.

После успешного завершения операции создались благоприятные условия для дальнейшего наступления наших войск к Южному Бугу и Днестру. Войска 2-го Украинского фронта заняли выгодное положение для нанесения новых сокрушительных ударов по врагу с тем, чтобы совместно с

другими фронтами завершить освобождение Правобережной Украины и выйти на Государственную границу СССР.

Отказавшись от попыток поправить свое положение на Днепре, фашистское командование отдало приказ войскам перейти к обороне, чтобы удержать хотя бы немногие, но очень важные в экономическом и военном отношении районы Правобережной Украины. Советское же командование решило продолжать наступление несмотря на наступившую распутицу. Но прежде чем включиться в эти ожесточенные наступательные бои, наша дивизия 28 февраля передала свой участок обороны 6-й гвардейской дивизии и совершила в условиях весенней распутицы тяжелый, более чем 200-километровый, марш в район своего сосредоточения.

5 марта 1944 года войска 2-го Украинского фронта (ударная группировка, в которой находилась 4-я гвардейская армия, а в ее составе и 78-я гвардейская дивизия) прорвали оборону противника на уманском направлении и, развивая наступление, 10 марта освободили город Умань.

Войска продвигались вперед медленно, с большим трудом. Непролазная грязь, ветер, дождь со снегом, непрерывные бомбежки, артиллерийский обстрел, контратаки танков и пехоты - все это приходилось преодолевать. К тому же тяжелое боевое вооружение и боеприпасы солдаты несли на себе. Пушки сопровождения пехоты везли на волах, лошадях, а иногда катили сами. Шаг 'за шагом, километр за километром. И обогреться негде: отступая, враг уничтожал все. В селах - одни развалины, торчащие трубы печей.

В этих условиях, чтобы поддерживать на высоте боевой дух личного состава, его настроение, политработники частей и работники политотдела дивизии находились в ротах и батареях. Вместе с бойцами они переносили все тяготы боевой жизни, ели из одного солдатского котелка. Они личным примером увлекали бойцов в бой, первыми поднимались в атаку. В минуты же затишья разъясняли обстановку на фронтах, рассказывали об успехах Красной Армии, о героических подвигах бойцов своего подразделения, полка, проявляли заботу о питании и отдыхе личного состава.

Несмотря на трудности, соединение успешно продвигалось вперед, громило врага. В боях теряли мы замечательных людей. Погиб Герой Советского Союза старший сержант Михаил Сергеевич Лысов. Сейчас у школы, названной его именем в селе Каменечье, герою установлен памятник. Его имя носит также средняя школа и улица в станице Холмской на Кубани, где он рос и учился.

Мы форсировали Южный Буг и к 21 часу 22 марта вышли в район Бретовки. В 7 часов 23 марта дивизия вновь перешла в наступление и к 15 часам овладела местечком Кадым, а к исходу дня, преодолевая упорное сопротивление противника, вышла на южную окраину села Лабужное, где и закрепилась.

В 6 часов 24 марта перед соединением была поставлена новая задача наступать в направлении села Поть. К 20 часам этого же дня, выбив противника из временных укреплений, мы вышли на южную окраину хутора Васильевка и села Поть и, преследуя противника, продолжали наступление в южном направлении. К исходу дня 30 марта части дивизии перерезали дорогу, идущую в рыбницу и Гаяны, и к 20 часам 3 апреля вышли к реке Днестр в районе села Журка-Михайловка.

Фашисты с каждым днем сопротивлялись все ожесточеннее, стремясь удержать каждое село, каждую высотку. Нередко они активно контратаковали и наши части, их передовые отряды. И в этих схватках проявлялся героический характер наших воинов. Однажды бойцы 228-го гвардейского полка ворвались в село Михайловка. Враг был захвачен врасплох. В коротком бою гвардейцы уничтожили до двух рот гитлеровцев, 62 немецких солдата и офицера были взяты в плен.

В боях за совхоз "Лысая Гора" в районе села Красненькое противник контратаковал нас танками и пехотой. Три атаки отбил взвод старшего сержанта А. Дьячкова. Но при массированном минометном обстреле погиб расчет одного из пулеметов. Немцы бросились к нему. Дьячков сам лег за пулемет и открыл огонь по гитлеровцам. Он уничтожил более двадцати фашистов, остальные повернули назад. Старший сержант поднял взвод и стал преследовать врага. Но навстречу смельчакам гитлеровцы бросили бронетранспортеры. В бою, который успешно завершили наши воины, пал смертью храбрых комсомолец Александр Дьячков. На его могиле бойцы поклялись отомстить врагу за своего командира.

Дивизия, успешно продвигаясь, значительно оторвалась от других соединений корпуса. Когда она подошла к Днестру, командующий армией приказал с ходу форсировать реку и круто повернуть на юг, чтобы отрезать пути отхода немцам, не дать им переправиться через Днестр. Гвардейцы успешно выполнили эту задачу. Они, не задерживаясь, на рыбацких лодках, плотах, бревнах и досках начали переправу на правый берег Днестра, захватили небольшой плацдарм и к 12 часам 5 апреля вступили в бой за крупный населенный пункт Суслены.

Как и на Днепре, при форсировании Днестра на самых трудных и опасных участках находились коммунисты. Они

личным примером увлекали за собой бойцов, показывали образец мужества, стойкости, инициативы и находчивости.

На участке первого батальона 228-го гвардейского полка группу бойцов, которым предстояло первыми переправиться через Днестр, захватить небольшой плацдарм и удерживать его, чтобы дать возможность форсировать реку всему батальону, возглавил парторг лейтенант К. И. Ступак. Готовя плоты под артиллерийским огнем противника, он ходил от одного солдата к другому, шутил, подбадривая их, помогал скреплять бревна.

- Просил у командования разрешения перейти Днестр вброд, уговаривал... Не разрешили - простудитесь говорят, - улыбался лейтенант. - И верно: нельзя нам болеть - обидятся фашисты, что бить их будет некому. Ладно, на бревнышках переплывем.

Солдаты улыбались: "заливает" лейтенант, Днестр вброд не перейдешь. Кое-кто поддерживал шутливый тон командира, нарочито серьезно сокрушался:

- Надо же, не разрешили. Возись тут с бревнами. Куда лучше - засучили штаны и потопали.

С шутками и дело спорилось. Настал час переправы. Я посоветовал Ступаку быть осторожным, зря не рисковать, но напомнил, что плацдарм на том берегу нужен позарез. Он кивнул - понимаю, мол.

Лейтенант Ступак и бойцы его взвода блестяще выполнили задачу. Плацдарм они захватили и удержали его до подхода основных сил.

Первым в село Суслены ворвался стрелковый батальон, которым командовал гвардии капитан А. Беловицкий. К исходу дня 7 апреля части дивизии очистили село от гитлеровцев, вышли на юго-западную его окраину и отрезали противнику пути отступления в этом районе.

В тот день погиб парторг 225-го полка гвардии капитан Т. А. Корниенко. Я хорошо знал этого вдумчивого, любимого всеми коммуниста, так много сделавшего для воспитания бойцов. Глубоко сожалел, что не стало умелого организатора партийной работы, чудесного человека.

...Наступление наших войск продолжалось. Мы вошли в пределы Молдавии. К 2 часам 12 апреля 1944 года части 78-й гвардейской, ведя бои с непрерывно контратакующим противником, форсировали реку Буг и вышли на северную окраину рощи южнее города Оргеева и заняли оборону. Все попытки прорваться к городу Кишиневу и захватить его были сорваны мощными контратаками вражеской пехоты, поддерживаемой танками и авиацией противника.

Утром 12 апреля я приехал в Пятры, где расположился

второй артдивизион. Бойцы отдыхали после изнурительных боев. Кое-где они собрались группами, вели неторопливый разговор.

С реки потягивало сыростью. Вдоль берега полосами стелился сырой туман.

- Всю ночь на вражеской стороне, за высотой и рощей, слышался шум моторов. Гитлеровцы что-то затевают! - доложил начальник разведки дивизиона гвардии старший лейтенант А. Возносименко.

- Передайте на батареи: боевая готовность! - приказал командир дивизиона гвардии капитан Б. А. Лубов.

Не прошло и десяти минут, как из-за рощи, облепленные автоматчиками, выскочили до десятка фашистских танков. Стреляя на ходу, они устремились на боевые порядки пехоты и огневые позиции артиллерийского дивизиона. Первой открыла огонь четвертая пушечная батарея. Головной "тигр", хотя в него и попало несколько снарядов, продолжал двигаться. Но вот у основания башни блеснул желтоватый огонек, из корпуса машины потянулся черный дым, и затем раздался взрыв.

Вот уже четыре вражеских танка застыли на месте. Два из них горели. Среди разрывов наших снарядов и мин, между танками, прячась за их броню, метались фашистские автоматчики. По ним открыли огонь пятая батарея и минометчики. Расчеты гвардии сержантов И. Залуцкого, Я. Корнауха и А. Крутя били без промаха.

К десяти часам утра бой закончился. Враг потерял 14 подбитых и сожженных танков и бронетранспортеров. Но было ясно, что фашисты не смирятся с поражением. И действительно, вскоре они пошли в контратаку, но, попав под губительный огонь, вновь откатились назад. Немецкие самолеты стали бомбами перепахивать землю. Наблюдательный пункт командира дивизии, находившийся в семистах метрах от переднего края, оказался под постоянным огнем.

Оставив огневые позиции артполка, я пробрался на НП. Увидев меня, генерал А. Г. Мотов воскликнул:

- Жив? Творится черт-те что. Посмотри, пехота не может подняться - вся низина простреливается. Несем потери. Вон, видишь лес? Надо под его прикрытием зайти в тыл противнику и ударить. Немедленно!

Посоветовавшись, решили поручить выполнение этой задачи батальону гвардии капитана Н. Т. Панкова. Я сразу же пошел в это подразделение. Вместе с замполитом полка гвардии майором А. С. Клименко мы объяснили воинам боевую задачу, призвали их действовать смело, решительно, внезапно, чтобы не дать гитлеровцам опомниться, сбросить их с высоты, захватить их и

тем самым сохранить жизнь сотням наших воинов.

К 16 часам батальон по лесу вышел в тыл противнику и нанес по нему внезапный удар. Фашисты были вынуждены оставить очень важную для обороны высоту и отойти. Батальон гвардии капитана Н. Т. Панкова закрепился на ней.

В 18 часов 19 апреля 1944 года мы сдали свой участок 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, вышли во второй эшелон корпуса и сосредоточились в районе села Бологавь. К этому времени резко осложнилась обстановка в районе села Ташлык на днестровском плацдарме, захваченном 5-й гвардейской армией генерала А. С. Жадова. Ее части на плацдарме вели тяжелые бои со значительно превосходящими силами противника.

В полночь того же дня наша дивизия была поднята по боевой тревоге и к утру 20 апреля, совершив ночной марш, вышла в район села Суслены. Переправившись через Днестр, мы прошли еще 98 километров на северо-запад через Гаяны и к 5 часам 23 апреля сосредоточились в районе села Ташлык, где и вошли в состав 33-го гвардейского корпуса 5-й гвардейской армии.

К 11 часам 23 апреля дивизия переправилась через "Днестр на захваченный еще 13 апреля плацдарм и с ходу вступили в бой на высотах юго-западнее села Пугачень. Противник, сосредоточив здесь три пехотные и две танковые дивизии, непрерывно атаковал, наносил артиллерийские и авиационные удары, стремясь ликвидировать плацдарм.

В воздухе стоял густой, едкий дым. Под его прикрытием на позиции гвардейцев двигались танки пехоты врага. Но бойцы 78-й гвардейской вместе с частями 5-й гвардейской армии не только удержали плацдарм, но и значительно расширили его по фронту и в глубину... Задача и на этот раз была выполнена.

С 1 января по 3 мая 1944 года дивизия, ведя наступательные и оборонительные бои, уничтожила 149 пулеметов, 37 минометов, 15 пушек, 34 танка, 24 бронетранспортера, 70 автомашин, много другой боевой техники и вооружения противника. Взято в плен 119 солдат и офицеров, захвачено 41 пулемет, 19 пушек, 11 мотоциклов, 6 бронемашин.

За героизм, проявленный в боях, 1393 бойца и командира были награждены орденами и медалями Советского Союза{6}.

Используя данные, подготовленные штабом дивизии, политотдел и политработники частей развернули широкую пропагандистскую и воспитательную работу. Они готовили личный состав к новым боям, но уже за пределами нашей Родины.

Глава восьмая

Покой нам и не снился

Как-то в политотделе зашел разговор об особенностях партполитработы в боевых условиях, о том, какими качествами должен обладать фронтовой политработник. Суждения высказывались разные, но суть их все-таки была единой: ему не обойтись без глубоких знаний марксизма-ленинизма, военного дела, без широкой общей культуры, умения оценить обстановку и с учетом этого организовать свою работу, без подлинной инициативы, сметки, без хорошего знания людей, их характеров, без кристальной чистоты. Вспоминали выступление М. И. Калинина на собрании слушателей и профессорско-преподавательского состава Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Ставя задачи перед политработниками, он отмечал, что политработа - очень сложная и трудная сфера деятельности, что быть политработником - значит беспредельно любить свое дело, тех, кого воспитываешь, постоянно совершенствовать свои знания. Думается, в этом выступлении всесторонне раскрыты сами основы партполитработы, главные ее направления, объемно сказано о качествах, которыми должен обладать политработник.

При обсуждении практической деятельности политработника в боевых условиях мы конечно же ссылались на эту речь, были едины в оценке ее основополагающих положений, но пытались и развить их с учетом конкретных условий, изменений, которые вносила напряженная боевая обстановка в работу каждого из нас.

Помню, с какой страстностью капитан М. Г. Зотов - агитатор политотдела - доказывал, как важно фронтовому политработнику уметь безошибочно улавливать момент, изменения, происходящие в жизни, боевой деятельности подразделения, части, дивизии в целом, оперативно реагировать на эти изменения, учитывать их.

- Одно дело действовать в обороне, - говорил он. - Другое - в наступлении, третье - на марше. При действиях личного состава на открытой местности необходимы одни формы работы, при форсировании водной преграды другие. В подразделении, где личный состав опытный, обстрелянный, не будешь говорить о том, что предельно необходимо сказать в подразделении, укомплектованном новичками, которые еще не знают как следует, что такое бой...

Собственно, с Зотовым никто и не спорил - мысль его

была предельно ясной, а оказанное - предельно верным. Мне казалось, что он просто проверяет себя, свои суждения, хочет узнать, что об этом думают товарищи...

Мне нравился капитан Михаил Григорьевич Зотов, обладавший выдержанностью, культурой общения, широкой

эрудицией. Но вот "военной косточки" в нем не ощущалось. Больше всего тревожило то, что он стыдился потребовать выполнения своего указания, проявлял иногда мягкотелость. Пришлось поговорить с ним отдельно, напомнить, что он, как представитель политотдела, должен проявлять твердость и настойчивость в проведении нашей линии, не идти на различные компромиссы, действовать не от себя лично, а от имени политотдела.

Михаил Григорьевич слушал меня, виновато поглядывал на свои большие руки и то и дело произносил:

- Я постараюсь... Я постараюсь...

Политработникам частей, согласно указанию политотдела, предстояло сделать немало. Им было рекомендовано организовать и провести семинары парторгов батальонов по практике работы парторганизации в наступательном бою, семинары парторгов рот на эту же тему, семинары комсоргов первичных и ротных комсомольских организаций на тему "Комсорг в бою", беседы с личным составом "Заветы В. И. Ленина советским воинам", инструктажи ротных и взводных агитаторов.

Предусматривались также встречи бывалых воинов с бойцами, не участвовавшими в боях, собрания орденоносцев для обсуждения их задач в бою, совещания старшин подразделений, командиров взводов и рот, митинги и многое другое. Планировалось привлечь к организации и проведению мероприятий офицеров штаба и служб.

Командир дивизии генерал-майор А. Г. Мотов, ознакомившись с планом работы политотдела, поинтересовался, на какое время рассчитана вся эта работа. Я назвал сроки. Он недоверчиво покачал головой:

- Справитесь? Напланировали-то вон сколько. А ведь жизни спокойной фашист не даст.

- Будем напрягать все силы. Должны справиться. План обсужден с политработниками частей, они все обдумали и взвесили, настроены по-боевому.

- Тогда, как говорится, в добрый путь, - улыбнулся генерал и утвердил план.

В те дни в политотделе можно было встретить лишь секретчицу, партучетчицу и еще несколько товарищей. Остальные - в полках, батальонах, ротах. Семинары, собрания, встречи и занятия... Хотелось побывать всюду. Ездил, ходил и выступал много, так же много запоминал, записывал.

В одном из полков довелось вместе с заместителем командира полка готовить и проводить слет бывалых воинов. Мы придавали ему большое значение. Важно было обобщить боевой опыт, сосредоточить усилия актива на обучении нового пополнения. Поговорили с некоторыми бойцами, младшими командирами, посоветовали, на чем сконцентрировать внимание при выступлении.

Открывая совещание, я отметил, что все собравшиеся прошли славный боевой путь, участвовали во многих боях, приобрели большой опыт, умение побеждать сильного и коварного противника, что опыт бывалых воинов во многом поучителен и ценен, важно вооружить им весь личный состав. Большинство из присутствующих умело и настойчиво передают свой опыт молодым, и это приносит большую пользу. Но, к сожалению, есть и такие бойцы, которые лишь подшучивают над менее опытными, занимаются подковырочками, а чтобы чему-то научить, что-то посоветовать, подсказать, так для этого, по их мнению, есть командиры. Вот и давайте обсудим, как нам лучше поставить дело обучения и воспитания бойцов. Без вашей помощи командирам, политработникам будет труднее вводить в строй молодежь.

Выступил ефрейтор Федор Серый. Личность известная: в полку больше года, прослыл человеком храбрым, смекалистым, добрым и очень спокойным, какими бывают люди, наделенные недюжинной силой.

- Воевать надо, конечно, уметь, - заговорил он. - А что значит уметь? Ну, оружие свое знать досконально, пользоваться им умело - раз. Правильно ориентироваться в обстановке и выбирать наиболее удобный момент для нанесения удара - два. Не трусить, помнить, что враг ведь тоже из человеческого мяса состоит и тебя боится. Если ты струсишь, он смелее будет, в затылок тебя щелкнет, а если ты смелее, он струсит. И главное - бодрость духа,

вера в победу, злость к врагу. Мы деремся за правое дело, а значит, и победим. Вот так я и объясняю молодому солдату.

Выступили и другие бойцы, поделились опытом обучения и воспитания молодых воинов. Приняли обращение к ветеранам дивизии, в котором призывали их не жалеть сил для подготовки молодежи к боям.

После совещания, когда мы остались вдвоем с заместителем командира полка по политчасти, к нам подошел небольшого роста русоволосый сержант. Попросив разрешения обратиться к майору, он смущенно доложил, что его заявление о приеме в партию еще не рассматривалось.

- Разберусь, - пообещал политработник, а когда боец ушел, обратился ко мне: - Кое-где продолжают не придавать должного значения приему передовых бойцов в партию. Вот видели этого солдата? Ефрейтор Сурин Виктор Иванович. Разведчик. Награжден орденом и двумя медалями. Человек заслуженный. Решил вступить в партию. А секретарь волынку тянет. Факт тревожный. Разберусь и доложу вам...

Факт действительно вызывал тревогу. И я тут же сделал в блокноте пометку: заслушать сообщение парторга и замполита батальона о работе по отбору в ряды партии отличившихся воинов и воспитании молодых коммунистов. Несколько позже обсуждение этого вопроса состоялось, и товарищи были строго предупреждены за допущенные ошибки.

Я уже говорил о том, что в самые трудные дни боев число заявлении о приеме в партию значительно увеличивалось. Это закономерно: в трудный для Родины час наш народ всегда еще теснее сплачивался вокруг своего авангарда родной ленинской партии, выражал ей безграничное доверие. В своих заявлениях в партийную организацию воины высказывали высокие патриотические чувства, свою любовь к Родине, ленинской партии, давали клятву драться с врагом до последнего дыхания. Став коммунистами, они бились с фашистами еще бесстрашнее, вели за собой товарищей.

Еще в августе 1941 года ЦК ВКП(б) принял постановление о порядке приема в партию особо отличившихся в боях советских воинов. Вступающий в кандидаты теперь представлял рекомендации трех членов партии с годичным стажем (а не с трехгодичным, как ранее), знающих его по совместной работе не менее одного года. Спустя три месяца, 9 декабря 1941 года, было принято постановление о льготных условиях приема в члены партии кандидатов, отличившихся в боях (после трехмесячного кандидатского стажа). Эти постановления Центрального Комитета партии отвечали духу времени, сокращали путь в ее

ряды лучших командиров и красноармейцев.

Политотдел, партийные организации подходили, за редким исключением, к приему в партию с особой ответственностью. Строго соблюдалось ленинское требование индивидуального отбора. Основными признаками партийности в то время были моральная стойкость, смелость и мужество, воинское мастерство, самоотверженная защита социалистической Родины.

При отборе в партию основное внимание уделялось боевому активу. С изъявившими желание вступить в партию занимались политработники, парторги рот, члены бюро и секретари первичных парторганизаций. Заявления рассматривались на открытых партсобраниях. Вновь принятых привлекали к активной работе...

Хочу подчеркнуть такую, на мой взгляд, важную мысль: искусство политработника состоит и в том, чтобы за каждым, казалось бы, малозначащим фактом увидеть тенденцию, вовремя среагировать на него, чтобы предупредить развитие того или иного недостатка. Речь идет о проницательности, творчестве, партийном чутье, если хотите - о дальновидности. Сколько бывало случаев, когда политработник, обнаружив какой-то факт, не придает ему значения: случайность, мол, мелочь. А эта "мелочь" со временем даст ростки, созревает в проблему. И наоборот, если политработник мыслящий, дальновидный, обладающий обостренным чувством ответственности, он за любой мелочью, за любой шелухой увидит то, что требует немедленных и решительных действий.

Вот пример. В дивизии значительное место отводилось работе с младшими командирами. Подбирались они из красноармейцев, прошедших школу боев, зарекомендовавших себя смелыми и умелыми бойцами. Работники политотдела и политработники на местах старались дать им политические знания, обогатить методикой воспитательной работы с подчиненными. Казалось бы, тревоги особой эта проблема вызвать не должна.

Однако побывав на одном из занятий, проводимых сержантом Н. Сколовым, я обнаружил, что действует он не совсем уверенно, часто ошибается.

Когда сказал об этом заместителю командира полка по политчасти, тот не долго думая отпарировал:

- Молод сержант, чего с него взять. Поднатореет - все встанет на свое место.

- А другие сержанты? Ошибок не допускают? Как у них с профессиональной подготовкой?

- Вроде бы нормально... Командир полка был более

объективен:

- С командирской подготовкой сержантов плоховато.

Как показало изучение этого вопроса, сержантский состав значительно обновился, а его учеба не претерпела изменений, к ней не проявляли должного внимания. Пришлось принимать срочные и решительные меры, чтобы выправить положение. Тут оперативно сработал штаб, резко повысив требовательность к командирским занятиям. Но и мы, политработники, не остались в стороне.

Факт слабой подготовки одного сержанта навел нас на мысль о совершенствовании командирской подготовки не только сержантского состава, но и офицеров. Состоялся серьезный и деловой разговор на инструктаже политработников и секретарей парторганизаций. В полках провели заседания партийных бюро, на которые были приглашены парторги рот и батарей, где напомнили коммунистам о необходимости проявлять первейшую заботу о профессиональной подготовке офицеров.

Разговор был интересный, полезный. Он помог вскрыть существенные недостатки. Все критические замечания мы систематизировали, обобщили и свои выводы доложили командиру дивизии. Он немедленно принял соответствующее решение. Было твердо установлено выделять на учебу не менее четырех часов, если условия благоприятствовали. От всех командиров генерал потребовал личного примера в совершенствовании военных знаний. Они обязывались изучение теоретических положений сочетать с анализом боевого опыта, с разбором действий отделений, взводов, рот, батальонов, полка.

Важно, что комдив сам показал пример подлинной заботы о высоком уровне проводимых занятий. Сначала с командирами полков, а затем и батальонов он провел занятия по организации управления подразделениями в наступательном бою, изучению тактики обходов и охватов, способов преодоления заграждений и водных преград, маневров на полях боя.

Следует сказать, что совершенствование боевого мастерства личного состава, повышение тактической, огневой и специальной подготовки командных кадров постоянно было одной из важных задач политорганов и парторганизаций. Чем лучше мы учились, тем лучше воевали. Так что рассказанное мною - лишь эпизод из всей той работы, которую проводил политотдел на различных этапах боевых действий дивизии.

Почти ежедневно, если позволяла обстановка, я выслушивал доклады работников политотдела, политработников частей о том, как идет реализация плана. Вместе с тем и сам большую часть времени проводил в подразделениях, встречался с людьми,

беседовал, отвечал на вопросы, принимал решения, если требовалось.

Не лишне ли это было для меня, начальника политотдела дивизии? Может, и впрямь следовало, как советовали некоторые товарищи, решать "кардинальные" проблемы, осуществлять общее руководство, "давать направление" и строго контролировать исполнение указаний. Не знаю, но я просто испытывал необходимость быть среди людей, получать информацию из первых уст, говорить с бойцами с глазу на глаз, когда понять человека помогают не только слова, но и выражение лица, тон разговора. Там, на позиции, в окопе, в блиндаже, только там можно по-настоящему узнать, с каким настроением воюют воины, определить основное в своей работе, сердцем почувствовать всю ответственность за судьбу этих людей. Именно там сталкивался с фактами, которые иногда ставили в тупик, а чаще всего давали повод для размышлений и соответствующих выводов.

Вот мы говорим о всеобщем уважении политработников, о любви воинов к ним. На самом деле так и было: любили их за чуткость, за яркое партийное слово, за готовность помочь в любом деле и за многое другое. Но прежде всего - за величайшую преданность Родине, за готовность отдать жизнь за нее, за смелость и решительность, способность сохранять силу духа в самой критической ситуации. Но ведь были и такие, кто этими качествами не обладал в полной мере.

В одной из бесед с бойцами я выяснил, что политработник у них грубоват, ведет себя надменно, нуждами людей не интересуется. Естественно, в тот же день поговорил с офицером, высказал ему претензии, потребовал изменить отношение к порученному делу. Тот пообещал и, к чести его, слово сдержал. Но после беседы с ним я задумался: настойчиво занимаемся воспитанием всех категорий людей, а политработники иногда остаются в тени. Да, учим их практике работы с людьми, вооружаем методикой, интересуемся, насколько они подготовлены теоретически. А каковы их нравственные качества? Разве сами политработники, особенно молодые, не нуждаются в воспитании, в формировании у них высоких нравственных качеств? Конечно же нуждаются.

Высказал свои соображения работникам политотдела. Теперь, бывая в частях, мы считали своей непременной обязанностью интересоваться, как ведет себя политработник по отношению к подчиненным, каков его характер, беседовали с ним, напоминали о необходимости быть кристально чистым человеком. Не знаю случая, чтобы хоть один политработник проявил трусость в бою, но не ждать же такого случая - поэтому вели речь и об отваге

политработника, умении вести себя в бою, не теряться в минуты смертельной опасности. Личный пример мужества и отваги - одна из самых действенных форм политработы. Для политработника личная храбрость - качество обязательное. Все другие достоинства принимаются и ценятся только в сочетании с ней.

На семинарах политработников, на совещаниях мы стали больше внимания уделять обсуждению нравственных качеств политработника, стилю его работы, всячески предостерегали от панибратства в обращении, от скольжения по верхам в изучении людей и их потребностей. На это же нацеливали и секретарей партийных организаций, весь партийный и комсомольский актив. Мне понравилось одно из выступлений инструктора политотдела по оргпартработе майора Л. П. Шрамко. Речь шла о связи с массами воинов, о ведущей роли коммунистов, их бойцовских качествах.

- Связь с массами особенно ценится в политической работе, - говорил он. - Но эта связь может быть различной. Хлопанье по плечу, ничего не значащее "Как поживаешь?", поддакивание по поводу и без повода - тоже связь. Но какая?! Настоящая связь - глубокое знание жизни, нужд бойцов, проникновение в их сердца и души, неограниченное влияние на людей. Партийный руководитель только тогда оправдает свое предназначение, если будет человеком глубоко идейным, внимательным, заботливым, чутким, умеющим убеждать, влиять, вести за собой...

Лука Павлович говорил убедительно, вдохновенно, оперировал примерами и фактами. И я от души порадовался за него, подумав, что почаще бы надо организовывать такие выступления не только перед секретарями парторганизаций, но и перед комсомольским активом.

Обычно перед выполнением той или иной сложной и ответственной задачи, поставленной перед дивизией, мы проводили короткие митинги. Они настраивали личный состав на решительные действия, психологически готовили к преодолению трудностей. Воины высказывали на них самые сокровенные мысли, обращались к товарищам с призывом действовать в бою геройски. На митингах и опытные бойцы, и молодые заверяли, что не струсят в бою, что будут драться с врагом до последней капли крови.

В ходе боев основной упор во всей партийно-политической работе делался на индивидуальное инструктирование актива, оперативную организацию информирования личного состава, командного состава, на оперативные формы воздействия на людей. Мы требовали от каждого политработника в любых условиях строго следить и за тем, чтобы своевременно

доставлялась бойцам горячая пища, было необходимое обмундирование, чтобы боец имел возможность отдохнуть, обсушиться.

Главное мы видели в том, чтобы укрепить, еще выше поднять у воинов патриотический дух, стремление драться геройски, смело преодолевать любые трудности на пути к победе. В этот период большую роль играли боевые листки, оперативные листовки, написанные наспех, карандашом, в перерыве между боями, а то даже и во время - боя, сразу по горячим следам.

"Сержант В. Соснин с отделением отбил три атаки фашистов, в несколько раз превосходящих по численности, потеряв убитыми двух солдат. Будем драться, как Соснин".

"Пулеметчик С. Коробов уничтожил в бою 12 гитлеровцев. Тяжело раненный, он остался в строю и продолжал сражаться. Боец представлен к награде".

"Разведчики П. Путеня и К. Резник захватили двух пленных. Рискуя жизнью, они доставили их в штаб полка..."

Такие сообщения не нуждались в комментариях, они говорили сами за себя. Листок, бывало, переходил из рук в руки, из отделения в отделение, истирался до дыр. И каждый боец хотел быть похожим на героев.

В период наступления, передислокации, естественно, невозможно выкроить время для сборов, общих инструктажей, совещаний политработников, партийного и комсомольского актива. Все вопросы, связанные с организацией партполитработы, приходилось решать непосредственно на местах, в окопах, блиндажах, в тесном общении с несколькими офицерами, а то и с одним товарищем.

После затяжных оборонительных боев началось преследование противника. Сам по себе этот факт воодушевлял личный состав, поднимал настроение. Тем более что становилось ясно - день, другой, и советские войска вышвырнут фашистов с советской территории, начнутся бои за рубежом. Задачи войск четко были изложены в приказе Верховного Главнокомандующего от 23 февраля 1944 года: "...Умелым сочетанием огня и маневра взламывать вражескую оборону на всю ее глубину, не давать врагу передышки, своевременно ликвидировать вражеские попытки контратаками задержать наше наступление, умело организовывать преследование врага". Эти требования легли в основу всей политической и организаторской работы командиров, политорганов, партийных организаций.

Отправляя работников политотдела в полки, подразделения, я, как правило, беседовал о каждым, высказывал свое мнение о том, что и как надо сделать, выслушивал товарища, и

расставались мы, имея твердое сообща выработанное направление в работе.

Кстати, у меня утвердилось железное правило - не сковывать инициативу работников политотдела. Более того, я постоянно напоминал им, что в любых условиях они должны исходить из интересов дела, с учетом обстановки уметь быстро перестроиться, сориентироваться и действовать так, как подсказывает жизнь, практика. Конечно, бывали случаи, когда "творчество" иного товарища било через край.

Разговор об этом состоялся у меня с капитаном Зыряновым - моим помощником по комсомольской работе. Вообще-то этого офицера я высоко ценил, мне нравилась его неугомонность, умение все принимать близко к сердцу, за все искренне болеть душой. Но в своей активности он иногда переходил границы дозволенного, чем вызывал обиды у людей уважаемых, заслуженных.

В одно время до меня стали доходить слухи, что Зырянов, работая в полку или дивизионе, вмешивается в распоряжения командира, пытается давать им оценку, ведет себя иногда с апломбом. Эти слухи подтвердились. На совещании командиров некоторые товарищи вроде бы в шутку высказались о том, что, мол, я развиваю у своих подчиненных чувство вседозволенности.

С Зыряновым пришлось серьезно поговорить, напомнить ему, что приказ, распоряжение командира-единоначальника не обсуждаются и не комментируются, в том числе и работниками политотдела. Вместе с тем я похвалил его за инициативу в проведении интересных, получивших высокую оценку во всей дивизии бесед с комсомольцами "Почему я хочу стать коммунистом". На таких беседах комсомольцы рассказывали о своих старших товарищах коммунистах, об их славных боевых делах, чуткости, внимании, высказывались о том, какие черты в характере членов партии им особенно нравятся и в чем они хотели бы походить на коммунистов. Здесь же высказывались и сокровенные мысли, думы о том, мечтает ли воин о вступлении в партию, когда родилась эта мечта и почему, каким комсомолец представляет себе настоящего коммуниста. Короче говоря, инициатива Зырянова была поддержана комсомольцами всей дивизии, помогла нам лучше изучить личный состав.

Сам я, приехав в полк, неизменно вникал в работу заместителя командира по политчасти, партийного актива, все хорошее, заслуживающее внимания, отмечал и только потом высказывал соображения по улучшению дела, советовал, что изменить, на что переориентировать внимание.

Как-то инструктор политотдела по оргпартработе и

помощник начальника политотдела по комсомольской работе высказали тревогу, что в некоторых ротах распадаются комсомольские организации. Что же, такое возможно - в боях гибли люди, на их место приходили бойцы старше по возрасту.

- В одном полку или во всех? - поинтересовался я.

- Мы говорим об одном.

- Меры для укрепления этих комсомольских организаций мы примем. Но давайте посмотрим шире: на должном ли уровне у нас партийное руководство комсомолом, достаточно ли активны сами комсомольские организации? Надо подумать о том, что можно и необходимо сделать, чтобы значительно активизировать работу комсомольского актива.

В тот же день побывал в полку, о котором шла речь, высказал свои соображения командиру и его заместителю по политчасти. Они согласились, что недостаточно внимания уделяют работе комсомольских организаций, что действительно некоторые из них перестали существовать. Меня так и подмывало устроить этим в общем-то опытным заслуженным офицерам головомойку за то, что они недооценивают роль комсомольских организаций в борьбе за высокую боевую готовность, в воспитании личного состава. Но я спокойно попросил их подумать о том, что можно предложить для исправления положения дел, какие мероприятия они считают необходимым провести в самое ближайшее время. Дал на это сутки. Сам же вместе с Зыряновым собрал на совещание других политработников, секретарей партийных организаций и высказал им свою озабоченность, рассказал о недостатках, допущенных в полку, потребовал "повернуться лицом к комсомолу".

В эти же дни мы провели однодневный семинар секретарей комсомольских организаций, постарались вскрыть передовой опыт работы, сообща обсудили пути улучшения деятельности организаций, поставили перед молодежными вожаками конкретные задачи. Скажу, что позже такие семинары стали регулярными и готовили их все работники политотдела с участием политработников полков. Регулярнее стали вопросы комсомольской работы обсуждаться и на заседаниях партийных бюро, на партсобраниях, что в значительной степени оживило деятельность комсомольского актива. Он и раньше выступал инициатором многих начинаний, а теперь стремление активистов идти во главе масс воинов стало проявляться еще заметнее. По их инициативе развернулось движение учиться стрелять по-снайперски, в котором приняли участие сотни воинов дивизии. Комсомольцы выступили инициаторами и создания групп истребителей танков, в которые отбирались самые опытные,

смелые и умелые воины. В группах изучались подрывные средства, совершенствовались навыки использования противотанковых ружей, гранат, бутылок с зажигательной смесью. Позже такие группы не раз демонстрировали свое боевое мастерство.

Повышение активности в работе комсомольских организаций незамедлительно сказалось на укреплении их авторитета среди воинов. Это нашло выражение в притоке новых сил в комсомольские организации. В заявлениях искренне, от души высказывались думы и чаяния бойцов, их желание драться и, если придется, умереть комсомольцем. Это были не просто красивые слова. Иногда сразу же после приема приходилось вступать в бой с врагом.

Закончить эту главу хочется беседой с командиром дивизии генералом А. Г. Мотовым. Произошла она накануне широкого наступления, когда дивизия находилась на территории Румынии. Мы вели речь о том, что сейчас, когда вышли на территорию других государств, нельзя ослаблять напряжение в работе.

- Трудно сказать, какую новую боевую задачу мы получим, но воевать еще придется немало, - сказал он, - и потому нам надо продолжать учить людей мастерству наступательного боя. Основное требование ко всему личному составу: настойчиво учиться наступать. Отсюда и задача политотдела внедрение в жизнь опыта партполитработы в наступлении.

План мероприятий в этот период отличался крайней насыщенностью. О том, как нам удалось осуществить его, расскажут последующие страницы.

Глава девятая

За рубежом

В первых числах мая 1944 года 5-я гвардейская армия была выведена с днестровского плацдарма и передислоцировав на в район румынского города Ботошаны. В ночь на 4 мая сдала свой участок обороны и 78-я гвардейская стрелковая дивизия. Она переправилась через Днестр и сосредоточилась в районе села Гартон, затем совершила мари в район села Суслены и вновь, перейдя государственную границу с Румынией в районе Такеобяны, вышла 12 мая к селу Флемензия.

С 13 мая по 24 июня личный состав частей и подразделений занимался боевой и политической подготовкой. Занятия продолжались по 12 часов в сутки. Большая часть времени отводилась отработке прорыва переднего края обороны противника, наступления на укрепленный район, боев в городе и за крупные населенные пункты, преследования отходящего врага, взаимодействия с приданными частями усиления и соседями. Вся

боевая, тактическая подготовка проходила под непосредственным руководством командира дивизии генерала А. Г. Мотова, штаба дивизии, повседневно контролировалась командиром 33-го корпуса генерал-лейтенантом Н. Ф. Лебеденко, его штабом и командующим армией генерал-полковником А. С. Жадовым.

Политотдел дивизии учил политических работников частей, парторгов и комсоргов рот и батарей умело организовывать воспитание личного состава в конкретной боевой обстановке. Большую помощь нам оказывали начальник политотдела корпуса гвардии полковник Хлызов, политотдел армии. Это было время, когда наступал третий период Великой Отечественной войны. Важным направлением всей партийно-политической работы с личным составом, как и прежде, было воспитание у воинов неукротимого стремления к полной победе над фашизмом. Необходимо было добиться, чтобы каждый воин глубоко осознал великую освободительную миссию Красной Армии, дорожил честью и достоинством советского солдата за рубежом своей страны, был предельно бдительным.

Центральный Комитет ВКП(б), ГКО и Советское правительство потребовали от политорганов разъяснить каждому воину, что за рубежом он является представителем великого советского народа, его армии-освободительницы.

Вскоре была издана директива Главного политического управления РККА, в которой особо подчеркивалась необходимость усиления партийно-политической работы, перестройки ее в соответствии с новой обстановкой. Определялись меры для улучшения воспитания советских воинов в духе пролетарского интернационализма и советского патриотизма. В соответствии с этой директивой основными темами политических занятий, политинформаций, групповых и индивидуальных бесед с личным составом было разъяснение заявления Советского правительства и постановления Государственного Комитета Обороны СССР о целях вступления Красной Армии на территорию других стран. Политработники рассказывали воинам об освободительной миссии Красной Армии, учили строго соблюдать во всем строжайший порядок, с уважением относиться к национальным традициям местного населения, его обычаям, культуре, образу жизни.

Каждому воину была вручена изданная политуправлением фронта памятка, в которой говорилось, как надо относиться к местному населению. Мы получили и сразу же распространили изданное отдельной листовкой воззвание Военного совета 2-го Украинского фронта к населению, в котором румынские граждане призывались к продолжению своего мирного труда и к тому,

чтобы они оказывали командованию Красной Армии содействие и помощь в поддержании порядка и обеспечении нормальной работы промышленных, торговых, коммунальных и других предприятий{7}.

Группа политработников дивизии - агитаторы политотдела, полков, заместители командиров частей по политчасти развернули большую разъяснительную работу среди румынского населения. Они выступали с лекциями и докладами, на конкретных примерах показывали, что нес народам фашизм и с какой целью пришла на румынскую землю Красная Армия, говорили о ее освободительной миссии.

Советские воины вели себя безупречно, уважительно относились к местному населению, его обычаям и традициям. Часто можно было видеть, как солдаты, улучив свободную минуту, помогали в хозяйских делах жителям сел. Это вызывало у населения освобожденных сел Румынии чувство уважения к Красной Армии.

Мы провели собрания партийного и комсомольского актива дивизии, затем полков, собрания первичных партийных и комсомольских организаций, на которых обсудили задачи коммунистов и комсомольцев по выполнению решения ЦК ВКП(б), ГКО и директивы Главного политического управления Красной Армии о поведении войск за рубежом. С докладами на активах и собраниях выступали работники политотдела и заместители командиров частей по политчасти.

Решения партийных и комсомольских активов, партийных и комсомольских собраний были короткими. Они требовали от коммунистов личного примера в выполнении указаний партии и правительства.

Агитаторы политотдела И. Д. Штин, М. Г. Зотов, инструкторы Л. П. Шрамко, М. В. Кипятков, заместители командиров частей по политчасти А. С. Клименко, А. Г. Бечин, Я. Н. Плетень, Е. Г. Шелест по всем темам политических занятий провели, семинары с руководителями групп.

Многое сделали мы для укрепления партийных и комсомольских организаций рот и батарей. Было принято в члены и кандидаты партии около двухсот воинов, отличившихся в боях. Получая партийные документы, каждый из них клялся дорожить званием коммуниста, умело и беспощадно уничтожать врага.

Комсомольские организации приняли в свои ряды более двухсот молодых воинов-гвардейцев, бесстрашно сражавшихся с врагом. На собраниях в торжественной обстановке им были вручены комсомольские билеты.

С вновь назначенными парторгами и комсоргами рот и

батарей были проведены семинарские занятия, на которых обсуждался вопрос обеспечения примерности коммунистов и комсомольцев в поведении на территории других стран. Обстоятельно рассмотрели и опыт партийной и комсомольской работы в конкретных боевых условиях. На семинарах выступили опытные парторги рот и батарей старший сержант А. Панель, старшина А. Конынаков, ефрейтор В. Брынь. Они делились опытом своей работы с только что назначенными парторгами.

Были подобраны и назначены редакторы боевых листков рот и батарей, проведено с ними практическое занятие по подготовке материалов и их оформлению. Состоялся слет военкоров газеты "Боевая красноармейская" и редакторов боевых листков рот и батарей. На нем работники дивизионной газеты В. Ераносьян, Ц. Очиров, А. Фатеев и Г. Демиденко рассказали, как надо готовить материалы о героических подвигах солдат, сержантов и офицеров.

Большую культурно-массовую работу проводил в этот период дивизионный клуб, возглавляемый капитаном А. Пономаревым. Была оформлена портретная галерея Героев Советского Союза с кратким описанием их подвигов. Ансамбль песни и пляски подготовил три новых программы и показал их во всех частях и спецподразделениях.

Радостным для гвардейских стрелковых полков дивизии был день 14 июня 1944 года. В этот день командир 33-го гвардейского корпуса 5-й гвардейской армии генерал-лейтенант Н. Ф. Лебеденко вручил 223, 225, 228-му полкам гвардейские Знамена. Во всех подразделениях состоялись митинги, а затем по ротам и батареям - беседы о полковом гвардейском Красном Знамени.

Так мы использовали передышку для подготовки личного состава к новым, еще более жестоким наступательным боям, к новым испытаниям.

Закончился третий год войны. К этому времени советские войска успешно провели ряд крупных фронтовых операций. Немецко-фашистские полчища были отброшены далеко на запад. Красная Армия, владея инициативой, готовилась нанести новые сокрушительные удары, по врагу. Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение сосредоточить главные силы на западном направлении, чтобы быстрее освободить Белоруссию и Западную Украину и прийти на помощь братскому польскому народу.

24 июня 1944 года мы получили приказ командующего 5-й гвардейской армией генерала А. С. Жадова совершить марш и 30 июня погрузиться в железнодорожные эшелоны на станции Верешть. 7 июля 78-я гвардейская сосредоточилась в Гжималуве,

в 40 километрах от города Тарнополь, затем, после 450-километрового марша, в составе 5-й гвардейской армии вступила в пределы Польши и заняла исходное положение для наступления с рубежа Колония-Гурне.

Нужно сказать, что марш был трудным. 450 километров дивизия преодолела за девять суток. В целях маскировки передвигались только в ночное время, в условиях плохой видимости и малопроходимых проселочных дорог. Чтобы облегчить людям путь и сохранить боевую готовность, для подвоза личного состава мобилизовали весь автотранспорт.

Дорога, по которой мы передвигались вслед за нашими наступающими войсками, проходила по северной окраине города .Львова, через Козлове, Золочев, Влогув. Она была усеяна разбитой и брошенной немецкой боевой техникой и вооружением - танками, бронетранспортерами, пушками, минометами, стрелковым вооружением и автомашинами. Бойцы дивизии видели, какие жестокие проходили здесь бои и как героически громили фашистов наши передовые части. На каждом привале агитаторы проводили в ротах и батареях беседы. Они вселяли в бойцов уверенность в скорой победе, укрепляли в них желание быстрее вступить в бой с врагом и внести свою лепту в окончательный разгром фашистского рейха.

В дни пребывания на польской земле много времени уходило на политическую работу среди местного населения. Все политотдельцы дни и ночи проводили либо в полках, батальонах, ротах и батареях, либо в освобожденных от немецко-фашистских оккупантов селах и деревнях, беседовали с жителями, отвечали на их вопросы.

Декретом Крайовой Рады Народовой от 21 июля 1944 года был создан Польский комитет национального освобождения. Он опубликовал манифест к польскому народу, провозгласив себя единственным временным органом исполнительной власти, и взял в свои руки руководство освободительной борьбой народа. Манифест восстанавливал все демократические свободы в стране. Одновременно был опубликован декрет о слиянии польской армии в СССР с Народной армией в единое Войско Польское и создании его Верховного командования{8} .

26 июля было опубликовано заявление Наркоминдела СССР об отношении Советского Союза к Польше. В нем объявлялось, что Советское правительство рассматривает военные действия Красной Армии на территории Польши как действия на территории суверенного, дружественного, союзного государства, что они диктуются единственно военной необходимостью и стремлением оказать дружественному польскому народу помощь

в освобождении от немецкой оккупации. Одновременно указывалось, что Советское правительство не намерено устанавливать на территории Польши органов своей администрации, считая это делом польского народа, и решило ввиду этого заключить с Польским комитетом национального освобождения соглашение об отношениях между советским командованием и польской администрацией{9}.

Таким образом, мы получили исчерпывающий материал для политико-воспитательной работы с личным составом и польским населением, могли теперь четко и ясно отвечать на многочисленные вопросы, волновавшие не только наших бойцов, но и местных жителей.

К моменту сосредоточения дивизии в сложных условиях оказались войска 1-го Украинского фронта, форсировавшие 29 июля реку Вислу и захватившие плацдарм юго-западнее Сандомира. Стремясь ликвидировать этот плацдарм, немецко-фашистские войска утром 2 августа силами 4-й танковой армии с севера, из района Сандомир, Тарнобжек и 17-й армии с юга из района Мелец, Падев начали наступление. Было ясно, что вражеское командование хочет перерезать танками коммуникации советских войск, окружить их и уничтожить. Группировки врага успешно развивали боевые действия и к исходу 3 августа подошли к переправам через Вислу в районе Баранува. Мелецкая группировка противника приблизилась к нашим переправам и начала их обстрел. Создалась угроза уничтожения основных переправ 1-го Украинского фронта.

В этот критический момент 4 августа и была введена в бой 5-я гвардейская армия, находившаяся во втором эшелоне фронта. Началась битва за сохранение и расширение коридора, за Сандомирский плацдарм. Двое суток непрерывно продолжался бой южнее Баранува. К исходу 5 августа гитлеровцы вынуждены были отказаться от захвата баранувской переправы и под ударами наших гвардейцев отошли. Баранувский коридор был не только сохранен, но и значительно расширен.

В 10 часов 4 августа после короткой артподготовки части дивизии вместе с другими соединениями армии пошли в наступление. Враг занимал выгодные позиции, мог наблюдать за действиями наших частей. Передовые полки, встретившись со сплошной массой огня, залегли. Выявив в первые минуты боя основные узлы сопротивления противника в районе Дольны и Пшиляны, командование срочно перегруппировало силы, и подразделения снова устремились на врага. Двое суток не прекращались бои за Мелец, который находился в полосе нашей дивизии. Хотя она нанесла противнику значительный урон и

продвинулась вперед, взять город в первые два дня мы не смогли. В ночь на 6 августа первый стрелковый батальон 225-го гвардейского полка под командованием гвардии майора П. С. Хапина получил задание лесом бесшумно выйти противнику в тыл с юго-восточной стороны города и внезапно, в установленное для удара по врагу основными силами дивизии с фронта время, атаковать его. Вместе с командиром дивизии генералом А. Г. Мотовым мы прибыли в батальон, находящийся в исходном положении, побеседовали с командирами и бойцами, уточнили им задачу, тепло напутствовали их.

Мы понимали, что противник тоже предпринимает какие-то контрмеры. Но какие? Как позже выяснилось, и фашисты решили нанести удар по нашим тылам. Для выполнения этой задачи они направили две роты, имеющие в своем распоряжении два бронетранспортера. Батальон П. С. Хапина не прошел и трех километров, как внезапно встретился с противником. Передовая третья стрелковая рота лейтенанта Ф. С. Панова действовала смело, решительно. Она сразу же открыла огонь по колонне противника. Вслед за ней быстро развернулись и начали обходить гитлеровцев с флангов первая и вторая роты, ударила по фашистам и минометная рота старшего лейтенанта В. Т. Куликова. Группа бойцов - истребителей танков, возглавляемая комсоргом батальона гвардии старшим сержантом Бельковым, незаметно подобралась к бронетранспортерам и уничтожила их.

В ходе внезапного и скоротечного встречного ночного боя противник был разбит. Батальон П. С. Хапина, продолжая выполнять поставленную боевую задачу, точно в намеченное время вышел в исходное положение. По сигналу он внезапно ворвался в город Мелец с его юго-восточной стороны, вызвав переполох у противника, разгромил его штаб и комендатуру, нарушил управление войсками.

В то же время основные силы дивизии вместе с 13-й танковой бригадой 4-го тактового корпуса ворвались в город Мелец с северо-востока и штурмом к 9 часам 6 августа овладели им. Затем, продолжая наступление, выбили противника из Хожелова, Злотников, внезапно атаковали аэродром севернее Бердяхова и захватили 7 исправных самолетов, 20 самолетов в разобранном виде, склады с авиабомбами, горючим, продовольствием и другим военным снаряжением. 78-я гвардейская вышла к реке Вислока - притоку Вислы.

Не давая противнику опомниться, дивизия в 11 часов 6 августа форсировала Вислоку в районе Мелеца и после непродолжительного, но напряженного боя овладела Дутувом и Жендзяновицами. Но фашисты продолжали непрерывно

контратаковать и бомбить боевые порядки дивизии, пытаясь выбить гвардейцев из села и сбросить их в Вислоку. Однако к вечеру 6 августа наши части, значительно расширив плацдарм, закрепились на широком фронте.

Более чем двое суток непрерывных боев с форсированием водной преграды давали о себе знать. Люди устали, валились с ног.

Встретившись с командиром третьей роты 225-го полка лейтенантом Пановым и парторгом роты старшиной Прокофьевым, обходившими боевые порядки, мы разговорились, поинтересовались, как чувствуют себя бойцы.

~ Трудновато им, - признался Панов, - но настроение бодрое. Это ведь не сорок первый год...

В это время старшина роты сержант Патин доставил в термосах горячий обед. Бойцы совсем повеселели. Послышались шутки, приглушенный смех.

- Тишина-то какая. Будто и нет войны, - вздохнул я, осматриваясь вокруг.

- Обманчивая тишина, - откликнулся лейтенант. - Что-то фашисты затевают. Впереди справа от нас бойцы слышали какую-то подозрительную возню. Надо бы разведать.

Вскоре несколько бойцов, вооружившись гранатами и автоматами, ушли в темноту. Прошло несколько минут, и мы услышали взрывы. Затем началась беспорядочная стрельба, недалеко от нас взметнулось в воздух несколько ракет. Вскоре появились разведчики. Они принесли тяжело раненного немца. Тот сообщил, что утром начнется наступление. И действительно, на рассвете противник предпринял мощную атаку на участке третьей роты и вклинился в ее боевые порядки. Но минометчики роты старшего лейтенанта В. К. Куликова открыли шквальный огонь и заставили пехоту залечь, а бронебойщики и артиллеристы первого дивизиона подбили несколько танков.

Сложная обстановка создалась на участке, где находился взвод младшего лейтенанта К. Т. Макарова. Здесь начался рукопашный бой. Парторг роты старшина Прокофьев ваял с собой телефонистов, связных, санинструкторов, ординарца командира роты и бросился на помощь взводу.

Правее 223-го Вислоку форсировал 228-й гвардейский полк. К исходу дня он занял Ольшаны, Зарончи и, выйдя на рубеж Черемень, Завод, закрепился. Все контратаки противника на участке полка были отбиты. Враг понес значительные потери в живой силе и технике и был вынужден отступить.

Развернулись упорные, ожесточенные бои за удержание и расширение плацдарма. В них немецкая 78-я штурмовая дивизия

была разбита и заменена 23-й танковой дивизией, которая совместно с пехотой и при массированном применении артиллерии и минометов и мощных бомбовых ударов авиации начала контратаковать наши позиции. Но это уже не могло изменить положения: действуя совместно с танкистами 13-й танковой бригады и 4-го танкового корпуса, дивизия занимала один за другим населенные пункты и продвигалась вперед.

В одном из таких боев героически погиб командир первого стрелкового батальона 228-го гвардейского полка гвардии капитан Алексей Яковлевич Беловицкий. В бою за село Тщцуаны бойцы батальона не сдержали натиска противника и залегли, неся потери. Тогда комбат личным примером увлек за собой подчиненных в атаку. Враг был выбит ив населенного пункта. Но на подходе к нему Алексей Яковлевич был сражен вражеской пулей. Этого молодого комбата я знал хорошо, не раз бывал в его подразделении, беседовал с ним и бойцами. Не раз в боях за Сталинград, на Курской дуге, при штурме Харькова и на днепровском плацдарме он проявлял мужество и храбрость. Продолжительное время Беловицкий командовал батальоном в 225-м гвардейском стрелковом полку, затем был переведен в 228-й гвардейский.

...Бои за плацдарм, за его расширение принимали все более ожесточенный характер. Фашисты контратаковали наши части танками и бронетранспортерами, поддерживая пехоту. Авиация гитлеровцев группами по двадцать - тридцать самолетов непрерывно бомбила войска. Фашисты дрались отчаянно. Но, несмотря на это, дивизия продвигалась вперед. Вот уже занят очень важный населенный пункт Тщцуаны, юго-западнее которого лежал огромный лесной массив. Гитлеровцы опоясали его оборонительными сооружениями с тщательно замаскированными огневыми точками. По просекам маневрировали танки 23-й танковой дивизии и 18-й танковой дивизии СС, появляясь всюду, где бы мы ни пытались пробиться к лесу.

Оценив обстановку, командир дивизии принял решение: с фронта наступления дивизии оставить небольшое прикрытие, в том числе третий дивизион артполка капитана А. П. Сеаемина, поставив все три батареи на прямую наводку. Основными же силами обойти лес справа и ворваться в него с юго-запада.

Задуманный маневр удался. На рассвете стрелковые полки и артиллеристы проникли в лес с юго-западной стороны и внезапно ударили по гитлеровцам. Те, поняв ситуацию, сосредоточили основной удар против нашего прикрытия с фронта, пытаясь выйти к нему в тыл. Всю силу удара врага принял на себя третий дивизион капитана А. П. Сеземина. Взвод управления и часть

орудийных номеров заняли оборону впереди орудий. Все атаки пехоты и танков противника воины дивизиона отбили, но и сами понесли большие потери.

К исходу дня 14 августа дивизия значительно продвинулась вперед, заняла выгодные позиции, готовясь к новому наступлению. Представилась короткая возможность подвести итоги первых боев на польской земле, более глубоко проанализировать наши действия. Главный и важный вывод: в первых боях в Польше мы потеряли много людей. Были эвакуированы в госпитали командир второго дивизиона гвардии капитан Лубов, командиры батарей гвардии старшие лейтенанты Лунев, Шадрин и Спусков, погибли командир взвода управления девятой батареи гвардии старший лейтенант Орлов, командир батареи старший лейтенант Савенков и другие товарищи.

Посоветовавшись с генералом А. Г. Мотовым, мы решили провести совещание руководящего состава дивизии. На этом совещании, а затем и на собраниях партийного актива частей речь шла о повышении бдительности, о способах достижения успеха в бою с наименьшими потерями, о строгом соблюдении дисциплины при ведении любого вида боевых действий, о повышении требовательности командиров к себе и подчиненным во имя того, чтобы каждая победа была добыта по возможности малой кровью.

Это помогло лучше организовать последующие бои. Были укомплектованы роты и батареи личным составом, вооружением, сделали перестановку коммунистов и комсомольцев, пополнив ротные и батарейные партийные организации. Первичные партийные организации и парткомиссия дивизии приняли в члены и кандидаты партии более 120 отличившихся в боях солдат и командиров.

Большую работу проделали бойцы разведроты дивизии под руководством майора А. Тюрина, разведвзводов полков. Они определили огневые средства противника в полосе действий на всю тактическую глубину его обороны и нанесли их на карты. Было точно установлено, что перед дивизией, в полосе ее наступления, на рубеже сел Гурне, Пянтковец обороняются 23-я танковая дивизия, 128-й минометный полк и 51-й саперный батальон гитлеровцев. Все эти разведданные дали возможность штабам подготовить точные данные для артиллерийской подготовки.

Большую работу проделали тыловые подразделения дивизии, возглавляемые заместителем командира дивизии по тылу гвардии майором Чевердой. Они сумели в короткий срок перебазировать тылы в район боевых действий частей и

своевременно обеспечить их боеприпасами, горючим, продовольствием. Вся тяжесть этой огромной работы выпала на долю личного состава автороты, и он с честью справился с возложенными на него задачами.

18 августа мы получили приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, объявившего бойцам и командирам частей и соединений 1-го Украинского фронта, в том числе и нашей дивизии, благодарность за успешные боевые действия по захвату, удержанию и расширению сандомирского плацдарма. Приказ был зачитан во всех подразделениях и вызвал у воинов новый прилив энергии, стремление быстрее вступить в бой и разгромить врага.

Время на подготовку к новым боевым испытаниям заканчивалось. Нас ожидала серьезная операция - взятие города Дембица, важного узла железных дорог и промышленного центра восточной Польши. Вопрос освобождения польского города Дембица (на немецких картах он назывался Дебица) в летнно месяцы 1944 года приобрел особое значение. Гитлеровцы, производя там самолеты-снаряды большой мощности ФАУ-1 и ФАУ-2, обстреливали ими прибрежные города-Англии и Лондон. В связи с этим У. Черчилль настоятельно просил И. В. Сталина ускорить захват Дембицы победоносно наступающими советскими войсками и допустить английских специалистов для изучения ракет и устройства их запуска.

13 июля 1944 года У. Черчилль писал И. В. Сталину:

"Имеются достоверные сведения о том, что в течение значительного времени немцы проводили испытания летающих ракет с экспериментальной станции в Дебице в Польше... Дебице лежит на пути Ваших победоносно наступающих войск... Поэтому я был бы благодарен, маршал Сталин, если бы Вы смогли дать надлежащие указания..."{10}

"Район, который нас интересует и где производятся эксперименты с запуском больших ракет, находится северо-восточнее Дебицы, или Дембицы, которая расположена на железнодорожной магистрали между Краковом и Львовом... Возможно, что они имеют тысячу ракет такого типа, каждая весом около пяти тонн. Это является серьезным моментом для Лондона. В настоящее время у нас около тридцати тысяч убитых и раненых... Поэтому было бы помощью с Вашей стороны, если бы Вы смогли захватить..."{11} (Дебицу - Б. И.)

На это послание Черчилля 22 июля И. В. Сталин ответил следующее:

"В связи с Вашим последним посланием необходимые указания относительно экспериментальной станции в Дебице

мною даны"{12}.

Черчилль незамедлительно 24 июля пишет И. В. Сталину:

"Благодарю Вас за Вашу телеграмму от 22 июля относительно Дебицы. Я очень рад, что Вы лично уделяете внимание этому вопросу"{13}.

И, наконец, последнее послание Черчилля Сталину от 16 октября 1944 года, в котором говорится:

"Уважаемый маршал Сталин!

Вы, вероятно, помните о тех телеграммах, которыми мы обменивались летом, относительно поездки британских специалистов на германскую испытательную ракетную станцию в Дебице, в Польше, которым Вы соблаговолили оказать содействие. В настоящее время мне стало известно, что специалисты возвратились в Англию, привезя с собой ценную информацию, которая заполнила некоторые пробелы в наших познаниях о ракетах дальнего действия. Прошу Вас принять мою благодарность... за помощь..."{14}

...Бои за Дебицу начались с утра 20 августа. В 10 часов 55 минут после мощной двухчасовой артподготовки части дивизии, поддерживаемые 4-м танковым корпусом генерала П. П. Полубоярова, перешли в атаку. Сметая на свои пути оборонительные сооружения противника, выбивая его из населенных пунктов, они прорвали его оборону на рубеже Гурне, Пянтковец и к утру 23 августа перерезали основную дорогу, идущую из Дембицы на запад в город Тарнув. К этому времени дивизионные разведчики и саперы заминировали мост через реку Вислоку на западной окраине Дембицы, который охранялся только часовыми, еще не знавшими, что советские части вышли им в тыл и отрезали пути отхода на Запад.

Что это именно так, я вскоре убедился. Вместе с заместителем командира 225-го гвардейского полка по политчасти гвардии майором Бечиным мы пришли в третий стрелковый батальон гвардии капитана Мироненко, который вышел на магистраль Дембица - Таддув. Через 15-20 минут мы увидели идущий по дороге из Дембицы бронетранспортер с группой офицеров. Мироненко спросил у меня:

- Пропустить в наше расположение или уничтожить на подходе?

- Пропустить в расположение батальона, подбить его, а офицеров пленить, - приказал я.

Вскоре бронетранспортер подошел к дорожной будке, за которой стояла, изготовившись к бою, 76-миллиметровая полковая пушка. Она произвела выстрел по бронетранспортеру, и тот замер на месте. Три офицера и водитель, оказавшие

сопротивление, были убиты. Только один офицер остался в живых. Он сообщил, что гарнизон Дембицы еще не знает о положении дел, не догадывается, что Красная Армия захватила основную дорогу, идущую из Дембицы в Тарнув. Он же показал, что с запада и юга город перекрыт малыми силами, но в самом городе много войск, есть танки, пушки, минометы.

О результатах разведки и показаниях пленного офицера мы сразу же доложили командующему армией генералу А. С. Жадову. По его приказу был немедленно сформирован под командованием командира 225-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковника П. А. Плешкова мощный штурмовой отряд в составе его полка, 13-й танке вой бригады 4-го танкового корпуса и второго дивизиона артполка дивизии. На танки был посажен десант гвардейцев пехотинцев полка.

Штурмовая группа отряда, возглавляемая лейтенантом А. С. Подобедом, первой проскочила мост через реку Вислоку, ворвалась в город, открыла огонь из всех видов оружия и обеспечила проход по мосту всему штурмовому отряду.

Переправившись, офицер атаковал основные узлы сопротивления противника, вызвал у фашистов переполох, нарушил связь и управление войсками гарнизона и, взаимодействуя с войсками соседней левофланговой армии, атаковавшей город с востока, 23 августа штурмом овладел городом Дембица, экспериментальным заводом, выпускающим самолеты-снаряды ФАУ-1 и ФАУ-2, и пригородами. Только в одном этом бою противник потерял убитыми более 400 солдат и офицеров.

Но гитлеровцы опомнились и стали подтягивать резервы. Начались мощные атаки на город с юга, где закрепился 225-й гвардейский полк и второй дивизион артполка, и с запада вдоль дороги, идущей на Дембицу из города Тарнув, где держали оборону 223-й, 228-й гвардейские полки, а также два дивизиона 158-го гвардейского артиллерийского полка.

Орудийные расчеты, разведчики и связисты второго дивизиона вместе с пехотой отразили эти атаки. Расчеты старших сержантов Григорьева и Гнездикова, подпустив фашистов на близкое расстояние, подбили один танк, уничтожили бронетранспортер, три пулеметные точки и более взвода пехоты. А расчеты сержантов Печковского и Мурзина подавили огонь артбатареи, уничтожили две пулеметные точки, разбили дом, где находился наблюдательный пункт, и похоронили в его руинах находившихся там гитлеровцев.

Разведчики дивизиона под командованием гвардии старшего лейтенанта Возносименко и гвардии лейтенанта Курьянова,

находясь в боевых порядках пехоты, засекали огневые точки противника и сразу же вызывали на них огонь батарей.

Лишь к исходу дня 23 августа бои за Дембицу стали стихать. А вечером был объявлен приказ Верховного Главнокомандующего, в котором выражалась благодарность войскам, овладевшим Дембицей. С радостью гвардейцы приняли это сообщение. Ночью прошли короткие митинги в батальонах и дивизионах, на которых воины дали клятву и дальше бить врага, не жалея сил.

...В ночь на 26 августа 1944 года дивизия была выведена во второй эшелон корпуса. Наступила короткая передышка. В те дни мы получили приказ Верховного Главнокомандующего от 1 сентября 1944 года, которым 78-й гвардейской стрелковой дивизии присваивалось почетное наименование "Вислинская", как отличившейся в боях при форсировании. Вислы.. 7 сентября приказом Верховного Главнокомандующего 225-му гвардейскому ордена Красного Знамени стрелковому и 158-му гвардейскому гаубично-артиллерийскому полкам было присвоено наименование "Дембицкие", а 81-й гвардейский отдельный истребительно-противотанковый дивизион за успешное истребление вражеской техники - танков, самоходно-артиллерийских установок, бронетранспортеров и живой силы Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Богдана Хмельницкого III степени{15}.

Относительное затишье на нашем участке фронта длилось до 12 января 1945 года. Воспользовавшись этим, 5-я гвардейская армия укрепляла свою оборону на сандомирском плацдарме и одновременно готовилась к решительным, завершающим боям.

Политотдел, все политические и партийные работники дивизии развернули широкую разъяснительную работу с личным составом. В ротах, артбатареях проходили политические занятия по разработанной политотделом армии тематике, политинформации, индивидуальные беседы. Состоялись лекции и доклады. Солдаты и офицеры знакомились с историей польского государства, его народа, с положением на фронтах Великой Отечественной войны. Мы старались развить у личного состава высокий наступательный дух, неукротимую волю к быстрейшей победе, разгрому врага в его логове.

За время боев на сандомирском плацдарме у нас произошли некоторые изменения в командно-политическом составе. Был выдвинут и переведен на работу в корпус командующий артиллерией дивизии полковник С. Е. Ципилев. На его место был назначен опытный артиллерист, пользующийся большим авторитетом у личного состава, бывший командир 158-го

гвардейского артполка гвардии подполковник М. И. Счетчиков. Командиром 158-го гвардейского артполка стал гвардии майор В. В. Демченко, а его заместителем по строевой части командир 1-го дивизиона Герой Советского Союза гвардии майор И. А. Тернавский. Уехал продолжать учебу заместитель командира этого полка по политической части гвардии майор С. Шелест. На эту должность назначили ветерана полка и бывшего парторга гвардии майора А. П. Зубко. Произошли и другие замены. Так, вместо командира 225-го гвардейского стрелкового полка Героя Советского Союза гвардии подполковника П. А. Плешкова, назначенного заместителем командира дивизии по строевой части, стал гвардии майор Д. К. Орлянский, ранее командовавший учебным батальоном.

Нелегко было расставаться с теми, кто уходил из дивизии. Это были боевые, смелые, знающие свое дело командиры и политработники, отдавшие много сил, энергии, умения в борьбе с врагом, сплочению дивизии, повышению ее боеспособности.

В эти дни в дивизию приехала делегация с Харьковского тракторного завода. Члены делегации выступили во всех частях и подразделениях, рассказали об успехах и трудностях восстановления ХТЗ, сообщили, что завод уже дает продукцию, так необходимую для фронта. Теплые встречи, беседы вызвали у гвардейцев новый прилив бодрости, силы, желания быстрее вступить в бой с врагом и окончательно разгромить его.

Рано утром 12 января 1945 года делегация завода находилась на наблюдательном пункте дивизии. В этот момент началась мощная артиллерийская подготовка, сотни орудий ударили по переднему краю обороны противника. Это было началом большого наступления.

Провожая делегацию, мы от души благодарили рабочих за добрые известия и обещали, что будем бить врага до полного его уничтожения.

Глава десятая

Политотдельцы

Дороги войны... Они были трудными для всех. Рядом с каждым, будь то солдат, офицер или генерал, шли и радость побед, и горечь неудач, и боль при потере боевых товарищей, друзей.

Тяготы и лишения со всеми поровну делили и мы, работники политотдела. И не только делили, но стремились взять на свои плечи как можно больше, чтобы облегчить ношу другим. Разумеется, каждый из нас имел четко определенные обязанности, отвечал за строго очерченный участок работы. Но это, так сказать, с формальной точки зрения. Практически работу

каждого невозможно было втиснуть в какие-то ограниченные рамки - всем, каждому приходилось вникать буквально во все, делать то, что порой не было предусмотрено никакими инструкциями и наставлениями. Главное - нужно было видеть человека со всеми его радостями и бедами, влиять на него, помогать ему находить в себе силы драться с врагом и побеждать в самых, казалось бы, невыносимых условиях. Именно побеждать! Нашей задачей было воспитывать у бойцов и офицеров беспредельную любовь к Родине, ненависть к немецко-фашистским захватчикам, мужество, стойкость, готовность отдавать все силы борьбе с врагами, а если требовалось, то и жизнь. Делать это, конечно, нелегко, тем более в условиях постоянных боев. Приходилось использовать и уже оправдавшие себя методы партийно-политической работы, и находить новые, учитывая сложившуюся обстановку и конкретные условия. Нередко случалось и такое, что приходилось активно пользоваться единственно возможным методом воспитательного воздействия на людей - личным примером. Находиться среди идущих в бой, первыми подниматься в атаку, вести за собой бойцов на преодоление той или иной преграды - это было нормой в поведении каждого политработника.

Что же это были за люди, политотдельцы? Обыкновенные. Они отличались от других разве только тем, что иногда более глубоко сознавали всю свою ответственность за доверенное им дело, потому что воспитывать личный состав, закалять его идейно, психологически, нести в массы идеи партии, разъяснять ее требования могли, получали право на это только люди с горячим сердцем, люди честные, искренние, неугомонные, имеющие в душе достаточно мужества в сочетании с теплотой, что вдохновляло и согревало всех, кто был рядом с ними.

Рассказ о своих товарищах-политотдельцах я не случайно выделил особо. Хотелось более четко показать их заботы и тревоги, характеры, желания и стремления, как-то подчеркнуть сложность и особенность их работы. Тем более что некоторые товарищи не имели поначалу практического опыта партийно-политической работы и приобретали его в ходе боев, находясь в окопах, в шеренгах наступающих. И конечно же, не всем это сразу удавалось.

В первые же дни после назначения меня заместителем командира дивизии по политчасти и начальником политотдела я обстоятельно познакомился со всеми, с кем предстояло работать. Если говорить откровенно, тогда в душу закрадывалась тревога: ведь придется наверняка трудновато. Дело в том, что в эти же дни на новую должность с повышением были назначены опытные

политработники - заместитель начальника политотдела дивизии подполковник В. С. Захаренко и агитатор политотдела майор И. С. Крапивный. Как раз те офицеры, на которых я рассчитывал опереться, в которых видел своих самых надежных помощников.

Подполковник Захаренко, расставаясь со мной, ввел меня в курс дела, в деталях раскрыл обстановку, дал глубокую и, как я потом убедился, вполне объективную характеристику каждому работнику политотдела. Это для меня было очень и очень важно. На раскачку, на постепенное, исподволь узнавание друг друга времени не было. Так что буквально в первые дни я уже имел представление о каждом сотруднике, по крайней мере в общих чертах представлял себе, кто и на что способен.

Тогда пришлось оперативно решать и некоторые организационные вопросы. Первым делом нужно было подобрать работников на освободившиеся должности. Я пригласил к себе инструктора по организационно-партийной работе майора Луку Павловича Шрамко, как одного из наиболее опытных политработников, и попросил его высказать свое мнение о том, кого можно было бы назначить агитатором политотдела. Тот назвал капитана Ивана Дмитриевича Штина.

- А если подумать не торопясь, тщательно все взвесить? неудовлетворенный скоропалительным, как мне показалось, ответом, спросил я.

- Капитана Штина, - повторил спокойно майор. - Опытный, знающий, эрудированный офицер, прекрасно зарекомендовал себя в должности агитатора двести двадцать третьего гвардейского стрелкового полка.

Мне понравилась настойчивость Луки Павловича. И все-таки я сомневался в правильности выбранной им кандидатуры. Дело в том, что я, хотя и не очень хорошо, но все-таки знал Штина, не раз встречался с ним. По работе у меня не было к нему претензий, но смущал внешний вид офицера. Не раз, бывало, говорил ему:

- Что же это вы не следите за собой: обмундирование подогнано кое-как, ремень не подтянут, ходите сгорбившись? Никакой военной вытравки! А ведь вы офицер! В любых условиях надо быть на высоте. Посмотрите на других любо-дорого окинуть взглядом.

Штин смущенно опускал голову и молчал, а потом начинал заходиться в кашле.

- И бросайте, пожалуйста, курить. Нельзя вам - неужели не понимаете?

Капитан кивал, соглашался, что с куревом надо кончать, но, видимо, делал это, лишь чтобы отвязаться от меня.

Конечно, дело не во внешнем виде, главное - опыт, знание офицера, его умение работать с людьми. Это было ясно. Но знал я и другое: офицер политотдела - это кроме всего прочего и образец подтянутости, это человек, для которого личный пример во всем - главное. К тому же работать агитатору приходится постоянно на самых передовых позициях, на опаснейших участках, большую часть времени проводить в частях, подразделениях. Под силу ли это Штину?

И вот разговор с Иваном Дмитриевичем в связи с его предстоящим назначением. Беседуем.

На вопросы отвечает односложно, настороженно следит за мной. Лицо бледное, с правильными чертами, взгляд проницательный, умный. Когда ему становилось трудно дышать, он извинялся и только потом начинал кашлять глухо и надрывно, а успокоившись, смотрел на меня виновато и смущенно большими голубыми глазами. Мне было искренне и от души жаль его. Разговор о здоровье Ивана Дмитриевича я решил отложить на будущее и сразу взял быка за рога, предложив ему новую должность.

Штин сперва только пожал плечами, потом тихо сказал:

- Мы люди военные. Если считаете, что я нужнее здесь, то готов...

На том разговор закончился. Через несколько дней офицер уже находился в штате политотдела. Чем больше узнавал его, тем сильнее проникался уважением к нему, 'больше ценил. Эрудиция, глубокие знания в области экономических наук, литературы, искусства, трудолюбие и общительность вскоре, сделали И. Д. Штина любимцем политотдела. Все знали, что до призыва в армию он занимал высокую должность - был ректором Кировского педагогического института, имел ученую степень кандидата экономических наук. Это, естественно, возвышало его в глазах товарищей, и они относились к нему с почтением.

В деле же Штин показывал себя с самой лучшей стороны. Он часто выступал с лекциями, докладами на семинарах, сборах политработников, секретарей партийных организаций, проводил беседы. Речь его была яркой, образной, слушали офицера всегда внимательно, с интересом. Политработники полков считали удачей "заполучить" Ивана Дмитриевича для чтения лекции на ту или иную тему.

Успех капитана не был случайным. К каждой встрече с людьми он готовился обстоятельно, всесторонне, сполна используя всю литературу, имевшуюся в политотделе, и свою личную библиотеку, как он называл имевшиеся у него книги, с которыми не расставался. Сколько раз и в глухую полночь, и

днем, в период затишья между боями, заставал его в политотделе. Обложившись книгами, брошюрами, газетами, он готовился или к выступлению с лекцией, или к беседе в окопах, блиндажах.

- Вы, Иван Дмитриевич, выкраивайте время для отдыха, - не раз говорил я ему. - Нельзя же так.

В ответ он лишь улыбался своей обаятельной улыбкой и успокаивал меня:

- Это для меня лучший отдых.

Полной противоположностью Штину, прежде всего внешне, был другой агитатор политотдела, назовем его капитан Е. Всегда подтянут, в хорошо подогнанной форме, с претензией на щеголеватость, строен, он привлекал внимание всех, с кем встречался. Умел поддерживать беседу

на любую тему, говорил убедительно, ярко, даже артистично. Любое приказание выполнял старательно, без промедления. Не раз мне довелось присутствовать на его беседах с солдатами, на лекциях и докладах, и всегда я отмечал его широчайшую эрудицию, умение логично, убедительно излагать мысли, анализировать факты. Казалось бы, радуйся, имея такого подчиненного. Но одно мешало офицеру. Мягкий, впечатлительный, мечтатель, не ведавший, видимо, до войны зла, серьезных передряг и тревог, он уходил, бывало, на передний край, слегка побледнев, преувеличенно ощущая предстоящую опасность, что ли. Но шел спокойно, выдержанно, с достоинством, хотя все понимали, как не просто ему было собрать свои нервы в прочный комок.

Но ведь бойцы на передовой тоже замечали неуравновешенность капитана в сложных ситуациях, а это, естественно, сводило все его искренние и добросовестные усилия повлиять на людей на нет. Это было очевидно. Стало ясно, что с капитаном Е. придется расстаться. И вскоре он был назначен заместителем командира медсанбата по политчасти. Не хотелось принимать такое решение, но и оставить этого офицера в политотделе я не мог...

На должность агитатора политотдела прибыл капитан М. К. Зотов. В прошлом он работал учителем, затем окончил военно-педагогический институт, некоторое время исполнял обязанности агитатора полка. Мы часто встречались с ним, и каждый раз он оставлял у меня хорошее впечатление. Любили его и в части. Веселый, общительный, добродушный, исключительно храбрый - таким его знали. Бойцы готовы были идти за ним, как говорится, в огонь и в воду.

Зотов быстро сдружился с работниками политотдела, за короткое время сумел проявить себя знающим пропагандистом,

умеющим задевать слушателей за живое. К тому же он был непоседа. Бывало, только возвратится из какого-нибудь подразделения, немного побудет в политотделе, приведет документы в порядок, изучит всю вновь поступившую информацию и снова просится на передовую.

Работать с Зотовым было легко и приятно. Ему ни о чем не надо было напоминать, ничего не нужно было объяснять дважды - все он схватывал на лету, выполнял старательно, со всей ответственностью. И никто долгое время даже не подразумевал, что у этого веселого, никогда не унывающего человека тяжелая душевная травма. Если Зотов и бывал когда грустным, задумчивым, то этого никто всерьез не воспринимал - не в настроении, мол, Михаил, и ничего более. Сначала и я как-то не обращал на это внимания - мало ли почему человек может загрустить: вокруг творится черт-те что, теряем друзей, товарищей, близких. И все-таки однажды попытался разузнать - нет пи глубоких причин для расстройства.

Однажды вечером, дождавшись Зотова, пригласил его пройтись по лесу. Шли молча. Наконец я попросил:

- Рассказывай. Хватит в молчанку играть. Иногда не мешает делиться с сослуживцами но только радостью, но я печалью...

Зотов еще долго молчал. Когда заговорил, я даже не узнал его голоса. Говорил сбивчиво, непоследовательно, едва сдерживая себя.

Жена и пятеро детей Зотова жили в Калининской области. И ему стало известно, что жена родила без него еще одного ребенка.

- Я хотел давно с ней развестись, причины и раньше были... Но ведь дети...

Долго мы говорили в этот вечер. Вместе решали, как быть. Я понимал, что в таких вопросах советовать - дело щепетильное. Об одном просил его - не принимать поспешных решений.

Когда расставались, Зотов вроде бы даже вполне бодро сказал:

- Что бы ни случилось, детей я не оставлю на произвол судьбы - в этом не сомневайтесь. И на службе моей ничто не отразится, как служил, так и буду...

И он сдержал слово. До конца войны мы шли вместе по трудным дорогам и никогда, ни в каких условиях Михаил не давал повода упрекнуть его за недобросовестность. И открыл я в нем другие замечательные черты - волю, сдержанность, огромное самообладание.

Вдумчивым, знающим работником зарекомендовал себя майор Лука Павлович Шрамко. До призыва в армию он находился

на партийной работе в Полтавской области, затем окончил военно-политическое училище и курсы военных комиссаров. Неторопливый в движениях, всегда спокойный и уравновешенный, он умиротворяюще действовал на всех, кто с ним общался. Острословы объектом своих шуток часто выбирали Шрамко, зная, что тот не обидится, не вскипит, а лишь добродушно улыбнется и скажет: "Мели, Емеля, - твоя неделя".

Уходя в части, подразделения, расположенные далеко от политотдела, Шрамко брал с собой все необходимое и обязательно с запасом. Он любил повторять: "Идешь в дорогу на день - запасайся на неделю, идешь на неделю запасайся на месяц". Эта народная мудрость в военных условиях особенно злободневна: обстановка могла измениться в считанные минуты, и трудно было предугадать, как начнут развиваться события.

Над Шрамко подшучивали, когда он собирался в дорогу: дескать, больно много впрок берешь. Однако многие из офицеров, работавших вместе с ним в частях, не прочь были воспользоваться запасами Луки Павловича. Особенно Михаил Васильевич Кипятков - инструктор политотдела по работе среди войск противника. Со Шрамко они крепко дружили, хотя отличались по характеру. Кипятков более энергичный, упрямый, задира, готовый съязвить при удобном случае. Ничего дурного, злого в этом, конечно, не было. Но было в чем и то, что откровенно притягивало к нему людей разных возрастов и характеров: он обладал широкими познаниями в литературе, искусстве, мог интересно рассказывать об ученых, писателях, поэтах, о жизни, быте, нравах жителей разных стран, о политических и государственных деятелях. И офицеры, и бойцы его беседами просто заслушивались. И Шрамко, хотя и сам обладал широкой эрудицией, всегда восхищался познаниями товарища. На основе этого и родилась, окрепла их дружба. Но это однако не мешало Кипяткову запускать свою руку в вещмешок друга, когда им вдали от политотдела приходилось полагаться только на свои запасы.

- Вот возьму разок и дам тебе от ворот поворот. Узнаешь тогда... беззлобно ворчал Шрамко.

- Не дашь. Совесть не позволит. Зачем мы будем оба вещмешка харчами набивать. Пусть лучше в одном хранится. У тебя ведь целее будет...

Шрамко лишь безразлично махал рукой и приглашал друга перекусить.

Оба инструктора работали много и без устали. Шрамко буквально пропадал в частях; учил молодых секретарей парторганизаций вести партийное хозяйство, готовить и проводить собрания, инструктировал партийный актив, вместе с

секретарями организовывал работу, связанную с обеспечением личной примерности коммунистов в бою. Много внимания уделял он подготовке отличившихся в боях офицеров, сержантов, солдат к вступлению в партию, беседовал с ними, разъяснял требования Устава партии.

Нередко Лука Павлович попадал в сложные ситуации, когда личным примером ему доводилось поднимать бойцов в атаку. Так, например, произошло и на днепровском плацдарме.

Вместе с другими политработниками он сумел остановить дрогнувших и отступавших бойцов соседнего полка 53-й дивизии, организовать оборону, отбить фашистов, не допустить их к нашей переправе. За смелые и решительные действия Л. П. Шрамко был награжден орденом Красного Знамени.

Трудолюбием, напористостью и храбростью отличался и Кипятков. Не было случая, чтобы перед выходом разведки за "языком" он не поговорил с бойцами, не проводил их, не подождал, пока они вернутся. В минуты ожидания жаловался:

- Лучше самому идти в разведку, чем вот так сидеть в неведении. А самого не пускают. Спрашивается, почему?

Знал он почему. Инструктору политотдела ходить в разведку без острой к тому необходимости не положено. Работы у него и без этого хватало. Он должен был готовить листовки и воззвания для фашистских войск, засылать в тыл врага "агитаторов" из числа пленных, прошедших соответствующую подготовку, проводить разъяснительную работу среди противника, активно используя технические средства пропаганды. Но если дело касалось риска, то Кипятков шел на него не колеблясь. Как это было, скажем, под Бригом. Большое скопление фашистов попало в окружение, гитлеровцы продолжали сопротивление, хотя оно было явно бессмысленным. Чтобы сохранить жизнь сотням людей, было принято решение послать к ним парламентера и сделать попытку убедить их сдаться. Я предложил Михаилу Васильевичу взять эту миссию на себя, предупредив, что исход дела может оказаться совершенно неожиданным. Кипятков немедленно отправился в логово врага. Вернулся он минут через 30-40, приведя с собой большую группу немецких солдат, сдавшихся в плен. Затем Михаил Васильевич побывал "в гостях" у фашистов еще и еще. И каждый раз возвращался с группами вражеских солдат.

С Кипятковым мы расстались в самом конце войны. Он был назначен с повышением, но фронтовая дружба у нас продолжалась.

Вместе со мной в политотдел на должность секретаря партийной комиссии был назначен майор Василий Сергеевич

Куликов, работавший ранее секретарем Военного совета Воронежского фронта. В те годы ему было уже за сорок, и кое-кто за глаза называл его дедом. Он знал об этом и не обижался. Ко всем относился по-дружески, внимательно, заботливо. К нему шли и за советом, и за практической помощью, с ним делились и радостью, и горем.

Неоценимую помощь Василий Сергеевич оказывал и мне. Как опытный партийный работник, коммунист с большим партийным стажем, он умел разглядеть в человеке все лучшее, развить эти качества, помочь ему обрести уверенность в себе. Сколько людей своими успехами, всей своей судьбой обязаны ему! Он никогда не принимал решения, касающегося того или иного коммуниста, не вникнув глубоко в дело, в характер человека, не изучив обстановку, не взвесив все "за" и "против".

Такому бережному, внимательному отношению к людям мы все учились у Куликова. Учились и мужеству, высокой ответственности, с которой он выполнял свои обязанности. Как бы ни складывалась обстановка, Василий Сергеевич находил возможность побывать в окопах и блиндажах, побеседовать с бойцами и командирами, поинтересоваться, что их волнует, как обеспечены обмундированием, горячей пищей, регулярно ли получают газеты, журналы. Вся эта информация не раз становилась предметом обсуждения в политотделе, по ней принимались соответствующие решения.

Куликов сделал правилом все заседания партийной комиссии, связанные с рассмотрением дел о приеме в партию, проводить непосредственно в батальонах и дивизионах. Это способствовало повышению .оперативности в решении вопросов приема, качеству отбора людей, не отвлекало их от выполнения боевых задач. Естественно, что я всеми мерами поддерживал инициативу секретаря парткомиссии.

Всеобщим любимцем был у нас помощник начальника политотдела по комсомольской работе Константин Павлович Зырянов, или просто Костя. Веселый, неуемный, задиристый, он пришел в политотдел из 15-й гвардейской дивизии, где был секретарем комсомольской организации артиллерийского полка. Стройный, подтянутый, щеголеватый и, я бы сказал, красивый, он быстро завоевал и сердца девушек, работавших в политотделе. Но, как мне казалось, Костя не был способен устраивать свое личное счастье, все время отдавал делу. Я, как потом узнал, ошибался и ничуть об этом не жалею. После войны Костя женился на Нине Шевченко - партучетчице политотдела. Это, конечно, не вдруг...

Костю любили комсомольцы. Во всех подразделениях его

встречали радостно, бойцы сразу же окружали офицера, и начинался разговор не только о делах комсомольских, по и о житейских. А поддержать беседу, направить ее и нужное русло Зырянов умел.

Были среди работников политотдела и такие, кто ив обладал достаточным опытом, кто требовал к себе особого внимания. Незадолго до моего назначения начальником политотдела в коллектив пришел на должность инструктора по информации капитан Илья Нестерович Корж, работавший раньше начальником клуба дивизии. Понаблюдав за ним, я пришел к твердому убеждению, что он тяготится таким делом. И не потому, что ленив или недобросовестен, нет - просто работа для него была совершенно новой. Не хватало человеку знаний, умения анализировать факты, давать им объективную оценку. А без этого инструктор по информации успешно работать не сможет. К тому же я знал, какие высокие требования предъявляют Военный Совет и политотдел армии к политдонесениям, которые должен был готовить Корж.

Конечно, была возможность заменить инструктора, подобрать на его место человека, хорошо знающего жизнь войск, умеющего наблюдать, анализировать, сопоставлять факты. Но я решил все-таки помочь Илье Нестеровичу, как говорится, утвердиться в своем деле.

Начал с того, что стал чаще посылать его в полки и спецподразделения для уточнения тех или иных фактов, терпеливо правил тексты политдонесений, объясняя, почему, по какой причине вношу изменения. Нередко брал инструктора с собой в части и на месте подсказывал, на что обратить внимание, что должно быть отражено в очередном политдонесении. К чести Ильи Нестеровича, он внимательно прислушивался к советам, быстро все усвоил и скоро стал вполне успешно выполнять свои обязанности.

Большая роль в организации деятельности коллектива политотдела принадлежит, как известно, заместителю начальника. Долгое время у нас эту должность занимал подполковник А. Манвелян. Очень опытный политработник, умеющий устанавливать добрые взаимоотношения с людьми, внимательный, добрый. Не хватало ему, пожалуй, только настойчивости, требовательности. Там, где следовало проявить характер, добиться безусловного выполнения того или иного решения, рекомендации политотдела, Манвелян ограничивался мягкими увещеваниями.

Работал он много. Его особенно хорошо знали в тыловых подразделениях, учебном батальоне, спецподразделениях, в

штабе. Манвелян как бы курировал деятельность их партийных организаций. Часто бывал он в боевых частях и подразделениях, помогая политработникам, парторгам организовывать свою работу в конкретной связи с решаемыми личным составом задачами, с учетом сложившейся обстановки.

Мне было известие, что Манвелян иногда в кругу друзей высказывал неудовлетворение собой. Он считал, что служба у него не пошла. Когда-то он учился в академии вместе с членом Военного совета фронта генерал-лейтенантом К. В. Крайнюковым и иногда говорил об этом друзьям. А те, естественно, подсказывали: ты, дескать, обратился бы с письмом к Константину Васильевичу Крайнюкову, объяснил обстановку. Наверняка поможет чем-нибудь.

Как Манвелян воспринимал подобные советы, не знаю. Но письмо, видимо, он все-таки послал, потому что однажды мне позвонил генерал-лейтенант Крайнюков и, поинтересовавшись состоянием дел в дивизии, спросил:

- Как там дела у Манвеляна?

- Хорошо, - односложно ответил я.

- Думаем назначить его начальником политотдела соединения. Каково ваше мнение?

Я ответил, что Манвелян зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Заместитель начальника политотдела он стоящий, а вот каким будет начальником - судить не берусь.

Через несколько дней Манвелян уезжал от нас. Он возглавил политотдел одного из соединений.

Довольно продолжительное время мне пришлось работать без заместителя. Лишь в начале 1945 года на эту должность был назначен подполковник Ю. К. Леонтьев, бывший ранее начальником политотдела Саратовского областного военного комиссариата.

Членами нашей сравнительно небольшой политотдельской семьи были и сотрудники редакции дивизионной газеты "Боевая красноармейская". Скажу откровенно: мы получали много газет, в том числе центральных, фронтовую, регулярно доставляли их в окопы, но самая близкая и родная для бойцов была все-таки дивизионка. Выходила она через день, ее с нетерпением ждали, прочитывали залпом. Популярность дивизионки объяснялась тем, что газета объективно и довольно ярко отображала жизнь, боевые действия, героизм, мысли и чаяния бойцов, рассказывала о тех, кого знали в дивизии. Каждый воин искал в ней фамилии своих друзей, свою фамилию, хотя в этом и не признавался. А если находил, то прятал газету подальше и при удобном случае посылал ее родным.

Через дивизионку к бойцам и командирам частей, подразделений регулярно обращались комдив, политотдел, начальник штаба, ставя перед ними задачи, разъясняя их сложность и ответственность, с призывами действовать смело, решительно, героически.

В газете систематически выступали и солдаты, сержанты, молодые офицеры, делились опытом боев, высказывали свои думы и надежды, призывали разбить врага во что бы то ни стало и как можно быстрее.

Много внимания газета уделяла воспитанию у личного состава любви к Родине, ненависти к немецко-фашистским захватчикам, умело использовала с этой целью письма родных и близких бойцов и командиров, вести с заводов и фабрик, из колхозов и совхозов, где воины работали до призыва в армию. Эти письма несли в себе дух оптимизма нашего народа, веру в победу, рассказывали о трудовом героизме советских людей в тылу, содержали строгий наказ драться с врагом умело, до последнего дыхания. Давались и публикации иного плана письма, показывающие ужасы, которые пережили те, кто остался на временно оккупированной фашистами территории, об издевательствах захватчиков над советскими людьми. Они вызывали в сердцах воинов жгучую ненависть к врагу, желание отомстить ему за муки и страдания родного народа.

Со дня формирования дивизии редакцию газеты "Боевая красноармейская" возглавлял Врам Ервантович Ераносьян. Человек высокой ответственности, огромного трудолюбия, хороших организаторских способностей, он сумел сплотить коллектив, направить его на решение главных задач. Как журналист, он не отличался особым мастерством, но, как руководитель коллектива, был на высоте. К тому же он хорошо знал боевую жизнь, требования к газете, чутко улавливал изменения в обстановке, запросы личного состава.

Редактор и другие сотрудники газеты работали с нами в тесном единстве. Я особо подчеркиваю эту мысль - в единстве. Без его обеспечения, без глубокой заинтересованности каждого политотдельца в успешной работе редакции, без их участия в подготовке материалов вряд ли можно рассчитывать на успешную деятельность.

Вместе мы обсуждали, какие вопросы следовало бы поднять на страницах газеты, как расширить авторский актив, кого привлечь в его состав. Короче говоря, работники редакции дивизионки - члены коллектива политотдела со всеми вытекающими отсюда последствиями - таков был наш подход.

Я уважаю и высоко ценю труд, а фронтовых газетчиков - в

особенности. Потому, наверное, что видел, какой труд вкладывали они в подготовку каждого номера, сколько мужества, порой героизма, настойчивости и подлинного мастерства требовалось им, чтобы "достать" свежий боевой материал, найти возможность под разрывами бомб и снарядов побеседовать с бойцом, чтобы потом рассказать о нем всем! Очень правильно поется в известной песне о том, что ради нескольких строчек в газете журналисту приходилось пройти десятки километров (и каких километров!), сутками не спать. Я это видел наяву и делал все для того, чтобы как-то и чем-то помочь газетчикам, облегчить их труд. Они это видели, понимали и на заботу о них отвечали старательностью в работе.

Работники дивизионки шли вместе с бойцами в бой, находились с ними в обороне, на отдыхе, делили с товарищами последний кусок хлеба, последний глоток воды.

Непосредственностью, обаятельностью подкупал Александр Фатеев. Он всегда появлялся там, где решалась судьба боя, где было наиболее трудно, появлялся с неизменной улыбкой, шутками, анекдотами. Казалось, не за делом человек пришел, а так - побалагурить, повеселиться, поупражняться в остроумии. Но это была лишь видимость - Александр ни на секунду не забывал о деле. Все интересное, важное он брал на заметку, и едва наступало затишье, уединялся где-нибудь в блиндаже или окопе и готовил материал в газету.

Разумеется, журналист не застрахован от пуль или осколков. Газетчики получали ранения, подлечивались в медсанбате и снова возвращались в коллектив. Но, даже находясь на излечении, они продолжали работать на газету, посылали туда статьи, корреспонденции, очерки.

В боях за город Мерефу Александр Фатеев находился в одной из атакующих рот. Он уже успел побеседовать со многими, наполнил свой блокнот фактами и примерами. Можно было возвращаться в редакцию. Но тут он узнал, что предстоит атака, которая, возможно, закончится рукопашным боем. И Фатеев доказал, что ему необходимо принять участие в атаке, увидеть будущих героев корреспонденции в действии.

Александр возвратился не в редакцию, а в медсанбат. И не "своим ходом", а на санитарной повозке - его ранило в ногу. Довольно длительное время он находился на излечении, а в газете публиковались его статьи, очерки, репортажи, присылаемые из медсанбата. До сих пор помню корреспонденцию "Героический подвиг офицера И. Козлова". В ней рассказывалось о том, как младший лейтенант Козлов и его подчиненные в течение нескольких часов отбивали атаки немцев на наблюдательный

пункт. Уже убито несколько бойцов, уже кончаются боеприпасы, а фашисты все наседают. Вот они окружили горстку смельчаков, стремясь захватить их живыми. И тогда Козлов вызвал огонь наших минометчиков на себя. Врагу был прегражден путь к наблюдательному пункту.

Эта корреспонденция была прочитана всем личным составом, горячо обсуждалась, агитаторы провели по ней беседы, отмечая мужество и героизм советских воинов.

Большой популярностью пользовались и материалы другого работника дивизионки - Цирена Очирова. Он пришел в газету из школы младших командиров еще на Дальнем Востоке и сразу проявил себя способным журналистом. Когда были введены должности заместителей редакторов дивизионных газет, его назначили на эту должность, присвоили офицерское звание. Очирова хорошо знали в войсках, особенно партийные и комсомольские работники, - он выступал в газете по вопросам партийной и комсомольской жизни. Все его статьи, корреспонденции были написаны с подъемом, раскрывали работу организаций ВКП(б) и комсомола в боевых условиях, показывали их вдохновляющую, ведущую роль в воинских коллективах.

После войны Очиров работал секретарем Бурятского обкома партии по пропаганде и редактором газеты "Правда Бурятии".

Самым молодым среди работников дивизионки был Григорий Демиденко. Но он уже прошел большую фронтовую школу: будучи командиром орудия, участвовал в обороне Ленинграда, а под Сталинградом воевал политруком разведроты. Незадолго до Курской битвы Ераносьян обратился ко мне с просьбой назначить Демиденко литературным сотрудником газеты, заверив, что тот имеет тягу к журналистской работе. Важным было и то, что Демиденко хорошо знал солдатскую жизнь, был смел, решителен. Выбор оказался удачным. Григорий Демиденко активно выступал в газете, находил хороших авторов, помогал им.

Большинство статей, корреспонденции, репортажей Демиденко привозил из окопов, с передовой линии наступления или обороны. Запомнились его репортажи о боях под Белгородом, где ему самому пришлось участвовать в рукопашной схватке.

Большую и трудную работу делали и наборщики, печатники - все, кому был доверен выпуск газеты. В суровых условиях им доводилось выполнять свои обязанности. Сколько мужества, стойкости, изобретательности проявляли люди! Они понимали, что их труд - важный вклад в победу над врагом.

Долгие годы войны -мы, работники политотдела, жили единой боевой семьей, выполняли дело, порученное нам партией. Смерть вырывала из рядов наших друзей, товарищей, на их место

становились другие. Работа не прекращалась ни на час, ни на минуту.

Глава одиннадцатая

Час расплаты

С выходом войск на территорию фашистской Германии перед нами, командирами и политработниками, встали новые сложные задачи. Надо было нацеливать личный состав на смелые, решительные действия, беспощадное уничтожение врага в его логове, призывать к бдительности и вместе с тем настойчиво разъяснять воинам освободительную миссию Красной Армии, добиваться правильных взаимоотношений бойцов с немецким населением. А это было нелегко, если учесть, что не было в дивизии солдата, сержанта, офицера, которого так или иначе не коснулось бы горе, принесенное фашистами на нашу землю. Каждый имел личные счеты с гитлеровцами. И нужно было убедить, что сводить эти счеты надо с теми, кто пришел к нам с оружием в руках, а не с мирным населением. Следует сказать, что за все время боев на территории Германии не было ни единого случая неправильного поведения воинов 78-й гвардейской. Выдержка, корректность, готовность оказать помощь слабым, поделиться продовольствием - все это проявлялось нашими людьми в полной мере.

К исходу 23 января 1945 года наша дивизия вышла к Одеру и стала готовиться к форсированию реки, чтобы выйти в первый эшелон корпуса. Подтягивались тылы, готовились переправочные средства. Опытные воины, уже участвовавшие в форсировании Днепра, Днестра и других рек, передавали опыт молодым солдатам. Состоялись короткие партийные и комсомольские собрания, на которых шла речь об обеспечении авангардной роли коммунистов и комсомольцев при форсировании Одера, захвате и удержании плацдарма.

Переправа осложнялась тем, что лед на реке был еще тонок. Он не мог выдержать тяжести не только орудий и транспорта, но и бойцов с тяжелым снаряжением. Вся надежда была на саперный батальон. И надо отдать должное саперам - они сумели ночью в считанные часы навести и укрепить переправы.

Западный берег Одера был сильно укреплен: множество долговременных огнёвых точек, траншеи в три ряда, насыщенные большим количеством различных огневых средств. Все прибрежные села превращены в маленькие крепости. Авиация противника днем и ночью бомбила боевые порядки наших войск. И все-таки мы находили возможность, чтобы побеседовать с командирами, бойцами, особенно в тех подразделениях, которые находились на самых трудных участках, которым предстояло

форсировать водные преграды. Я посоветовал всем политотдельцам поддерживать с политработниками этих подразделений самый тесный контакт, считать постоянным местом своего нахождения роты, батареи, личным примером воспитывать у личного состава готовность преодолеть любые трудности.

Я побывал в некоторых батареях, штурмовых группах, которым предстояло действовать в отрыве от основных сил, побеседовал со многими сержантами и солдатами. И хотя люди жили в эти дни предчувствиями больших и трудных событий, связанных с форсированием Одера, разговор шел не только о выполнении предстоящей задача. Их интересовало и то, как налаживается жизнь на освободившихся от фашистских захватчиков территориях, и то, каким я вижу мир после войны, что будет с разгромленной Германией, сколько сил и труда потребуется советскому народу для восстановления разрушенного войной хозяйства... Одним словом, и перед боем люди жили мыслью о будущем, тем более что они видели - война идет к концу. Пришлось отвечать на многие вопросы, каждый раз напоминая о том, что расхолаживаться нельзя ни в коем случае, что предстоят еще серьезные бои.

Переправа началась в ночь на 25 января. К 6 часам утра 225-й и 228-й гвардейские полки форсировали Одер и вступили в бой за населенный пункт Фишбах. Вслед за пехотой переправились две батареи второго дивизиона артполка и сразу же приняли участие в штурме Фишбаха.

Двое суток шли бои. Противник непрерывно контратаковал. В этих боях артиллеристы второго дивизиона гвардии капитана Н. Латукова подбили один танк, три бронетранспортера, уничтожили пять зенитных пушек и до роты гитлеровцев. Смело и мужественно сражался расчет орудий гвардии старшего сержанта В. Гнездикова. Он подбил танк, а затем осколочными снарядами уничтожал пехоту противника, не раз отбивал ее атаки.

На одном из участков зенитные малокалиберные пушки и транспортеры вели беглый огонь по нашей пехоте и остановили ее продвижение. Тогда командир орудия гвардии старший сержант Нелетаев и его подчиненные выкатили пушку на прямую наводку и заставили замолчать вражеские орудия. Когда же пошли в контратаку два бронетранспортера с пехотой, Нелетаев первым же снарядом уничтожил один из них. Другой бронетранспортер был подбит расчетом орудия гвардии старшего сержанта Григорова. Контратаку врага удалось отбить.

Связисты второго дивизиона гвардии рядовые Зайцев, Кучугара и Кириенко за двое суток кровопролитных боев на

одерском плацдарме, рискуя каждую минуту своей жизнью, устранили более сотни порывов проводной связи, обеспечив командирам батарей и командиру дивизиона непрерывное управление огнем.

При отражении контратак фашистской пехоты и танков командир расчета 57-миллиметровой пушки гвардии старший сержант Читаев подбил танк, а когда противник попытался захватить пушку и уничтожить ее расчет, поднял своих бойцов в рукопашную схватку с фашистами.

При одной из очередных контратак противника наш малочисленный стрелковый взвод не выдержал натиска врага и стал отходить. Читаев со своим расчетом остановил бойцов, заставил их занять оборону вокруг пушки и организованно открыть огонь по противнику. Атака гитлеровцев была сорвана, и сами они откатились в исходное положение.

В ночь на 26 января по приказу командира 33-го гвардейского стрелкового корпуса была проведена перегруппировка сил. 223-й и 225-й гвардейские стрелковые полки переместились в полосу наступления 14-й гвардейской дивизии, сменив ее левофланговые части. 228-й гвардейский после успешных боев за Фишбах был выведен во второй эшелон.

Теперь уже шли бои за расширение плацдарма на западном берегу Одер. Каждый населенный пункт - крепость. Каждый дом, его надворные постройки, каменные, с утолщенными стенами, были приспособлены к круговой обороне. Но, несмотря на упорное сопротивление врага, бойцы успешно продвигались вперед, штурмом брали отдельные дома, населенные пункты. Здесь особенно пригодилась натренированность штурмовых групп. Они решали исход многих боев за отдельный дом или целый населенный пункт.

В ходе боев 33-й гвардейский корпус получил новую боевую задачу ударом на юг, обойдя город Бриг, завершить окружение группировки противника, действовавшей в этом районе. С юго-востока из района Ратибор, навстречу 33-му корпусу, наносила удар 21-я армия. Главный удар 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии корпуса был направлен на юго-восток, на соединение с 21-й армией. 78-я гвардейская дивизия 29 января вернула занимаемый рубеж 14-й гвардейской дивизии и в ночь на 30 января сосредоточилась левее воздушно-десантной дивизии в районе Шайдельвиц, Михельвиц с задачей окружить противника в Бриге и уничтожить его.

Город Бриг - один из вражеских форпостов на реке Одер - город-крепость. Его оборонял крупный гарнизон, усиленный танками, самоходно-артиллерийскими установками и

бронетранспортерами. С северо-востока город был прикрыт Одером, с запада и юга опоясан полукольцом крупных укрепленных населенных пунктов.

Противник оказывал упорное сопротивление наступающим штурмовым батальонам, вел непрерывный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь, бомбил боевые порядки и тылы полков, дивизии, организовывал контратаки танками с пехотой. И все-таки к исходу 4 февраля пали последние укрепленные населенные пункты. 228-й гвардейский полк овладел Ней-Бризеном, 225-й Линденом и Грюнингеном, 223-й - Пампицем.

Нужно сказать, что бои за село Грюнинген заставили нас сильно поволноваться. И само село, и аэродром, находившийся поблизости от него, обладали мощными укреплениями, все подступы к ним были под огнем артиллерии. К тому же противник имел здесь большое количество танков, авиации. Фашисты использовали все средства, стремясь во что бы то ни стало остановить продвижение наших войск, не дать им овладеть Грюнингеном. Гитлеровцам удалось отбить несколько атак 225-го полка. Наступление на некоторое время приостановилось.

Командир дивизии выехал в полк, чтобы на месте изучить обстановку, принять соответствующие меры, которые обеспечили бы успех боя. Поехал в полк и я. Нужно было встретиться с политработниками, партийным и комсомольским активом.

Гвардии майор Д. К. Орлянский встретил нас, подробно доложил о сложившейся обстановке, не скрывая беспокойства за успех предстоящего боя. Командир полка ни словом не обмолвился о том, что сил для преодоления заслона, поставленного фашистами, недостаточно, а говорил лишь о том, как лучше перехитрить врага, добиться победы с наименьшими потерями. И это генералу Мотову понравилось: он как-то сразу повеселел, стал еще внимательнее слушать командира полка, одобрительно кивая.

- Хорошо, что вы нацелены на победу имеющимися силами и средствами, сказал генерал, выслушав доклад Орлянского. - С резервами туговато. И все-таки дам вам в помощь разведроту. Ребята там боевые, смелые, закаленные в боях. К тому же вас поддержит третий дивизион 158-го гвардейского полка. Капитан Сеземин обещал огонька не жалеть. Так что в обиде не будете...

Майор молча улыбнулся, что лучше любых слов выражало его благодарность.

- Посмотрите на него, - обратился ко мне генерал. - Ему дают подкрепление, а он вроде бы и недоволен. Может, своими силами обойдешься?

Орлянский бросил быстрый взгляд на меня и, повернувшись к

комдиву, ответил:

- Как прикажете, товарищ генерал!

Мотов махнул рукой и пошел осматривать позиции. Я попросил пригласить в штабную землянку политработников, секретарей партийных организаций.

Они заходили по одному, по двое, здоровались, рассаживались кто где мог, тихо переговаривались. Были среди них и те, кого я знал уже давно, а некоторых видел всего лишь несколько раз. Смотрел на их лица и думал о том, что через час или через два все они окажутся в первых рядах атакующих, личным примером будут увлекать за собой личный состав, и кто знает, может случиться так, что кого-то из них завтра уж не увижу. Сколько так бывало: побеседуем, помечтаем с человеком, а через час-другой его уже нет в живых.

Думалось и о другом: успехи в боевых действиях, стремительное наступление наших войск кое-кому вскружили голову. Стали наблюдаться случаи понижения бдительности.

И что особенно беспокоило - некоторые партийные организации не придали этому особого значения, не принимали решительных мер к тому, чтобы поставить прочный заслон настроениям шапкозакидательства. Так случилось в батарее, где партийную организацию возглавлял гвардии старший сержант Черкашин. Его пришлось освобождать от обязанностей парторга, ему был объявлен выговор.

Именно о повышении требовательности к коммунистам, об обеспечении их примерности в бою, в повседневной жизни шел разговор и на этот раз. Я обратил внимание собравшихся на значение успеха в боях за Грюнинген, стоявший на пути к городу Бригу, порекомендовал разъяснить бойцам важность организованности, исполнительности, решительности.

В тот же день бои за село развернулись с новой силой. В них отличились многие подразделения, батареи, отделения, но особенно расчеты орудий седьмой батареи. Они шли вместе с наступающей пехотой и прямой наводкой били по дотам, где засели гитлеровцы, уничтожали пулеметные гнезда.

После Грюнингена к исходу 4 февраля дивизия вместе с другими соединениями полностью завершила окружение группировки противника, находящейся в Бриге. 6 февраля шли уличные бои. Город был разделен на две части - западную и восточную. В восточной части бои с противником вел 228-й, а 223-й и 225-й полки дрались с основной группировкой врага в западной части Брига.

На участке наступления 228-го полка первым в город со стороны села Ротау ворвалась рота автоматчиков под

командованием лейтенанта С. Т. Горина. Отбивать приходилось каждый дом, каждый квартал. Фашисты сопротивлялись изо всех сил. Отличилась в уличных боях и третья стрелковая рота 225-го гвардейского полка. Она вела бой, выдвинувшись несколько вперед своего батальона. Путь ей преградил большой двухэтажный дом, из окон которого вели огонь пулеметы. Бойцы Митрофанов и Зазуля получили задание пробраться через соседние дворы к зданию и забросать огневые точки гранатами. Они блестяще выполнили задачу. Воспользовавшись паникой среди фашистов, взвод гвардии лейтенанта К. С. Апьюка ворвался в дом, занял его первый подъезд. Вслед за ним во второй подъезд проникли воины взвода, которым командовал парторг роты гвардии старшина Прокофьев. Не прошло и часа, как дом полностью был очищен от гитлеровцев.

Успешно шли бои и на других участках.

Противник предпринял отчаянную попытку вырваться из окружения и соединиться со своими войсками, ведущими оборонительные бои на подступах к Бреслау. Оставшиеся в западной части города войска колоннами, впереди которых находились танки, начали отход под прикрытием бронетранспортеров. Они медленно шли по дороге из Брига в Бреслау, которая прикрывалась незначительными силами: 89-м гвардейским отдельным саперным батальоном, разведротой, четвертой и шестой батареями 158-го артполка, 81-м гвардейским отдельным истребительно-противотанковым дивизионом, связистами и охраной штаба дивизии. В этом районе находился командный пункт, штаб дивизии и учебный батальон - резерв командира.

Фашистам удалось, используя лесной массив, незаметно подойти к нашим позициям и атаковать их. Но несколько танков сразу же подорвались на минах, поставленных саперами. Другие остановились и попали под огонь артиллерии. Загорелись еще три танка. Пехота частично рассыпалась, но атака продолжалась.

Гвардейцы открыли яростный автоматный и пулеметный огонь. Пушки стали бить не только по танкам, но и по атакующей пехоте. И все-таки фашисты отчаянно лезли вперед. Вот уже до штаба дивизии осталось несколько десятков метров. Вся охрана во главе с командиром комендантского взвода гвардии лейтенантом С. С. Пчелинцевым, офицеры штаба, возглавляемые полковником Н. А. Поповым, заняли оборону и стали отбиваться.

Командир дивизии отдал приказ командиру учебного батальона гвардии майору Орлянскому контратаковать противника с правого фланга обороны штаба.

Получив хорошо организованный отпор, зажатые со всех

сторон гитлеровцы в одиночку и группами стали сдаваться в плен. К исходу 6 февраля наши войска полностью овладели Бригом.

После этой операции 78-я гвардейская стрелковая дивизия была выведена во второй эшелон 33-го гвардейского корпуса и сосредоточена в районе Вейсдорф, Ней-Томаскирх. Но в ночь на 12 февраля, совершив еще один марш, она вошла в состав 32-го гвардейского корпуса генерал-лейтенанта А. И. Родимцева, утром заняла исходное положение дли наступления на крупный населенный пункт Богенау. В 14 часов 223-й и 228-й полки начали бои и к 8 часам 13 февраля овладели Богенау и вышли к реке Лос.

В ночь на 14 февраля замкнулось кольцо окружения Бреслау. Противник, перебросив в этот район свежие силы, предпринял ряд контратак, пытаясь соединиться с окруженными войсками. Полки, отбив натиск крупных сил пехоты и танков, после короткой, но мощной артподготовки форсировали реку Лос. Расширяя плацдарм, они к исходу дня 16 февраля заняли девять населенных пунктов.

Особенно тяжелые, но успешные наступательные бои дивизия вела с 19 по 26 февраля. Она штурмом овладела крупными населенными пунктами Михельсдорф и Рогау-Розенау.

Когда 223-й гвардейский полк подошел к северной окраине Рогау-Розенау, из его домов противник вел сильный ружейно-пулеметный и минометный огонь. Он пытался остановить паше продвижение. В это время, поддерживая пехоту огнем, седьмая батарея артполка под командованием гвардии лейтенанта Боевца пробилась на северную окраину села. Расчеты, развернув орудия, начали расстреливать огневые точки противника. Пехота, воодушевленная артиллеристами, их мощным огнем и поддержкой, штурмом брала дома и улицы села, очищая их от гитлеровцев. Вскоре части соединения, заняв выгодные в тактическом отношении рубежи, закрепились на них. Начинались упорные бои по отражению контратак противника.

В ночь на 4 марта мы сдали свою полосу обороны 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и, совершив марш в ночь на 6 марта, сменили части 95-й гвардейской дивизии на рубеже Яуэр, Розен, Гучдорф, Штригау, Люччен.

Противник сосредоточил крупные силы пехоты и танков против оборонявшихся подразделений непосредственно в городе Штригау. В 5 часов 9 марта он внезапно атаковал первый батальон 228-го гвардейского полка, прорвал передний край обороны и, развивая наступление, овладел населенным пунктом Штрейт, близлежащими высотами, соединился со своими

частями, наступавшими восточнее Штригау. Так неожиданно замкнулось кольцо окружения нескольких наших подразделений.

На двухкилометровом участке недалеко от Штригау оборонялись восьмая и девятая батареи третьего дивизиона артполка. Все орудия находились на прямой наводке и прикрывались только ружейно-автоматным огнем расчетов. Враг же бросил на них довольно крупные силы. Три их атаки были успешно отбиты. Но гитлеровцы продолжали рваться вперед. Пользуясь тем, что фланги наших подразделений оказались открытыми, они обошли батареи с обеих сторон и окружили их. Завязался ближний бой. В ходе его, героически сражаясь с врагом, был сражен пулей командир восьмой батареи гвардии лейтенант Герасимов. Погибло несколько бойцов и младших командиров. Были разбиты две пушки. Но гвардейцы не пали духом, сумели последними усилиями разорвать кольцо окружения и выйти к своим.

В это же время противник пытался атаковать подразделения 225-го гвардейского полка в районе города Яуэр. Но организованным огнем пехоты и артиллеристов первого дивизиона артполка он был отброшен. Отбиты были и атаки врага на деревню Кольхеэ, где оборонялись две батареи третьего дивизиона и его штаб.

Второй батальон 228-го гвардейского полка и спецподразделения дивизии, как я уже говорил, оказались окруженными в городе Штригау. Все попытки других частей помочь им кончались неудачей. В бой была введена 14-я гвардейская дивизия. Но и ее продвижение к городу было сдержано противником.

К исходу 11 марта положение еще более осложнилось. Гитлеровцы, предпринимая атаку за атакой, сжали кольцо окружения до критических пределов. Учитывая это, генерал-майор А. Г. Мотов в ночь на 12 марта отдал приказ подразделениям выходить из окружения самостоятельно.

Вместе с инструктором политотдела по организационно-партийной работе майором Шрамко и помощником начальника политотдела по комсомольской работе гвардии капитаном Зыряновым все эти дни мы находились в Штригау. Получив приказ выходить из окружения, мы вместе с командиром батальона гвардии капитаном Б. С. Кучумовым собрали командиров подразделений, коммунистов и комсомольцев, разъяснили им обстановку. Были сформированы две штурмовые группы для прорыва обороны противника в городе. Одну возглавил Кучумов, другую я.

В 2 часа ночи 12 марта штурмовые группы внезапно

атаковали противника в заранее намеченных пунктах. Удалось прорвать оборону в городе и вырваться из него. Ведя непрерывный огонь оставшимися боеприпасами, мы потеснили врага на его переднем крае внешней обороны и еще затемно вышли в район расположения своих частей.

В штабе дивизии я сразу же встретился с начальником штаба гвардии полковником Николаем Андреевичем Поповым.

- Думал - конец, не увижу тебя больше, - сказал он, радостно обнимая меня. - Слишком плотно зажали вас фашисты. Атаки наших войск успеха не имели.

С Николаем Андреевичем мы крепко дружили. Он был человеком скромным, чутким, тактичным. В его поведении и делах не было ни громкой, бьющей на эффект, фразы, ни рисовки. У него все было естественно, просто. Некоторым, правда, казалось, что уж очень он медлителен. Но это только казалось. На деле он умел организовать четкую работу офицеров штаба дивизии и штабов полков, требовательно относился к ним и заслуженно пользовался у них и у всего личного состава дивизии уважением и авторитетом. В конце марта 1945 года мы с ним расстались. Он был отозван в Москву и получил новое назначение. Начальником штаба дивизии был назначен гвардии полковник И. К. Строганов, ранее работавший начальником оперативного отдела корпуса.

До 7 апреля наша дивизия занимала и удерживала оборону под Штригау. Фашисты не раз пытались прорвать ее и соединиться со своей группировкой, окруженной и зажатой со всех сторон в Бреслау. Но воины успешно отражали все вражеские атаки, планомерно уничтожая живую силу и технику гитлеровцев.

В ночь на 7 апреля мы сдали полосу обороны 285-й стрелковой дивизии и в составе 5-й гвардейской армии, совершив 180-километровый марш, сосредоточились в лесах северо-восточнее города Мускау. Началась подготовка к Берлинской наступательной операции. Дивизия получила пополнение. Были укомплектованы стрелковые роты, артиллерийские батареи, спецподразделения. Развернулась усиленная боевая и политическая подготовка.

Политотдел произвел некоторую перестановку коммунистов и комсомольцев, укомплектовал ротные и батарейные партийные и комсомольские организации. Были назначены Парторги и комсорги рот и батарей.

В эти дни в дивизию прибыл новый командир - генерал-майор З. Т. Трофимов. Он пригласил к себе всех заместителей и меня. Трофимов внимательно и терпеливо выслушал каждого, не прерывал, не поправлял. Лишь иногда просил уточнить тот или

иной факт. И только когда доклады закончились, заговорил сам. Слушая его, я не мог не отметить мысленно, что обстановку генерал знает довольно хорошо - наверняка изучил ее предварительно, а наши сообщения лишь расширили его знания.

- Задача нашей 5-й гвардейской армии остается прежней, - сказал он, поочередно оглядывая собравшихся. - Будем развивать наступление, чтобы в кратчайший срок выйти к Эльбе и соединиться с войсками союзников. Этим самым мы обеспечим условия для успешных действий главной группировки войск фронта, наступающей непосредственно на Берлин.

Задача сложная и почетная. Маршал Конев требует быстрее ликвидировать шпрембергский узел сопротивления, не допустить прорыва противника в тыл фронта с юга, разгромить его в районе Вейсвассера и в лесном массиве Мускуэр. Наша дивизия вот-вот вступит в бой. Не теряя времени, разъясните бойцам и командирам значение предстоящих боев, постарайтесь поднять у них наступательный дух, непреклонную решимость уничтожить врага в его логове...

Когда совещание закончилось, генерал попросил меня задержаться.

- Вот какое дело, - с явной обеспокоенностью сказал он. - Кажется мне, что кое-кто в предчувствии скорой победы как-то расслабился, явно считает, что дело сделано. Или может я ошибаюсь?

- Нет, не ошибаетесь. Такие настроения есть у отдельных бойцов. Да и у командиров - тоже. Именно поэтому на партийных и комсомольских собраниях, в беседах, на семинарах мы нацеливаем людей на повышение бдительности, предупреждаем, что бои предстоят еще тяжелые - враг будет драться за каждый дом, за каждый метр земли...

- Вот именно, за каждый метр земли! - согласился генерал. - Прошу центр партполитработы перевести в подразделения, чтобы дойти до каждого бойца, разъяснить ему, что рано еще снижать напряжение... Ох, как рано!

Возвратившись от комдива, я сразу же собрал находившихся в политотделе офицеров, рассказал им о совещании у комдива, его требованиях к нам, политработникам, о задачах, поставленных перед дивизией. Так как времени для того, чтобы собрать политработников частей, подразделений, парторгов не оставалось, порекомендовал политотдельцам немедленно отправиться на боевые позиции и довести до каждого из них требования командира.

Вместе со своим заместителем и редактором дивизионной газеты мы обсудили текст обращения ветеранов дивизии ко всему

личному составу. В нем говорилось о том, что гитлеровский фашизм находится на грани гибели, что недалек тот день, когда его логово - Берлин будет повержен, что ради этого дня отдали свои жизни миллионы советских людей. В обращении говорилось и о том, что враг еще силен, что без боя он не отдает ни пяди земли, что необходимо по-прежнему быть собранными, бдительными, готовыми драться по-гвардейски.

Приказав редактору к утру отпечатать обращение, я отпустил его. А с заместителем мы еще долго обсуждали план работы политотдела на период Берлинской операции.

В ночь на 16 апреля 1945 года усиленные стрелковые роты дивизии первого эшелона повели ночные бои. В 6 часов 15 минут утра началась мощная 40-минутная артиллерийская подготовка, после которой передовые батальоны успешно форсировали реку Нейсе. Задача состояла в том, чтобы прорвать оборону противника на всю ее глубину, дать выйти на оперативные просторы подвижным танковым соединениям фронта. 33-й гвардейский корпус, в составе которого находилась наша дивизия, наступал во втором эшелоне 5-й гвардейской армии.

В полосе наступления 5-й гвардейской армии, на ее правом фланге, в стыке с соседом, противник создал сильную шпрембергскую группировку в составе танковой дивизии "Охрана фюрера", 10-й танковой дивизии СС, 344-й пехотной дивизии и запасного пехотного полка. Он предпринял ряд ожесточенных атак и задержал наступление войск армии. Выйти к реке Шпре и с ходу ворваться в город Шпремберг правофланговой 95-й гвардейской дивизии не удалось. Кроме того, противник создал сильную группировку против левого фланга армии, в стыке со 2-й армией Войска Польского у города Вейсвассер и в лесном массиве Мускуэр.

Задача войск 5-й гвардейской армии оставалась прежней - развивать стремительное наступление на запад, к реке Эльба, чтобы быстрее соединиться с войсками союзников и одновременно обеспечить действия главной группировки войск фронта, наступающей непосредственно на Берлин. Маршал И. С. Конев потребовал быстрее ликвидировать шпрембергский узел сопротивления, не допустить прорыва противника в тыл фронта с юга, разгромить его в районе Вейсвассера и в лесном массиве Мускуэр.

В 17 часов 19 апреля была введена в бой 78-я гвардейская дивизия, в командование которой только что вступил заменивший А. Г. Мотова, отозванного в штаб фронта, генерал-майор З. Т. Трофимов.

Дивизия заняла исходное положение на опушке леса. Осью

наступления служила железная дорога. Правее ее должен продвигаться 225-й, левее - 228-й гвардейские полки.

223-й гвардейский полк - второй эшелон дивизии - наступал уступом слева за 228-м гвардейским полком. Артиллерийско-минометные части дивизии были сосредоточены в центре боевых порядков дивизии и получили задачу огнем сопровождать и поддерживать атаки передовых батальонов. Справа наступала 95-я, слева - 13-я гвардейские дивизии.

Используя опыт боев в ночное время в лесистой местности, мы поротно выстроили передовые батальоны полков на опушке леса в одну линию так, чтобы бойцы касались друг друга локтями. В каждом взводе назначили подносчиков патронов, каждое отделение обеспечили ракетницей для обозначения своего переднего края. Всем стрелковым ротам были приданы саперы для разминирования местности и ликвидации заграждений, которыми был насыщен лес. Весь командно-политический состав полков находился непосредственно в боевых порядках наступающих подразделений. Накоротке перед наступлением были проведены партийные и комсомольские собрания рот, на которых коммунисты и члены ВЛКСМ клялись: Шпре форсируем во что бы то ни стало и город Шпремберг штурмом возьмем.

По сигналу с наблюдательного пункта гвардейцы, открыв автоматный огонь, начали двигаться в глубь леса. Артиллерия и минометы сопровождали пехоту, расчищая ей путь. Противник явно не ожидал такой ночной атаки. Он вел беспорядочный огонь, освещая поле боя ракетами, пытался контратаковать, но каждый раз попадал под губительный автоматный и артиллерийско-минометный огонь и был вынужден отходить.

Ночной бой прошел успешно. Наши части во взаимодействии с 95-й гвардейской дивизией разгромили противника в районе села Граштейн и к 4 часам 20 апреля вышли к реке Шпре. Но попытка с ходу форсировать реку и ворваться в центр города Шпремберг не удалась. Подразделения залегли на опушке леса в 15 метрах от Шпре. Противник имел в городе, как уже было сказано, сильную танковую группу с пехотой и, прикрываясь домами, вел непрерывный огонь.

В 11 часов 20 апреля после 30-минутной артиллерийской подготовки и мощных ударов авиации 1-го Украинского фронта 78-я гвардейская дивизия и другие соединения форсировали реку Шпре, ворвались в центр Шпремберга и в упорных уличных боях к 20 часам полностью овладели им.

Передовые батальоны наших полков, отбивая яростные контратаки противника, вышли на западную окраину города и закрепились. Всю ночь на 21 апреля учебный и саперный

батальоны, разведрота дивизии очищали подвалы от солдат и офицеров противника. К утру они пленили более 400 фашистов. В этом скоротечном и ожесточенном бою враг потерял только убитыми более 350 солдат и офицеров. Было сожжено и подбито 12 танков, захвачено 3 бронетранспортера, 2 минометных батареи и более 50 складов боеприпасов и различного боевого снаряжения{16}.

21 апреля 78-я гвардейская и 9-я гвардейская воздушно-десантная дивизии 33-го гвардейского корпуса во взаимодействии с частями 24-го корпуса 13-й армии завершили окружение шпрембергской группировки гитлеровцев численностью до 5 тысяч человек и закончили к исходу дня ликвидацию ее разрозненных подразделений.

...К этому времени довольно тяжелая обстановка сложилась на левом фланге 5-й гвардейской армии. Против соседа слева - 2-й армии Войска Польского - перешла в наступление гёрлицкая группировка противника. Прорвав фронт 52-й армии на стыке со 2-й армией Войска Польского, фашисты стремились развивать наступление на север, на город Шпремберг. Это создавало угрозу их выхода в тыл 5-й гвардейской армии и всего 1-го Украинского фронта. 33-й гвардейский корпус, и в его составе 78-я гвардейская дивизия, был срочно переброшен на левый фланг армии в район города Вейсвассер для совместных действий со 2-й армией Войска Польского против гёрлицкой группировки противника. Совершив марш, дивизия с ходу заняла оборону и в последующем вела ожесточенные оборонительные бои в районе городов Вейсвассер, Кеула, Прецшвиц. Враг не прошел. Он был остановлен, а затем отброшен на юг.

В ходе боев крепла наша дружба с воинами 2-й армии Войска Польского. Мы взаимно поддерживали друг друга огнем артиллерии, вместе атаковали оборонительные позиции врага, отбивали его контратаки. А в минуты затишья наши бойцы и командиры бывали в подразделениях Войска Польского, делились своим боевым опытом. И польские жолнежи бывали в наших подразделениях, знакомились с жизнью, бытом и боевыми делами воинов.

После оборонительных боев соединения 33-го гвардейского корпуса совместно с правофланговыми соединениями 2-й армии Войска Польского 25 апреля перешли в наступление. Для разгрома гёрлицкой группировки врага потребовались огромные усилия. Фашисты непрерывно контратаковали части дивизии. Бойцы и командиры проявили массовый героизм. Они в непрерывных и жестоких боях изматывали врага, обескровливали его, уничтожая его боевую технику и живую силу. Планам

фашистского командования выйти в тыл фронта и помешать подготовке войск 1-го Украинского фронта к Берлинской операции не суждено было сбыться.

В то время как 78-я гвардейская дивизия в составе 33-го гвардейского корпуса отбивала атаки гёрлицкой группировки противника в районе города Вейсвассер, надежно прикрывая левый фланг и тыл 5-й гвардейской армии, соединения 32-го и 34-го гвардейских корпусов успешно продвигались на запад. 23 апреля 1945 года они вышли на реку Эдьбу и с ходу форсировали ее. Там в 13 часов 30 минут 25 апреля произошла их встреча с союзными войсками 1-й американской армии.

В ознаменование одержанной победы и в честь этого исторического события 27 апреля столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам 1-го Украинского фронта 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

К концу апреля и началу мая 1945 года главные силы фашистской Германии были уже разгромлены. Пал Берлин - столица фашистского рейха. Но на территории Чехословакии оставалась еще сильная и боеспособная группировка немецко-фашистских войск, которая отказалась капитулировать. В нее входило более миллиона солдат и офицеров группы армий "Центр" - это 17-я общевойсковая, 1-я и 4-я танковые армии в составе 62 дивизий, которые вели боевые действия непосредственно против войск 1-го и 4-го Украинских фронтов. 5 немецких дивизий были обращены фронтом на запад против 7-й американской армии.

Наиболее мощная группировка войск 1-го Украинского фронта полностью была сосредоточена в полосе наступления 5-й гвардейской армии. В группировку входили 3-я, 5-я гвардейские и 13-я армии, 3-я и 4-я гвардейские танковые армии, два отдельных танковых корпуса, пять артиллерийских дивизий и воздушная армия. Главный удар наносился в направлении Теплице-Шанов, Прага. 5-я гвардейская армия главный удар наносила в направлении Дрезден, Усти над Лабой (Чехословакия), северо-западная окраина Праги. 33-му гвардейскому корпусу 5-й гвардейской армии, 9-й и 14-й гвардейским дивизиям было приказано, обороняясь на левом фланге армии, активными действиями сковывать противостоящую группировку противника и быть в готовности к общему наступлению, 78-я гвардейская дивизия получила задачу во взаимодействии с левофланговой дивизией 32-го гвардейского корпуса наступать на левом фланге армии, обеспечивая ее ударную группировку от возможных контратак противника с юго-востока.

В ночь на 6 мая 1945 года дивизия сдала свой участок

обороны 2-й армии Войска Польского и после марша заняла исходное положение для наступления на дрезденском направлении. В 20 часов того же дня началась мощная артподготовка. Ее заключительным аккордом стал мощный залп реактивной артиллерии - "катюш". Затем части двинулись вперед. Наша задача состояла в том, чтобы передовые роты под прикрытием артогня вывести к переднему краю противника и вслед за огневым валом в расчетное время ввести в бой основные силы для его прорыва. Надо было не дать возможности врагу опомниться.

В это время я находился в одной из стрелковых рот 223-го гвардейского полка. Мне довелось наблюдать, как после артподготовки успешно развивалось наступление наших войск. Оно шло настолько стремительно, что уже в первой половине дня 7 мая были разгромлены вражеские части прикрытия, и на северо-восточной окраине ˆДрездена завязался бой, который не утихал весь день и ночь. Гитлеровцы упорно сопротивлялись. Только усилиями всех наступавших войск, включая наше соединение, к 14 часам 8 мая город был взят.

За успешные боевые действия приказом Верховного Главнокомандующего от 8 мая 1945 года всему личному составу 5-й гвардейской армии была объявлена благодарность. Эта высокая оценка вдохновляла воинов на новые подвиги в будущих боях за Прагу.

Не задерживаясь в городе, дивизия в составе 5-й гвардейской армии продолжала продвигаться на юг, к Праге. "Вперед, на Прагу", "Окажем братскую помощь восставшей Праге!" - эти призывы каждый боец и командир воспринял всем сердцем.

Воодушевленные сообщением из Москвы о победоносном завершении Великой Отечественной войны и безоговорочной капитуляции вооруженных сил фашистской Германии, переданным по радио ночью 9 мая, воины-гвардейцы усилили натиск на врага. Государственную границу Чехословакии мы перешли к 10 часам того же дня.

Чехословацкий народ ликовал. Он праздновал победу вместе с воинами Красной Армии. Тепло и сердечно во всех селах и городах, как и в самой Праге, встречали жители наших воинов. Повсюду стихийно возникали митинги, происходили сердечные, теплые и радостные встречи советских воинов с населением.

В одном из городков мы долго не могли проехать через огромные толпы ликующего народа, тепло приветствовавшего нас. Это были местные жители, чешские партизаны и советские люди, только что освобожденные из фашистской неволи.

В 21 час 9 мая Москва салютовала доблестным

освободителям города Праги. За отличные боевые действия при освобождении от немецких захватчиков столицы Чехословакии Праги приказом Верховного Главнокомандующего от 9 мая всему личному составу 78-й гвардейской стрелковой дивизии была объявлена благодарность.

Но для воинов-гвардейцев всего 33-го гвардейского корпуса война еще не кончилась. Они продолжали вести бои до 12 мая, уничтожали остатки группы Шёрнера, северо-восточнее Праги в районе города Мельник, и очищали села и леса от отдельных вражеских групп.

За успешные боевые действия в заключительных боях за Прагу советские воины заслужили высокую оценку Советского и Чехословацкого правительств. Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль "За освобождение Праги", которой были удостоены все воины, принимавшие участие в боях за освобождение столицы Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков.

Закончились боевые действия воинов-гвардейцев 78-й гвардейской стрелковой дивизии в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков. Она была отведена в Германию и временно разместилась южнее Дрездена, где и отпраздновала День Победы. Праздник Победы был отмечен торжественно, ярко. Весь личный состав дивизии прибыл на большую поляну, окаймленную густым лесом, организованно, с музыкой, песнями, под боевыми знаменами своих частей, с боевыми наградами.

Этот день не забыть. Были митинги, было радостное ликование, счастьем светились лица' людей. Тут и там собирались группы бойцов, они оживленно вспоминали минувшие дни, годы, поздравляли друг друга с победой.

На какое-то время мы с командиром дивизии остались вдвоем.

- Ну вот и сбылось то, о чем мечтали, к чему шли четыре года войны, сказал он, а я уловил нотки грусти в его голосе и понял, откуда они. Ведь каждый из нас потерял на дорогах войны многих друзей, которым не суждено было дожить до этого светлого дня. Не могли мы не думать о них, не могли не помнить, сколько их, бойцов и командиров, осталось лежать на полях сражений.

- Сбылось. Даже не верится!

Мы долго молча сидели, и каждый думал о чем-то своем. А может, и об одном и том же - о большом и нелегком пути, пройденном дивизией от Сталинграда до Праги, о героизме и мужестве ее бойцов и командиров, о том, как высоко оценила их подвиги Родина.

Наши гвардейцы дивизии двадцать два раза получали благодарность Верховного Главнокомандующего, двадцать два раза столица нашей Родины Москва салютами отмечала победы в сражениях, в которые внесли свой вклад и воины нашего соединения.

Все три стрелковых полка награждены за разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом орденом Красного Знамени. За успешные боевые действия дивизия отмечена орденом Суворова II степени, а за отражение атак противника при форсировании Вислы, захват и удержание плацдарма получила почетное наименование "Вислинская". 225-му гвардейскому Краснознаменному стрелковому полку и 158-му артиллерийскому полку за штурм и взятие города Дембица присвоено почетное наименование "Дембицкие". После успешного отражения танковых атак врага на сандомирском плацдарме 81-й гвардейский отдельный истребительно-противотанковый дивизион был удостоен ордена Богдана Хмельницкого III степени.

Ратные подвиги, мужество, отвага и героизм, проявленные гвардейцами в боях с немецко-фашистскими захватчиками, отмечены и тем, что более 20 тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов дивизии награждены орденами и медалями Советского Союза. 45 особо отличившихся в сражениях получили высокое звание Героя Советского Союза.

За годы войны партийными организациями частей и отдельных подразделений дивизии принято в ряды партии более двух тысяч самых отважных, самых мужественных красноармейцев, сержантов и офицеров. Комсомольские организации соединения в тот же период приняли в ряды ВЛКСМ около двух тысяч молодых воинов. Более 95 процентов коммунистов и комсомольцев дивизии за отвагу и мужество, проявленные в боях, награждены орденами и медалями. Многие из них заслужили по нескольку государственных наград. Среди солдат, сержантов и офицеров, удостоенных звания Героя Советского Союза, 90 процентов были коммунистами и комсомольцами.

И вот теперь предстоит расставание со многими из тех, кого мы по праву называли боевыми друзьями. Как сложатся их судьбы в мирной жизни? Кем они станут? Как и прежде, до войны: хлеборобами и шахтерами, строителями и учеными, педагогами и металлургами, врачами и машиностроителями, химиками и нефтяниками? Конечно же, на любом участке народного хозяйства можно потом будет встретить и бывших воинов 78-й гвардейской стрелковой дивизии. И можно быть уверенным, что везде они станут самоотверженно бороться за дальнейшее

укрепление экономической и оборонной мощи нашей Родины. "Трудиться так, как когда-то воевали" - таким, бесспорно, навсегда останется девиз каждого гвардейца родного соединения, сменившего боевое оружие на орудия труда...

Тогда я еще не знал, не мог знать, что за успехи на трудовом фронте более 400 моих сослуживцев будут награждены орденами и медалями Советского Союза. Ордена Ленина удостоятся помощник командира взвода Петр Лаврентьевич Шульга, наводчик минометного расчета Вениамин Михайлович Юденков, рядовой Иван Семенович Ткаченко, артиллерийский разведчик Прокопий Алексеевич Богомаз. А командир артиллерийской батареи Анвар Гатич Серазетдинов будет отмечен двумя орденами Трудового Красного Знамени и орденом "Знак Почета".

Орденом Октябрьской Революции будут награждены гвардии ефрейтор Анна Николаевна Иванова, связистка Мария Родионовна Фролова, рядовой Гайдулбар Сенаргалиевич Куанышев.

Орденом Трудового Красного Знамени будут отмечены автоматчик Константин Савельевич Бойко, ветврач Федор Александрович Голубовский, медсестра Татьяна Ивановна Денисенко, связист Герой Советского Союза Иван Федорович Корнев, рядовой Василий Демьянович Калиниченко, артиллеристы Георгий Александрович Миловидов и Александр Иосифович Михайлов, помощник начальника штаба полка Александр Иванович Семенов, командир санвзвода Михаил Григорьевич Токарчун, врач-хирург Софья Яковлевна Канина, командир стрелкового отделения Павел Григорьевич Шетинюк.

Не знал я и о том, что немало воинов-гвардейцев дивизии после войны станут видными деятелями науки, культуры и искусства. Командир минометной батареи гвардии капитан Василий Антонович Сапа - заслуженный деятель науки Казахской ССР, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической механики Алма-Атинского государственного университета; гвардии лейтенант Михаил Иванович Рубцов - доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заведующий лабораторией генетики, заместитель руководителя селекционного центра Института кормов в городе Лобня Московской области; Герой Советского Союза гвардии полковник-инженер Борис Константинович Гильдунин - доцент Московского Всесоюзного заочного инженерно-строительного института; гвардии старшина Федор Семенович Репринцев - кандидат исторических наук, доцент кафедры научного коммунизма Днепропетровского государственного университета; бывшая медсестра Лариса Сергеевна Тимофеева - кандидат

сельскохозяйственных наук, руководитель группы инженеров института "Моспроект-3"; начхим дивизии гвардии майор Сергей Александрович Сигов - кандидат химических наук, профессор; гвардии майор Михаил Алексеевич Швецов - заслуженный деятель искусств РСФСР, кинорежиссер Казанской киностудии; заместитель командира 158-го гвардейского артполка по политической части гвардии подполковник Антон Павлович Зубко проректор Омского сельскохозяйственного института; гвардии подполковник Петр Алексеевич Пацюк - председатель колхоза "Дружба" Кременчугского района Полтавской области; комбаты Вячеслав Александрович Евстретьев и Василий Семенович Яворский - директоры судоремонтных заводов; минометчик Гайдулбар Санаргалиевич Куанышев - директор птицефабрики в Семипалатинске; помощник начальника политотдела по комсомольской работе Константин Павлович Зырянов заместитель директора металлургического завода.

Неведомо в тот день было мне и то, что пройдут годы, и мы, ветераны дивизии, еще не раз встретимся, вспомним опаленные войной годы, бои и походы, что каждый из нас будет считать своим первейшим долгом участвовать в военно-патриотическом воспитании молодежи, нести ей правду о Великой Отечественной войне. Все это тогда было еще будущим. А мы радовались Победе...

- О чем задумался? - Комдив повернулся ко мне, положил руку на плечо. Сейчас пойдем к людям. Негоже нам уединяться в такой день...

Примечания

{1} Адам В. Трудное решение. М., 1967, с. 309-310.

{2} ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 47, л. 19.

{3} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т, 41, с. 108.

{4} ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 2, л. 11

{5} См.: История Великой Отечественной войны 1941-1945. М., 1964, т. 4, с. 68.

{6} ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 2, л. 11-12.

{7} См.: Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах. Исторический очерк. М., 1974, с. 270.

{8} См.: История Великой Отечественной войны 1941-1945. М., 1964, т. 4, с. 237-238.

{9} Там же, о. 339-340.

{10} Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-Министром Великобритании. М., 1976, с. 282- 283.

{11} Там же, с. 285.

{12} Переписка Председателя Совета Министров СССР с

Президентом США и Премьер-Министром Великобритании, с. 287.

{13} Там же, с. 288.

{14} Там же, с, 311-312.

{15} ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 2, л. 14.

{16} ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 2, л. 24.